

Б
К 13

А Б Д У Л Л А
К А Д Ы Р И

С К О Р П И О Н
И З А Л Т А Р Я

БИБЛИОТЕКА
Ташкентской высшей
партийной школы
ИНВ № 132033

ОПИСАНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР
ТАШКЕНТ-1961

84 уз 7
Е (узбек.)
К13

Перевод с узбекского
Л. Бать и В. Смирновой
Под редакцией
С. Евгенова
Перевод романа на русский язык
сверен издательским редактором
узбекского текста
Рустамом Камиловым

Худояр-хан — последний из властителей Кокандского ханства. Служить при его дворе может только безжалостный, нечестный человек. Поэтому, когда герою романа Анвару предлагают стать начальником канцелярии, он в разговоре с любимой девушкой заявляет: «Если я сделаюсь начальником канцелярии, мне придется плавать в крови».

Анвар родился в бедной семье, но воспитывался с детских лет у содержателя частной школы, учителя, вместе с его дочерью Рано. Детская дружба с годами перерастает в большую чистую любовь.

Худояр-хан решает взять Рано в свой гарем сто первой женой. После многих приключений Анвару и Рано удается бежать в Ташкент под защиту русских властей.

Роман Абдуллы Кадыри «Скорпион из алтаря» зло и остро высмеивает показную набожность духовенства, жестокость и глупость придворных чиновников Худояр-хана.

1987 ГБ УзССР
31865

Кадыри Абдулла.
Скорпион из алт. ря.
Пер. с узбек. Лидии Бать и Веры Смирновой.
Т., Гослитиздат УзССР, 1961. 250 стр. С (узбек.)

О СОДЕРЖАНИИ РОМАНА

Последний властелин Кокандского ханства Худоярхан, предаваясь своим ненасытным страстям, жертвовал ради их удовлетворения интересами своих подданных, прежде всего дехкан и бедных кустарей. По его прихоти женщины и девушки страны становились рабынями ханского гарема, а те, кто пытались воспротивиться этому, беспощадно карались. Вот это и составляет содержание моего романа.

Насколько это возможно в пределах небольшой книги, я описываю здесь главную опору Худояра — улемов, высшее духовенство края, их общественную и личную жизнь, медресе и семейный быт, их безнравственность, бессердечие, крайнюю бесчеловечность. Это — отрицательные герои моего романа.

Этим черным силам противостоят люди из класса угнетенных: бедняки, поднимающие свой голос против духовенства, против ханского строя, честные труженики с их моралью, их добросердечностью и готовностью постоять друг за друга.

Описывая положительных героев романа, я, конечно, старался изобразить их такими, какими они были, ничего не преувеличивая и не погрешая против исторической правды. Их отношение к хану и к его челяди, их протест против ханской жестокости, были, естественно, стихий-

ными; показывать это иначе, преувеличивать события было бы неправдой и уронило бы достоинство книги. Вскрывающая противоречия двух классов — правящего и угнетенного, я хотел нарисовать картину тогдашней жизни, дать исторические и этнографические приметы времени, показать ханский гарем, ханских жен и рабынь, быт узбеков, своеобразный юмор народа, склонность к сатире, талантливость узбекских женщин, их способность к поэтическому выражению своих чувств и мыслей, состязания острословов. Кроме того, в романе есть и многое другое, о чем нет нужды предупреждать заранее. Все это и так не ускользнет от внимания читателя.

Абдулла Кадыри (Джулкунбай)

Ташкент — 5. II. 1928 года.

Фархад был горд своей Ширин, Меджнун — красавицей Лейли.
Горжусь я, что цветок Рано прекрасней всех цветов земли.

(Мирза)

Безумье Кайса для Лейли несчастьем было и стыдом.

Горжусь, что разум твой, мирза, как солнце блещет и вдали!

(Рано)

1. БУДУЩИЙ ХОЗЯИН РАНО

Салих-махдум

Салих-махдум¹ нынче что-то расщедрился: из мечети зашел к мяснику, купил мяса на целую таньгу² и луку на восемь грошей. Придя домой, приказал двум своим ученикам, упражнявшимся в каллиграфии, оставить занятия, полить и подмести цветник при доме, а сам с покупками пошел на женскую половину.

Нигор-аим только что отпустила девочек, своих учениц, и, взяв на руки крошку-сына, кормила его грудью. Рано, сидя на корточках рядом со своими двумя младшими братьями, лепившими что-то из глины, с увлечением играла с ними, не замечая, что ее длинные тонкие косички метут землю и все в пыли.

Салих-махдум, с покупками в руках, вошел через крытый коридор и, застав дочь в таком неподобающем виде, сказал:

— Вот так умница наша Рано! Для тебя не то, что атласа, даже бязи на платье жалко!

Рано поднялась с земли и, застыдившись, спрятала за спину перепачканные в глине руки.

— И не совестно тебе! Сейчас же походи вымой руки! Я считал малышами твоих братьев, а ты еще хуже их.

Рано побежала к арыку, а Нигор-аим сказала:

— Совсем еще дитя — наша Рано!

Салим-махдум, сердясь на дочь, продолжал ворчать:

¹ М а х д у м — сын имама или учителя духовной школы.

² Т а н ь г а — серебряная монета (15—20 копеек).

— Если нечего делать, читай книги, займись каллиграфией, ты же ведь не дочь гончара...

Он положил мясо около Нигор-аим и поднялся на айван¹.

Нигор-аим не обратила внимания на его нотации. Ее сейчас больше интересовало, почему он принес столько мяса, и она недоумевала, что заставило его раскошиться. Правда, на кухне Нигор-аим мясо не было редкостью, порой бывали и целые туши, весом в несколько чорак², но приносил их не муж. Щедрость же махдума обычно измерялась восьмушками, и то он покупал мясо в те редкие дни, когда пятничные приношения учеников — плата за учение — оказывались больше, чем он ожидал. Нынче Нигор-аим никак не могла отнести его щедрость за счет этих приношений.

— Что-то много мяса вы купили... Анвар что ли велел? — спросила она.

— Нет, — сказал махдум, вешая чалму на деревянный колышек, вбитый в стену, — просто я решил: приготовим манты, ей-богу, давно мы не ели манты...

Вернулась Рано, умытая, чистенькая. Смущенно взглянув на отца, она села рядом с матерью и нежно ласкала крохотные ручки ребенка, сосавшего грудь Нигор-аим.

Салих-махдум снял халат и, подойдя к жене с дочерью, стал перед ними с важным видом.

— Рано, дочь моя, — сказал он наставительно, — ты уже не ребенок, пора перестать ребячиться... Что сказали бы люди, если бы увидели, что ты как маленькая играешь с братишками? Слава богу, тебе уже пора самой быть хозяйкой дома... Теперь, дочь моя, ты должна взвешивать свои поступки сообразно своему возрасту!

Рано, покраснев, взглянула на мать и опять стала целовать ручонки малыша.

— Видно, до тех пор не станет взрослой наша Рано, пока не вручите ее будущему хозяину, — сказала Нигор-аим.

От этих слов матери Рано совсем застыдилась и спрятала лицо на груди ребенка. Салих-махдум, усмехнувшись, направился к двери.

¹ Айван — крытая терраса.

² Чорак — мера веса — от семи фунтов до десяти.

— Встань, Рано, нечего бездельничать,— сказал он, надевая кавуши¹.— Помоги матери — нарежь мясо, почи лук. Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве.

Когда отец ушел, Рано подняла голову и посмотрела на мать с шутливым упреком. В ее взгляде не было теперь смущения, вызванного материнскими словами, напротив — в нем светилась радость. Ведь в этих немногих словах, которыми только что обменялись родители, прямо говорилось о судьбе Рано — цветка, расцветшего в их саду. «Пока не вручите ее хозяину...» — эти слова Нигор-айм, может быть немножко грубоватые, говорили о том, что у Рано уже есть хозяин. И оттого, что Рано хорошо знала, кто ее хозяин, и готова была на крыльях лететь к нему навстречу, в ее глазах не было ни тревоги, ни смущения, а открыто сияла радость. Фраза, брошенная отцом: «Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве», — для Рано была полна глубокого смысла.

2. РАБЫНЯ ЭМИРА УМАРХАНА

Салих-махдум, учитель и имам, с 1230 по 1290 год хиджры², жил, выражаясь в стиле того времени, в «райском городе Коканде» и содержал там школу.

По происхождению Салих-махдум принадлежал к верхушке духовенства — улемам: дед его во времена Алимхана и Умархана занимал должности законоведа и судьи, отец долгие годы был преподавателем в медресе самого Мадалихана в Коканде. Словом, предки махдума при ханах были знатными людьми, выдающимися должностными лицами. Однако эта слава предков не дотянулась до нашего Салиха-махдума, она оборвалась с казнью Мадалихана. Вот как это случилось.

Тем, кто знаком с историей Туркестанского ханства, вероятно, известно, что эмир Умархан на склоне лет полюбил совсем юную рабыню. Так как она была несовершеннолетняя, законный брак не мог быть заключен. Умархан умирает, не дождавшись исполнения своих

¹ Кавуши — кожаные калоши.

² Хиджра — мусульманское летоисчисление, годы эти соответствуют 1813 и 1873 гг. общепринятого календаря.

желаний, и на престол вступает его сын Мадалихан. Проходит несколько лет, рабыня становится совершеннолетней и еще в сто раз красивей, чем прежде. И Мадалихан, сын своего отца, тоже влюбляется в нее. Молодой хан не спускает глаз с этой девушки, выросшей во дворце, но...

Если верить историческим источникам, Мадалихан долго горит в пламени этой страсти и изнывает от горя, ибо улемы не разрешают ему вступить в брак с любимой, которая, по их мнению, является его мачехой, то есть все равно, что матерью. «Хотя ваш отец и не венчался с этой рабыней, но он собирался вступить с ней в брак. Поэтому она ваша мачеха, то есть почти мать, и шариат не может разрешить вам вступить в брак с нею», — так сказали улемы.

Мадалихан, затаив свое горе, постепенно начинает снимать старых улемов с высоких должностей и заменять их новыми людьми. Подготовив так почву для достижения своей цели, года через два он вновь обращается к улемам, прося разрешения на брак.

И, разумеется, эти новые люди, едва хлебнувшие благ своего положения, не могут противиться желанию своего милостивого повелителя. «Религия признает законным только брак, совершенный по шариату, — объявляют они. Ваш покойный отец говорил, что «хочет вступить в брак», но он не сказал, что «вступил в брак». И, значит, вполне уместно и законно вам, повелителю мусульман, сочетаться браком с принадлежащей вам рабыней. И это будет даже, согласно шариату, доброе дело». И дают нужную хану фетву — разрешение, и ставят подписи:

«Сын покойного законоведа — такой-то», «сын покойного мударриса¹ — такой-то», «сын кокандского почетного гражданина — такой-то», и скрепляют их своими внушительными печатями. И тогда Мадалихан устраивает пышную свадьбу и достигает своей цели.

Слух о необыкновенной красоте рабыни Умархана уже давно дошел до бухарского эмира Насруллы (Батыр) хана.

И уже давно он был заочно влюблен в красавицу и усердно засовывая под язык насвай², не раз ломал голо-

¹ М у д а р р и с — преподаватель медресе.

² Н а с в а й — табак.

ву, как бы заполучить ее себе. Известие о женитьбе на ней Мадалихана возмутило эмира.

Полный гнева, эмир Батырхан немедленно созывает пред свои ясные очи всех своих улемов, законовеедов, знатоков шариата и им подобных, оповещает их о возмутительном поведении Мадалихана и требует у них фетву на священную войну. Святейшие, кто умыв руки, а кто и без омовения, кто разобрав в чем дело, а кто и не поняв ничего, тотчас же составили такую фетву:

«Согласно шариату, обязанность эмира, поставленного во главе мусульман, заключается в том, чтобы он крепко стоял за религию ислама и выполнял все ее догмы. Тот, кто допустил малейшее отступление от законов религии, не может быть эмиром, повелителем народа, исповедующего ислам, и должен считаться вероотступником. Да помилует нас бог!

В настоящее время правитель Ферганской долины Туркестанского края, эмир Мухаммед Алихан женился на сопернице своей матери, на той, которую хотел взять в жены его отец, то есть женился на своей мачехе, которая по шариату приравнивается к матери, вскормившей его своей грудью. Да помилует нас бог!

Согласно священным указаниям Корана, Хадисы¹ и книги четырех сект, перед лицом всех досточтимых последователей ислама, в глазах уважаемых улемов, Мадалихан истинно есть вероотступник. Эмирам, стоящим во главе верующих, и каждому мусульманину вменяется в обязанность убивать поганых вероотступников».

Эмир Насрулла отнесся к этой фетве «беспристрастно и объективно» и тут же, на правах «поборника веры», со всем своим войском пошел походом на Фергану.

Как сражалось Туркестанское ханство против правоверного эмира Насруллы, сколько при этом было снесено голов с той и другой стороны, нас в данном случае не интересует. Нам важно только отметить, что Мадалихан потерпел поражение и был казнен эмиром Насруллой.

Кокандское духовенство, выдавшее разрешение на брак Мадалихану, было жестоко наказано, многие лишены сана, кое-кто спасся бегством. А эмир Батырхан назначил правителем Ферганы своего человека и, забрав

¹ Х а д и с а — жизнеописание пророка Мухаммеда.

красавицу рабыню, как победитель торжественно вернулся в Бухару.

Так случилось, что отец нашего Салиха-махдума был одним из тех, кто писал фетву Мадалихану и был лишен духовного звания эмиром Насруллой. Он недолго жил после этого, умер вскоре — и на том кончилась слава и все привилегии их семьи, потому что с тех пор правители Ферганы были ставленниками эмира бухарского, и все духовенство, прежде служившее Мадалихану, оказалось в опале.

3. ЖЕНИТЬБА МАХДУМА. САЛИХ-МАХДУМ ОТКРЫВАЕТ ШКОЛУ

Салиху-махдуму было двадцать лет, и он еще учился в медресе, когда умер его отец. Старший брат его со своей семьей переехал в Маргелан и сделался там имамом¹. Салих-махдум с матерью и шестнадцатилетней сестрой Наимой остался в Коканде. Никаких доходов у них не было, семья терпела нужду, и Салиху пришлось бросить учебу и искать какой-нибудь работы.

Конечно, на тяжелую черную работу он не годился, а для того, чтобы занять место имама, был слишком молод — борода еще не выросла. Наконец, по совету родных и соседей, ему с большим трудом удалось открыть школу у себя на дому, собрав с десяток учеников из ребят ближайших кварталов. Он сделался учителем и принялся за дело с усердием, как говорится засучив рукава. Несколько лет школа не приносила ему больших доходов, ибо количество учеников не превышало пятнадцати — двадцати человек, и их пятничных приношений в виде продуктов и денег едва хватало на пропитание семьи. Других источников заработка у махдума и его близких не было, и приходилось довольствоваться этими приношениями.

Когда юноше исполняется двадцать лет, а девушке пятнадцать, то главная забота их матери — поиски невесты и жениха. У Мохлар-аим, матери Салиха, эта забота была как рана, посыпаемая солью: ведь сыну ее перевалило за двадцать, а дочери исполнилось восемнадцать — значит, нужны были и жених и невеста.

¹ И м а м — священнослужитель.

Судьба дочери ее не так беспокоила — Наима была красива, хорошо воспитана, трудолюбива: кто-нибудь да женится на ней — не бек, так из рода беков, не мударрис, так мукаррир¹.

Труднее было с махдумом. Заработок его был невелик, в наследство от отца ему достался дом, — только и всего. Если Мохлар-аим не женит его, пока жива, — без нее как он женится? Мохлар-аим решила уладить дело с помощью Наимы, то есть выдать Наиму замуж в такую семью, где можно было бы найти и невесту Салиху. Есть такой обычай «перекрестного сватовства», но дело это сложное. Надо было найти такую семью, которая была бы им ровней по происхождению, и где были бы и сын и дочь, да притом невеста была бы хороша собой. На поиски ушло целых два года и все без толку. Наконец уже на третий год хлопоты Мохлар-аим увенчались успехом.

В семье одного, теперь уже умершего, мирзы из ханского дворца был сын, учившийся в медресе, и шестнадцатилетняя дочь, сидевшая дома и от безделья жевавшая серу. Предложение Мохлар-аим было встречено в этой семье с радостью. Недаром говорится: людей сближает общая забота. Свахам сына мирзы понравилась Наима, и они приняли предложение Мохлар-аим. Та в свою очередь отправилась в дом покойного мирзы на смотрины невесты и, вернувшись, сказала Салиху: «А девушка-то пригожая». Смотрины женихов тоже удовлетворили обе стороны. Договорились: ни с той, ни с другой стороны никакого калыма², каждая семья устроит угощение и, снарядив невест, кто как может, разведут их по домам. Обе свадьбы справили на той же неделе. Наима-ханум ушла туда, Нигор-ханум пришла сюда. Вот так Салих-махдум и стал женатым.

На третий год существования школы Салиха-махдума дела его поправились, — теперь у него было уже до сорока учеников. Когда же Салих-махдум достиг тридцатилетнего возраста, школа его славилась уже во всей округе, и число учеников возросло до ста. Михманхана³ его стала уже тесной для занятий, и он выстроил отдельное

¹ М у к а р р и р — примерно соответствует понятию ассистент.

² К а л ы м — приданое, выкуп за невесту.

³ М и х м а н х а н а — комната для гостей, приемная.

помещение для школы. Там были классы для уроков грамматики и каллиграфии. Салих-махдум привлек к работе и Нигор-ханум. Позанимавшись с ней сам, он сделал из нее тоже учительницу — «отин-биби». Девочки из ближайших кварталов приходили к ней учиться. Благодаря своей школе, Салих-махдум завоевал уважение в городе, привел в порядок свое хозяйство, увеличил достаток в доме. В сорок лет он стал имамом в мечети своего квартала, еще расширил свою школу, и имя муллы Салиха-махдума стало известным в городе. Его бывшие ученики, ставшие кустарями, торговцами, студентами медресе, выказывали ему уважение и приумножали его славу.

Некоторые из них даже удостоились чести быть принятыми на работу во дворец хана — но об этом вы узнаете в следующих главах.

4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА САЛИХА-МАХДУМА

Читателю уже более или менее известно, что, хотя доходы махдума за двадцать лет нельзя сравнивать с богатством какого-нибудь бека, правителя города или кишлака, все же он зарабатывал больше любого учителя в городской медресе, хотя тот получает еще прибыль и от захваченного в свои руки вакуфа¹. Несмотря на хороший заработок, в характере Салиха-махдума развились черты, которые при самом добром к нему отношении никак нельзя похвалить: нечто напоминающее корыстолюбие, похожее на жадность, что-то вроде зависти.

Юношей, после смерти отца, он жил в тяжелых условиях, может быть потому и выработались в нем эти непривлекательные черты; но цель наша здесь — воздержаться от пристрастных суждений и не увлекаться детальным анализом характера махдума, а просто нарисовать читателю его образ таким, какой он есть. «Луну подлом не закроешь». Конечно, надо признать, что махдум был скуповат. В те времена, когда он мало зарабатывал, это еще можно было как-то оправдать; но и впо-

¹ В а к у ф — имущество, завещанное или переданное каким-то лицом мусульманскому духовному учреждению — с правом пользоваться доходами с него.

следствии, когда он уже ни в чем не нуждался, скарденность оставалась его отличительной чертой. Одежда его была всегда в заплатках. Вот уже семь лет, как он носит один и тот же стеганый халат — каждый год на нем лишь меняются рукава да нашиваются новые заплаты. Четыре года назад, всего лишь раз за все свое существование, да и то без ведома махдума, по настоянию Нигор-аим, этот халат выкупался в корыте. Нынче халат собирается вступить в свою восьмую зиму, а пока что, весь в разноцветных заплатках, лежит в узле и набирается сил, чтобы с осени вновь служить своему хозяину. Соседи-шутники прозвали этот халат «добытчиком богатства». Как только махдум появлялся в своем халате, за его спиной раздавалось: «А! «добытчик богатства» вернулся с базара! Ну что ж, он еще крепкий. Коли не устать нашивать заплаты, он еще лет десять послужит!» — и слышался смех. Нечего скрывать: много развлечения обитателям квартала, где жил махдум, доставляли и его ичиги, голенища которых от многократной смены головок, обвисли гармошкой и были лишь на ладонь выше щиколотки, и тяжеленные кавуши, и белая бязевая чалма, которая так стара, что обтрепанные концы ее свисают бахромой. Впрочем, у махдума были и праздничный халат из бенаресского шелка, и полупшляковая ватная поддевка, одеваемая под халат в холодные дни. Местные остряки звали этот праздничный халат «крайней нуждой», а поддевке еще не успели дать имя, так как она появилась на свет божий совсем недавно — лет пять назад. Чтобы быть последовательным до конца, опишем кстати и летнюю одежду махдума: легкий халат из бязи в красную полосу, рубаха из белой бязи — очень широкая, ибо узкая скоро порвется, — такие же штаны и легкие кавуши на босу ногу. А чалма всегда одна и та же — зимой и летом.

5. В СЕМЬЕ И С ЛЮДЬМИ

Махдум и в семье своей был скуп. Не только в одежде, даже в пище он требовал воздержания и следил за этим неусыпно. Не чаще одного раза в месяц позволял стирать белье, а если замечал, что Нигор-аим затеяла стирку раньше срока, махдум устраивал настоящий скандал, крича, что она «гноит белье» в корыте. Плов

ели только раз в две недели (кроме дней, когда ученики приносили ему как плату за учение); обычно же варили лапшу, маставу¹, суп с поджаркой. Мясо попадало в котел Нигор-аим, только когда готовили плов, да и то куски были, как говорится, легче воздуха.

Зато махдум заваливал кухню репой, тыквой, свеклой. Как ни противилась жена, он мешками закупал репу, приговаривая, что молитвам святой Фатимы-Зухры обязаны мы тем, что репа растет на земле; что касается тыквы, то она — одно из чудес пророка Юнуса. Конечно, махдум говорил так потому, что репа и тыква — самые дешевые овощи. Раза два в неделю он заставлял жену печь пирожки с тыквой и при этом не уставал повторять: «Сала клади поменьше, от него теряет вкус тыква». Лепешек дома не пекли и на базаре не покупали, ибо приносимых учениками хватало с излишком, даже приходилось часть их сплавлять на базаре.

С учениками махдум обращался хорошо: мог сколько угодно кричать, браниться, если не приготовили уроков или шалили в классе, но никогда их не бил, чем и прославился среди кокандских детей. Но когда дело касалось пятничных приношений, тут уж он никому не давал спуску; от детей богатых он добивался полностью всего, что полагалось, с детей бедняков старался урвать, что только можно. По установившейся традиции, например, когда ученик заканчивал изучение священных книг — Хафтияка, Корана, Суфи аллаяра, — полагалось что-нибудь принести учителю, а когда заканчивали школу, следовало пригласить махдума на угощение и преподнести ему новую одежду. Но лишь немногие выполняли свой долг, чаще отделялись словами «завтра», «послезавтра», а потом и совсем забывали, чем очень обижали своего наставника.

Кроме основной платы за учение — пятничных приношений, которые ученики обязаны были приносить по четвергам, — полагались добавочные взносы: принимаясь за тот раздел Корана, который называется «кулье», ученик должен был принести оладьи; приступая к разделу «амма», несли богирсак², — перед «есыном» — блин-

¹ М а с т а в а — рисовый суп с мясом, заправленный кислым молоком.

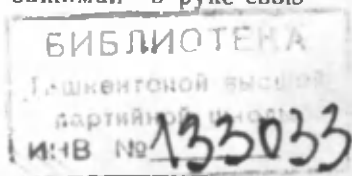
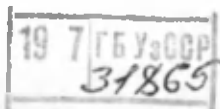
² Б о г и р с а к — узбекское кушанье из теста, напоминающее плюшку.

чатый пирог. Каждый год ученик должен был оплачивать стоимость камышовой циновки, на которой сидел, и несколько раз в месяц платить за веник, которым подметали класс.

Махдум всячески старался привлечь в свою школу побольше учеников, особенно сыновей баев и беков. Если сын какого-нибудь бая или высокопоставленного лица учился у другого учителя, махдум зазывал ребенка к себе, проверял его знания и, если ученик не мог ему хорошо ответить, говорил: «Вы не виноваты, сын мой, у вас плохой учитель. Но я к вам хорошо отношусь — вы можете приходить на уроки и в нашу школу». Конечно, с той поры ребенок разочаровывался в своем учителе и через некоторое время переходил в школу Салиха-махдума. С учениками из школ в отдаленных кварталах он заводил подобные разговоры даже на улице. С баями и знатными людьми, у которых были дети, махдум почтительно и скромно раскланивался при встречах, даже если не был знаком с ними. Когда же случалось заговаривать с ними, расспрашивал, сколько у них сыновей, нет ли у них стремления к учению, вскользь упоминал о своих особых методах, которые облегчают детям усвоение необходимых знаний. Нельзя сказать, чтобы такие приемы махдума не имели успеха, школа его постоянно пополнялась новыми учениками.

Махдум ненавидел других учителей, которые, подобно ему, содержали школы, в сердце его всегда жила глубокая обида на них. При всяком удобном случае он говорил про любого из них: «Да, он такой... говорят, он только отнимает время у детей... никакого толку нет от его уроков... Недавно некоторые его ученики приходили ко мне жаловаться... И хотя моя школа и так переполнена, но нельзя же, чтобы страдали дети,— пришлось принять их в мою школу...» Так он старался поддеть своих соперников; слушатели, конечно, не подозревали истинных причин, которые побуждали его так говорить, а он всегда искал подходящего момента, чтобы бросить тень на другого учителя.

У махдума была благообразная внешность: высокий, худощавый, белолицый, с жидкой бородкой. Лет ему было за пятьдесят, в волосах и бороде уже проглядывала седина. Разговаривая с людьми, особенно когда он чему-нибудь удивлялся, Салих-махдум зажимал в руке свою

реденькую, но ровную бородку и слегка прищуривал правый глаз; часто в разговоре он произносил «хабба» — слово, значение которого было известно только ему самому, а собеседники и не спрашивали, что оно значит. Вероятно, это было что-то вроде восклицания «хабба-хабали!», или «хабаракалла!», что означает: «Вот здорово! Молодец!», — чаще всего махдум повторял это, когда был чем-нибудь доволен или обрадован.

Вот мы и заполнили несколько страниц характеристической махдума, даже позлословили на его счет. И дальше нам придется тоже высказать немало неместного о нем. Но мы спокойны, потому что ничего не выдумали, — написали только то, что говорили о махдуме люди, и дальше так будем продолжать писать. Но одно мы можем сказать о нем такое, что искупает многие его недостатки: как бы там ни было, махдум был учителем, передовым человеком своего времени. Благодаря его стараниям многие кокандцы стали грамотными людьми. Он даже воспитал некоторых людей, которым суждено было занять высокие посты.

6. НИГОР-ХАНУМ

Нигор-ханум не была счастлива в замужестве. Сначала бедность мужа, а после, когда он разбогател, его скупость заставляли ее проливать немало слез. Но недаром говорится: «голова женщины — краеугольный камень в доме» — на ней все держится... Ей было сорок лет, из них двадцать пять она промучилась со своим скупым мужем. Она была матерью четырех детей — семнадцатилетней Рано, восьмилетнего Махмуда, шестилетнего Мансура и маленького Масуда, который еще лежал в колыбели. Между Рано и Махмудом у нее были еще двое детей, которых она похоронила.

По сравнению с другими кокандскими женщинами, Нигор-ханум оказалась на редкость терпеливой и выносливой женой. Кажется, на свете нет матери, которая не была бы готова все простить сыну, однако Мохлар-аим, мать Салиха, не выдержала его скупости, переехала в Маргелан к старшему сыну и там умерла. А Нигор-ханум, стиснув зубы, жила надеждой: «Если от мужа я ничего хорошего не видела в жизни, то, может быть, дети — дочь моя и сыновья мои — вознаградят меня когда-нибудь

за мое терпение». И в самом деле, Рано уже теперь скрашивала жизнь матери, и Нигор-аим наконец поверила, что если пятнадцать ночей в месяц темны и безлунны, то другие пятнадцать могут быть светлыми и ясными.

У бедных людей случается, когда нужда совсем оседлает их, какой-нибудь сапожник или поденщик бранит и бьет свою жену, пинает ее ногами. Но стоит тому же сапожнику поесть досыта, если дела у него пойдут хорошо, — отношения мгновенно меняются: супруги мирно беседуют, муж ласково гладит жену по спине, вместо ругани и побоев — между ними мир и любовь. Жена забыла вчерашние побои, вместо упреков — сплошная преданность. «Юсуф и Зулейха»! — скажете вы, глядя на них!

Если же мы заглянем в семьи высшего круга, то увидим совсем иную картину. Все сыты, ни в чем нет недостатка, жизнь им улыбается, но семейные драмы здесь бывают гораздо чаще и они глубже и сильнее, потому что это не временные вспышки и распри, и причины их отыскать труднее. Сапожнику туманит глаза гнев на неустройство жизни — и он срывает зло на жене. Но у баев условия жизни не вызывают досады, у них есть все, что они пожелают, — почему же в их семьях постоянные скандалы и почему они обращаются со своими домашними, как с собаками?

Все помыслы нашего махдума были направлены на то, чтобы удвоить каждую полученную денежку. Он существовал не для того, чтобы хорошо жить, а для того, чтобы копить богатство, жил, чтобы приумножить свое имущество. Он не бил свою жену Нигор-ханум, но он ее так притеснял, что это было в пять раз больше побоев. Он скопил уже свыше двухсот золотых, — о них речь впереди, — у него было два сундука одежды, полученной от учеников в подарок по случаю окончания школы. Он не тратил ни гроша из накопленных денег, он не только не давал домашним ничего из подаренного платья, но, как мы знаем, и сам ничем не пользовался. Это можно бы еще как-то простить! Но у Нигор-аим у самой постоянно учились двадцать, а то и тридцать девочек, и весь свой заработок, все, что ей полагалось получить от своих учениц, она должна была отдавать уважаемому супругу, она не распоряжалась своими деньгами и должна была от-

¹ Юсуф и Зулейха — легендарные возлюбленные.

читываться перед мужем в каждой копейке. За это он покупал ей раз в год платье и шаровары из самой грубой бязи. Что же касается ватного халата и летнего камзола, она получала их раз в пять-шесть лет.

Нигор-аим была невысокая женщина с миндалевидным разрезом карих глаз, с красноватым цветом лица. Если бы не следы оспы кое-где на лице, она могла показаться даже красивой. Она была очень мягкой в обращении с детьми — и со своими, и с ученицами; только если уж очень рассердится, сдвинет брови и скажет: «А, чтоб тебе засохнуть!» Учениц своих она не притесняла, как махдум, из-за пятничных приношений, но за эту мягкость ее притеснял муж. Она была молчалива, не болтала зря, не смотрела на других женщин свысока, как иные учительницы; обращалась со всеми просто. И женщины, которые любили позлословить о махдуме и посмеяться над его привычками, никогда не сплетничали о Нигор-ханум, говорили о ней в глаза и за глаза одинаково с уважением и жалели, что она вынуждена покоряться такому скряге, как махдум. «Видно, уж так ей на роду написано», — говорили о ней.

7. РАНО

Внешность человека редко соответствует его имени. Я понял это в пору моей заносчивой юности, когда особенно ищешь во всем красоты. Однажды — не то у нас дома, не то еще где-то, хорошо не помню, — зашел разговор о девушке, по имени Лола¹, об ее способностях к рукоделию. Собеседники были мне людьми близкими, я считал неудобным расспрашивать о девушке, но вопрос — красива ли она — был для меня гораздо важнее ее рукодельного искусства. Мне казалось, что именем «Лола» мог называться только ангел. Лола, думалось мне, должна быть и красива, как тюльпан. И я решил во что бы то ни стало увидеть ее. Увидеть лицо взрослой девушки и в наши дни дело нелегкое, а лет десять назад было еще труднее. Как говорится, «горя в огне ожидания», я бродил по улицам в надежде случайно встретить Лолу. И наконец я увидел ее, когда она шла с кувшином за водой.

¹ Лола — тюльпан.

Если не считать маленькой серьги в носу, ничего красивого у нее не было. Я не поверил своим глазам и спросил мальчишку, стоявшего рядом, как зовут девушку, которая набирает воду.

— Это Лола-опа,— сказал он.

А мне послышалось «Мола¹-опа» — право, ей это больше подходило бы.

Несколько дней я искренне негодовал, что этой девушке дали имя Лола. В юности можно досадовать и по такому поводу...

А вот имя Рано вполне соответствовало ее красоте. Я не художник. Но, если бы я был им, я не стал бы вам описывать ее наружность, а просто нарисовал бы вам ее — для этого мне понадобился бы только сок из цветка шиповника².

Салиха-махдума нельзя считать хорошим человеком, он корыстолюбец, скряга, но природа щедра: среди шипов распускается роза, ядовитая пчела собирает сладкий мед. И вот на кусте, усеянном колючками, расцвел чудесный цветок — Рано.

Для нас, узбеков, особенно для кокандцев, характерен особый, слегка желтоватый цвет лица. Но это совсем не та желтизна, которая является признаком болезни. Все оттенки шафрана грубы для того, чтобы изобразить особенность этого цвета кожи. Пожалуй, больше всего лицо этой красивой девушки и было похоже на бледно-желтый цветок шиповника. Даже пушок на лице Рано золотистый. Волосы Рано, иссиня-черные в тени, на солнце тоже излучают теплый золотой отблеск. Этот отблеск появляется и в ее глазах, когда она пристально смотрит на вас. Черный цвет их тогда смягчается, и в них зажигается огонек. Ресницы ее так густы, что глаза кажутся подведенными сурьмой. Брови ее как два клинка, соединенные легкой линией над изящной формы носиком. Над губами, каждую минуту готовыми раскрыться в улыбке, темнеет легкий пушок. Лицо ее не овальное, но и не круглое, как луна. Когда она смеялась, то на щеках, румяных как яблоки, появлялись ямочки, и вся она казалась похожей на цветущий шиповник. Ее густые волосы рассыпались по спине и плечам бесчисленными косичка-

¹ Мола — борона.

² Рано — цветок шиповника.

ми. Покрытые хной ногти на ее нежных пальчиках — как лепестки цветов. Словом, это была красавица, достойная того, чтобы ее воспевали в песнях не только в Коканде, но и по всей Фергане.

Рано — первенец Нигор-аим, в этом году ей исполняется семнадцать лет. Она училась у своего отца и четырнадцати лет закончила программу начальной школы, усвоив хорошо все, что полагалось. Она изучила священные книги — Хафтияк, Коран, Чахар-Китаб, Суфияллаяр, Маслаки Муттакин, по литературе — все произведения Навои, «Диван» и «Лейли и Меджнун» Фуззули, Амири, Фазли, а также произведения крупных чаготайско-узбекских поэтов; на фарсидском языке она прочла книги Ходжи Хафиза Ширази и Мирзы Бедиля; кроме того, занималась каллиграфией, изучала грамматику. Теперь она помогает матери заниматься с ученицами и продолжает брать у отца уроки арабской грамматики, изучает «Гулистан» Шейха Саади, а также составляет для себя сборник стихов любимых узбекских поэтов. Иногда она сама сочиняет стихи, но это ее тайна. Если стихотворение нравится ей, кажется удачным, она показывает его только одному человеку, и человек этот верный, никому не выдаст ее тайны.

Вы уже видели красоту Рано, ее поэтический облик. Теперь отметим ее острый ум, образованность, нравственные качества. Надо признать, что такие девушки редко встречались даже во времена ханов. Но при всей ее серьезности, она сохранила детскую непосредственность, во всех играх своих младших братьев она участвовала как равная. За спиной матери она могла из-за пустяков поссориться с ученицами. Вдруг она бросала занятия и убегала, обидевшись, например, на то, что девочки не приготовили урока. Правда, мать ее не бранила за это, зато от отца ей приходилось выслушивать немало наставлений. Она не очень любила отца — и не потому, что он донимал ее нравоучениями, но из-за матери: она понимала, как мучает ее отцовская скупость. Когда Рано сердилась на отца, она говорила матери совершенно серьезно: — «Вы сами виноваты во всем, — если бы вы вышли замуж за другого человека, мы теперь так не мучились бы», — и такими упреками могла рассмешить расстроенную мать.

Однажды в сердитую минуту она написала сатириче-

ские стихи про отца и показала их своему другу, который много смеялся. Для того, чтобы позабавить и вас, мы приведем здесь несколько строк.

...Коль прольется масло в лужу,— выпьет лужу господин.
На базаре покупает, что похуже, господин.
— Серьги мне нужны, а также ожерелье — для Рано,—
Скажет мать, и кулаками машет тут же господин...
— Надевать сережки вредно! Уши можно оттянуть!—
Криком скулость прикрывает неуклюже господин.¹

На этом пока мы оставим наших героев.

Если читателю покажется, что их внешний облик еще недорисован и характеры неясны, то, надеюсь, в дальнейшем повествовании они раскроются глубже и яснее.

8. НЕКТО ИЗ ДВОРЦА

Усадьба махдума состояла из трех частей. В помещении, фасадом выходявшем на улицу, были михманхана и классные комнаты. За этой «мужской половиной» дома находился квадратный сад, величиной с полтанапа², там росли фруктовые деревья — персики, яблоки, инжир и несколько старых виноградных лоз.

Сад был хорошо возделан, ни одна пядь земли не пропадала даром, потому что махдум широко пользовался услугами своих учеников. Посреди сада, где виноградные лозы образовали навес, было устроено широкое глиняное возвышение — супа — в полтора аршина высотой. Вокруг нее были посажены цветы, и аромат их, особенно райхона, наполнял сад. Из дома в сад вели две дорожки — одна к супе, другая на женскую половину.

Середина августа. Плоды в саду наливаются и зреют, гроздья винограда — черного хусайни — словно налиты медом. Дорожки политы, супа покрыта, правда, не

¹ Стихи в тексте переведены Ю. Нейман.

² Та на п — мера площади, различная в разных районах, — от 1/6 до 1/2 гектара.

ковром, но все же узорчатой кошмой, на которой с трех сторон разложены мягкие тюфячки — курпачи.

Отнеся на женскую половину мясо, махдум пошел в класс и часа два занимался с учениками каллиграфией. Одному из учеников, написавшему удовлетворительно трудное слово «абджад», он по обычаю связал крест-накрест руки и отправил домой. Как и полагалось, ученик скоро вернулся с подарком для учителя. На этом закончились занятия, и махдум отпустил учеников.

Едва только махдум вышел из школьного помещения и собирался направиться в ичкари¹, как в ворота с улицы вошел человек в одежде, какую носили служащие дворцовой канцелярии, и, с улыбкой поклонившись, направился к нему. Махдум впервые видел этого человека, судя по одежде — придворного. После взаимных приветствий они поздоровались за руку. Считая неудобным сразу спросить, зачем он пожаловал, махдум засуетился, пригласил гостя в дом. Гость не заставил себя упрашивать и вошел вслед за хозяином в михманхану. Сели. Помолчились. Гость из дворца, улыбаясь, посмотрел на махдума и уселся поудобнее.

— Если я не ошибаюсь, вы, почтеннейший, являетесь учителем мирзы Анвара?

— Да, я, ваш покорный слуга.

— Здоровы ли вы и ваши домочадцы?

— Слава богу!

Гость из дворца, неожиданно оказавший махдуму честь своим посещением, был высокий брюнет, лет сорока, с длинной черной бородой, в серебристой чалме, конец которой был сбоку спущен на плечо.

— Ваш покорный слуга, — сказал человек из дворца, — работает вместе с мирзой Анваром в дворцовой канцелярии. Может быть, вы слышали обо мне, — меня зовут Султанали.

— Да, да! — улыбнулся махдум. — Я слышал о вас от Анвара. Он мне рассказывал кое-что о вашей милости. Чем же я заслужил, что бог направил ко мне ваши стопы? Я очень рад вашему приходу в мой бедный дом!

— Я допустил невежливость, явившись незваным в вашу священную обитель, — сказал Султанали. — Но меня вынудила к этому моя любовь к мирзе Анвару.

¹ Ичкари — женская половина дома.

Эти слова Султанали до некоторой степени объяснили махдуму его визит, лицо махдума выразило блаженство. Щурясь от удовольствия, он глядел на Султанали.

— Хорошо, хорошо!— сказал махдум.— Могу я узнать, назначен ли новый правитель дворцовой канцелярии взамен умершего муллы Мухаммеда Раджаба? Я не успел поговорить об этом с Анваром.

— Пока еще никто не назначен, но думаем, что завтра-послезавтра будет назначен.

— Очень хорошо! Видно, есть уже и кандидаты?

— Есть,— сказал Султанали.— Его величеству были представлены несколько кандидатов: поэт Мадхий, муфтий мулла Шаходат и еще кое-кто. Наверное, вы слышали, что хотя мирза Анвар еще не дал согласия, но некоторые служащие канцелярии представили его величеству хану кандидатуру вашего ученика. И мы, уповая на милость Божию, думаем, что грамота достанется мирзе Анвару.

Махдум зажал в руке бороду и поднял глаза к потолку,— он растерялся, не знал, что и сказать.

— Я слышал, что некоторые благородные люди отдают предпочтение Анвару,— выговорил, наконец махдум, полный признательности,— и меня, бедного, смущает одно: сумеет ли Анвар справиться с такой должностью, если получит грамоту? Мне, ничтожному бедняку, кажется, что должность правителя канцелярии, особенно дворцовой канцелярии его величества хана, слишком сложна и едва ли будет по силам Анвару.

Султанали улыбнулся.

— Вы правильно судите о должности правителя канцелярии при дворце, но верно и то, что Анвар справится с этим делом. Способности Анвара известны вашему покорному слуге не меньше, чем вам, его учителю. Будьте спокойны на этот счет.

— Да, я немало труда положил, воспитывая Анвара,— сказал махдум самодовольно.— С малых лет он рос и воспитывался у меня в доме, под моим руководством. Среди сотен, а может быть и тысяч учеников, получивших у меня образование, больше всего усердия и любви я отдал этому юноше. Поэтому, я думаю, нет ничего удивительного в том, что его способности получили должное развитие.. И если я высказал опасения, то

только потому, что, несмотря на свои таланты и высоко развитый ум, Анвар еще молод и у него нет достаточно-го опыта.

— Цветник мудрости и знания — апостол Имам Азам, царство ему небесное, — сказал Султанали, — в двенадцать лет уже учил людей и начал писать книгу по богословию. Это чудо вам известно, конечно. Следовательно, молодость не имеет значения. Зато ум и знания необходимы. Например, ваш покорный слуга знает свод законов, — почти десять лет я работаю писарем во дворце и в своей профессии приобрел немалый опыт. Но если говорить откровенно, я должен признать, что кое в чем уступаю вашему ученику Анвару. Что касается, например, «тахрира» и «такриза» — правки и составления бумаг, а также и «фароиза» — раздела математики, тут я должен прибегать к помощи Анвара, хотя я вдвое его старше. Возможно, что он неопытен во многом другом, что знаю я. Но не только я, а и сам покойный правитель канцелярии Мухаммед Раджаб отмечал его способности. «Удивительный юноша!» — говорил он. Я не пристрастен к мирзе Анвару и рассуждаю так: «Чем служить под началом какого-нибудь злого и вредного человека, лучше попасть в руки благородному человеку». Однако мирза Анвар противится нам, выдвинувшим его кандидатуру, сердится на нас. Говорят, он даже собирается подать заявление хану, что его имя попало в список по ошибке, что он не может справиться с такой должностью и просит его извинить. Мы не понимаем, почему он отказывается. Вот, хоть это, может, и назойливо с моей стороны, я пришел к вашей милости с просьбой от себя и от моих товарищей. Вы заменили Анвару отца, вы были его учителем. Мы думаем, что, если бы вы, господин, уговорили его и посоветовали ему принять назначение, он согласился бы взять на себя эту должность.

— Хабба! — сказал обрадованно махдум. — Я с ним не говорил еще об этом. Теперь поговорю. Бог даст, он согласится.

— Дай бог вам здоровья, господин!

Махдум ухватил рукой бороду и сощурил глаз.

— Нынче во время полуденной молитвы, — сказал он, — прихожане спрашивали у меня: «Правда ли, что ваш сын Анвар будет назначен правителем ханской кан-

целярии?..» Видно, слух об этом уже распространился по городу?

— Возможно! — улыбнулся Султанали. И, помедлив, сказал доверительно: — Мы — несколько человек из дворца — обратились к мулле Мухаммеду-Ниязу, главному визирю, и к супруге хана Огоча-аим, просили за Анвара. Мы не сомневаемся в том, что мирза Анвар будет назначен правителем дворцовой канцелярии. Самое главное — уговорить его.

— Но вы и так предприняли многое, — сказал махдум, чрезвычайно обрадованный. — Очень хорошо, что вы сделали посредниками в этом деле главного визиря и супругу хана...

— Мы тоже так думаем... Теперь вся надежда на бога. Надеемся, что выйдет так, как мы хотим.

— Дай-то бог!

— Значит, таксыр¹, мы поручаем вам уговорить Анвара, — повторил еще раз Султанали.

— Будьте спокойны, — отвечал уверенно махдум, — я сумею уговорить неблагодарного.

Султанали попросил махдума ничего не говорить Анвару о его посещении и собрался уходить. Несмотря на усиленные приглашения махдума остаться пообедать, Султанали отказался и попрощался с ним.

Махдум торжественно проводил гостя до самых ворот, что было не в обычае у него.

9. УПРЕКИ И ШУТКИ

Погруженный в сладкие мечты, махдум совершал омовение, готовясь к предзакатной молитве. Совершая омовение, нужно строго придерживаться сунната — правил, преподанных пророком Мухаммедом, но на этот раз махдум нарушал правила и даже путал слова молитвы, произнося их невпопад.

Кое-как совершив наконец омовение, махдум пошел в ичкари. В кухне Нигор-аим укладывала манты на деревянные круги и ставила их в котел над паром. Рано сидела на айване с младшими братьями.

Как только из крытого прохода показался отец, Рано взяла на руки Масуда, встала, сняла с вешалки халат,

¹ Таксыр — господин.

чалму и подошла к краю айвана. Ребята, увидев отца, присмирели.

— Твой брат Анвар еще не пришел, — сказал махдум, надевая халат и чалму. — Ты, Рано, посидела бы пока на супе, а я схожу на предзакатную молитву.

— Хорошо, отец.

Когда он ушел, Рано с младшим братишкой на руках направилась в сад, вслед за ней побежали Махмуд и Мансур.

— Ранапа! — Ранапа! — кричал Мансур, жалуясь на Махмуда, который старался перегнать его. Рано уже подошла к супе посреди сада. Крики и плач Мансура усилились, и Рано пришлось побранить старшего братишку.

— Ах, Махмуд, Махмуд, глупый Махмуд!

Обогнав брата, Махмуд наконец остановился. Огорченный Мансур сел на землю и стал кричать не своим голосом. Рано подняла его и отряхнула пыль с его одежды.

— Не плачь, мой братик, не плачь, — сказала она. — Вот придет отец, Махмуду шлепки даст... Вот погоди, Махмуд, придет отец, — думаешь, не расскажу ему?

Держась за сестру, успокоившийся Мансур влез на супу.

Махмуд не ожидал, что дело обернется для него так мрачно.

— А что сделает мне отец? — спросил он издали.

— Пусть только придет... Ты забыл давешний прут?

Махмуд ничего не ответил, но лицо его выразило обиду и страх.

Рано с младшим братом на руках села на супу. Мансур, прижавшись к плечу своей Ранапа, насмешливо поглядывал на растерянного Махмуда.

Махмуд не мог этого снести. Он решил отомстить Рано.

— А ты жена муллы-ака! — закричал он, приплясывая. — Жена ученого брата! Ай-ай-яй, ай-яй-яй!

Рано засмеялась.

— Ты — дразниться? Ну — постой, невоспитанный мальчишка! — сказала она и угрожающе двинулась к Махмуду.

— А я знаю, знаю: жена муллы-ака, жена муллы-ака! — повторял Махмуд, удирая в ичкари.

Рано, улыбаясь, оглянулась на Мансура.

— Так, значит, я — жена муллы-ака? — спросила она.

Вместо ответа Мансур глянул в сторону входа и сбегал по лесенке с супы, радостно крича:

— Мулла-ака пришел! Мулла-ака пришел!

Рано покраснела, перебросила на спину растрепавшиеся косы и поправила платье. Молодой человек, выйдя из крытого прохода, шел по дорожке к супе. Стройный, в бекасамовом халате в мелкую черную полоску, Анвар выглядел красавцем. Не отрывая черных, будто насурмленных глаз от Рано, он присел на корточки посреди дорожки и раскрыл объятия бежавшему к нему навстречу Мансуру. Поцеловав мальчика, он взял его на руки и направился к супе.

Рано поднялась ему навстречу и приветствовала его улыбкой.

— Хорманг! Не уставать вам!

— Спасибо!

Анвар поднялся на супу и посадил на нее Мансура. Сняв кавуши, подошел к Рано, поцеловал в щечку маленького Масуда. Малыш потянулся к нему, и Анвар взял его из рук девушки. Очутившись на руках у Анвара, Масуд запрыгал и весело закричал. Рано протянула руки и стала манить его к себе. «Иди ко мне, ко мне!» — звала она. Но мальчик отвернулся от нее и уткнулся в грудь Анвара. Рано засмеялась и погрозила: «Ну, погоди же ты, маленький изменник!»

Держа на руках Масуда, Анвар уселся на супе. Мансур тотчас прижался к нему слева, Рано села рядом. Некоторое время они вместе ласкали малыша. Потом Анвар отдал ребенка девушке, снял свою серую шелковую чалму, бросил ее на подушку и вытер платком черные как смоль усики. Рано смотрела на него.

— Все ли спокойно дома? — спросил Анвар.

— Совсем спокойно, — сказала Рано смеясь.

— Ну, значит, все в порядке... Да, кстати, — сказал Анвар, оглядывая супу, — сегодня что-то здесь красиво убрано, что-нибудь готовится?

— Ждем гостей.

— Не выдумывай, Рано, — сказал Анвар улыбаясь. — Какие гости?

— Откуда мне знать? Слышала, что должны прийти люди читать фатыху¹.

— По какому поводу фатыха?

— Уж не знаю.

Анвар задумался, потом, улыбнувшись, сказал:

— Не о тебе ли будут читать фатыху?

— Какая же может быть обо мне фатыха, — ведь я еще живая.

— Не увиливай, Рано! Может быть, тебя собираются выдать замуж?

Рано покраснела, сказала шутливо:

— Кто на мне женится?

— На тебе? — засмеялся Анвар. — Да кто же, кроме хана, может на тебе жениться?

Рано, устремив взгляд на ребенка, которого держала на руках, сказала:

— Ну что ж... раз вы так говорите... что ж мне остается делать?.. — И обратилась к Мансуру: — Вставай, Мансур, идем отсюда.

У нее был обиженный вид. Анвар смутился.

— Рано! — позвал он.

Она остановилась на лесенке.

— Скажи, это правда, что будут гости?

— Правда, ждем гостя, и он уже пришел, — сказала Рано серьезно.

Анвар удивился:

— Гость уже пришел?

— Пришел.

Анвар оглянулся вокруг.

— Где же он?

Рано показала на него.

— Вот гость!

Анвар засмеялся.

— Разве я гость?

Рано ответила многозначительно:

— Конечно. Вы для нас — гость.

Анвар опять засмеялся, но смех его прозвучал уже принужденно.

— Я для вас — гость?!

Улыбаясь, Рано снизу вверх посмотрела на Анвара и,

¹ Ф а т ы х а — молитва, которую читают при начале какого-нибудь дела — при обручении, свадьбе, а также над покойником.

покачивая из стороны в сторону, стала успокаивать ребенка, который вдруг закапризничал у нее на руках.

— Не знаю...

Но притворная строгость уже исчезла из ее глаз.

Анвар от недомолвок решил перейти к делу.

— Рано,— сказал он,— ваш гость проголодался. Надеюсь, что для такого уважаемого гостя вы приготовили что-нибудь вкусное. Может быть, вы будете так любезны и сообщите мне, чем вы меня угостите?

— Гостю надлежит,— отвечала Рано,— с достоинством сидеть и кушать, что подадут, и все расхваливать.

— Правильно вы говорите, отин-биби,— сказал Анвар.— Однако, если и сегодня вы будете угощать меня, как вчера, одной лапшой, то не исключена возможность что, похвалив ее, как надлежит, я откажусь от угощения.

Рано громко засмеялась.

— Сегодня у нас суп с поджаркой,— сказала она сквозь смех.— Вы можете крошить в него черствую лепешку... а вместо мяса вам придется жевать репу!

— Отлично,— сказал Анвар,— кажется, я буду очень признателен вам за сегодняшнее угощение. А не могу ли я узнать, чьими руками — старшей или младшей отин-биби — приготовлен сегодняшний суп из репы?

— Для гостя это не может иметь значения...

— Ошибаетесь, госпожа Рано,— сказал Анвар,— руки рукам рознь.

— Ну, если так... Вы получите суп с репой из рук младшей.

— В таком случае — примите мои извинения, госпожа Рано... Из ваших рук репа покажется, наверное, дичью!

Рано хотела что-то сказать, но услышав шаги, засмеялась, кинула на Анвара быстрый взгляд и, схватив за руку Мансура, побежала на женскую половину.

10. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

Не успела Рано скрыться в ичкари, как вошел махдум, говоря:

— Пожалуйста, Шахидбек, пожалуйста!

Вслед за ним, тяжело ступая и отдуваясь на каждом шагу, появился толстый человек лет пятидесяти. Синяя

чалма обвивала его голову, лохматые брови нависали над глазами, серебряный пояс бека охватывал талию, подтягивая огромный живот. У входа в сад произошла заминка:

— Входите же...

— Нет, вы сначала...

— Прошу вас!

— Не будет ли это невежливостью с моей стороны...

Но излишние церемонии были явно в тягость телесам Шахидбека, он не хотел утомлять себя и пошел впереди махдума.

— А, мирза Анвар уже здесь... кхм...— промолвил он.

Анвар встал им навстречу. Они поднялись на супу. Шахидбек подобострастно поздоровался с Анваром и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на почетное место, ибо подняться по лесенке на супу было для него очень трудно, и уже не осталось сил для дальнейших церемоний. Передохнув, он сидя снял с себя верхний халат, снял и пояс, положив его рядом с собой, снял чалму и бросил на подушку, вытер пот со лба и стал обмахиваться.

— Здоровы ли вы, мирза, кхм?..

— Слава богу, здоров. А вы?

— Слава богу!

Махдум спросил Анвара:

— Анвар, вы, кажется, сегодня немного задержались во дворце?

— Срочные дела были.

— После смерти главного дворцового писаря,— сказал Шахидбек,— вся тяжесть работы, говорят, свалилась на вас, мирза, кхм?..

— Да,— отвечал Анвар,— иногда бывают срочные письма, приказы, которые необходимо вовремя отправить в области. Тогда приходится даже ночевать во дворце.

Шахидбек опять вытер потный лоб.

— Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь...

Анвар исподтишка глянул на махдума, встал, пошел к лесенке, стал надевать кавуши, а махдум сказал ему:

— Пойдите в ичкари, узнайте, готово ли кушанье. Если готово, принесите его.

— Хорошо.

Анвар ушел в ичкари.

Глядя ему вслед, Шахидбек спросил махдума:

- Давно живет у вас мирза?
- Почти четырнадцать лет.
- Видно, он у вас как сын родной?
- Больше того!
- Ваша дочь тоже стала уже взрослой?
- Слава богу...
- Дай им бог долгие лета!— сказал Шахидбек.—

Вы можете сделать мирзу своим зятем, кхм...

— Есть такая мысль!— отвечал махдум.— Мы и воспитывали его, как свое родное дитя, и теперь, желая сделать своим зятем, мы предпочитаем Анвара многим другим из благородных и знатных семей...

— Правильно,— сказал Шахидбек,— поистине справедливо!.. Вы хорошо понимаете, что при выборе зятя ученость и воспитанность важнее родовитости, кхм...

— Хабба!— сказал, подмигнув, махдум.— Мы как раз и руководствуемся этими соображениями.

Шахидбек был соседом махдума по кварталу и занимал должность одного из сборщиков налогов при Худоярхане. Шахидбек не был особенно близок с махдумом, когда-то даже восстанавливал жителей квартала против него, не желая, чтобы махдум стал их имамом. Внезапная дружба между ними возникла всего два-три дня назад, потому что в эти дни повсюду пошли разговоры о возможном назначении Анвара начальником дворцовой канцелярии. Эти разговоры заставили и друзей и недругов махдума призадуматься. Между прочим и Шахидбек за эти дни потерял чуть ли не четвертую часть своего веса: ведь сборщики налогов частично подчинены начальнику канцелярии. Если не наладить отношения с махдумом, могут произойти всякие неприятности. Мысленно Шахидбек уже слышал, как махдум говорит Анвару: «Этот бек когда-то обидел меня, теперь пусть расплачивается — сними-ка его с должности сборщика налогов». Конечно, Анвар не посмеет отказать в просьбе своему учителю и, став правителем, может уволить Шахидбека от должности.

Шахидбек, разумеется, вовсе не желал назначения Анвара правителем канцелярии, но был не в силах помешать этому. И хотя повышение Анвара было только предположением, Шахидбек на всякий случай решил принять свои меры предосторожности. Несколько дней назад, же-

лая сблизиться с махдумом, он начал с того, что, явившись в мечеть на молитву, стал поблизости от него — раньше он молился в другой мечети — и прослушал Коран, который был прочтен махдумом. На следующий день, после утренней молитвы, он поклонился махдуму, спросил о здоровье и сказал:

— Как я был обрадован, услышав, что Анвара хотят назначить главным писарем! Хорошо, что во дворце будет теперь наш человек. Я уже просил за него моих дворцовых друзей.

Несмотря на всю свою практичность, махдум не умел отличить друга от недруга, вернее, за пару ласковых слов или ради копеечной выгоды готов был забыть многолетние обиды. И тут он сразу всему поверил. «Видно, этот негодник победил в себе шайтана, позабыл свою вражду, обрадовался назначению Анвара. Значит, как ни силен в нем шайтан, а все же справедливость взяла верх!» — подумал он и дружески рассказал Шахидбеку все, что знал о предполагаемом назначении. Нынче, придя на предзакатную молитву, он пожаловался Шахидбеку на «глупого» Анвара, который недоволен предстоящим назначением и хочет отказаться, Шахидбек, подумав немного, сказал: «Дайте-ка, я сам поговорю с мирзой Анваром»... Ведь, если Анвар будет назначен, и в этом деле какая-то доля участия будет принадлежать Шахидбеку, то... словом, остальное понятно. Мысленно Шахидбек уже видел перед собой широкое поле деятельности.

— Если бы вы мне сообщили, когда мирза Анвар будет дома, я бы сам зашел к нему, — сказал он махдуму.

До этого дня махдум не слишком верил слухам о назначении Анвара. Сам Анвар отвечал на все расспросы махдума — «пустые слова, ерунда», не придавая никакого значения разговорам. Но теперь об этом толковал уже весь Коканд, и, в довершение всего, посетивший махдума мирза Султанали серьезно просил его повлиять на Анвара. Теперь махдуму казалось, что главное — это уговорить Анвара, и он чувствовал нужду в советчиках и помощниках. Поэтому предложение Шахидбека он принял очень благосклонно и сказал:

— Хабба! Наверное, сейчас Анвар уже дома. Если вам будет угодно, пойдемте к нам.

II. УГРОЗА МАХДУМА

Анвар расстелил посреди суны скатерть, принес два блюда с манты. Усевшись друг против друга вокруг блюд, все трое стали есть. За едой Шахидбек потихоньку стал подбираться к намеченной цели.

— В народе только и разговору,— сказал он, уплетая манты,— что будто вы наследуете должность покойного главного писаря... Мы не совсем хорошо поняли: правда это или только слух? Конечно, мы сейчас все узнаем от вас точно, но, признаюсь, меня — вашего доброжелателя и всех моих единомышленников эти слухи очень обрадовали. Кхм... Мы постоянно слышим от дворянских людей, что вы обладаете большими талантами для занятия этой высокой должности...

Тут Шахидбек посмотрел на махдума. Махдум снял с бороды кусочек застрявшего в ней теста и просил гостя кушать.

— Еще вчера,— сказал махдум, беря с блюда манты,— я не очень верил этим слухам. Однако сегодня они меня уже не удивляют. Что же удивительного в том, что Анвар будет назначен главным писарем? Слава богу, познания его велики, ум есть, способностями бог не обидел...

Протянув руку к блюду, Анвар улыбнулся. От летней жары да от горячих манты Шахидбек обливался потом. Вытирая платком лоб и шею, он посмотрел на Анвара.

— Ну, мирза Анвар, что вы нам скажете?

— Разговоры такие идут,— сказал Анвар, косясь на махдума.— Но они ведутся без всякого моего участия и против моей воли. Поэтому не стоит придавать значения тому, что говорят.

Шахидбек и махдум переглянулись.

— Значит, вы не хотите занять должность главного писаря? — спросил Шахидбек.

— Конечно, нет.

— Но почему?

— Потому что я не люблю высоких и ответственных должностей,— сказал Анвар, опустив глаза и уставясь в какую-то точку на скатерти.

— Но такие джигиты, как вы, не могут оставаться всегда на одном месте. По мере того, как растет их опыт, им дают повышения. Вот и вас, очевидно, собираются по-

высить в должности, кхм... ваш талант и ваши знания обязывают вас принять назначение.

— Я вовсе не так талантлив, как говорят,— сказал Анвар.— Молодому человеку, вроде меня, пришедшему так недавно во дворец, смешно и думать о том, чтобы стать главным писарем. Я хочу сказать, что есть писари, муфтии, поэты, которые служат там по двадцати и по тридцати лет, они спят и видят во сне, как бы занять эту должность. Не смешно ли неопытному юноше стремиться опередить их? Меня особенно удивляет, что этим слухам верят даже люди, которые знают дворцовые обычаи и интриги и на собственной шкуре их испытали.

Шахидбек вытер руки и засмеялся.

— Ваше неверие в себя — просто ребячество!

— Ребячество, ребячество!— подхватил и махдум.

Манты были съедены. Махдум выпил подливку, оставшуюся на блюде, и вылизал все дочиста. После того, как прочли молитву, Анвар хотел унести скатерть и блюда, но Шахидбек остановил его:

— Подождите, мирза, оставьте-ка блюда, прежде надо решить вопрос.

Анвар сложил все на край супы и снова сел. Махдум громко рыгнул и сказал:— Благодарение богу!

— Ну, так как же, мирза Анвар?

— Да так и будет, как я вам сказал, бек-ака. Не стоит больше говорить об этом.

Шахидбек взглянул на махдума. Махдум вдруг вспыл:

— Стоит или не стоит, но должен же ты, наконец, послушать, что тебе говорят, сын мой!

— Хорошо, пожалуйста, говорите!

— По слухам, которые дошли до нас,— сказал Шахидбек, перебирая пальцами,— в списке рекомендованных его величеству лиц есть и ваше имя!

— По слухам — есть,— улыбнулся Анвар.

— Если судить по тому, что говорят верные люди из дворца, грамота будет написана на ваше имя.

— «Будет» еще не значит «есть»...

— Хорошо,— сказал Шахидбек, обмахиваясь платком,— давайте скажем так: «если будет»—хе-хе-хе... Как вы поступите, если грамота будет выписана на ваше имя?

Анвар засмеялся и покосился на махдума.

— Бек-ака, не будет этого.

Махдум нахмурился и строго взглянул на Анвара. Шахидбек сказал:

— Нет, вы отвечайте на вопрос: а если так будет?

— Тогда я попрошу извинить меня и откажусь.

— Глупости!— сказал махдум и отвернулся.

Шахидбек с сожалением покачал головой:

— Вы сами себе противоречите. Раньше вы сказали: «Кроме меня, есть много претендентов, я не могу надеяться на такое повышение». А сейчас совсем другое говорите, кхм...

— Грех отталкивать дар божий, топтать хлеб ногами!— сказал махдум.

Анвар опять улыбнулся, потом, став серьезным, сказал:

— Хорошо, допустим, что у меня, как говорят люди, есть способности, чтобы выполнять обязанности главного писаря, предположим, что, если дадут мне грамоту, я занял бы это место. Что же вы думаете, те, кто двадцать-тридцать лет ждут не дождутся заполучить эту должность, разве они оставят меня в покое, разве не будут изо всех сил тянуть меня за ноги, чтобы стащить с этого места? Вот почему я хочу оставаться на своем маленьком месте. Моя теперешняя работа, хоть и не имеет большого значения, все же я ее предпочитаю всем высоким постам. Вот почему я и собираюсь, как сказал мой учитель, оттолкнуть дар божий.

Шахидбек посмотрел на махдума.

— Если ты будешь хорошо служить, честно относиться к своим обязанностям,— торжественно произнес махдум,— так, хоть весь мир на тебя ополчится — ни один волос с твоей головы не упадет. Ибо правда всегда побеждает, а неправда бывает повержена. К лицу ли джигиту бояться сплетен и клеветы и оттого отказываться от служения людям! Есть тюркская пословица: «Боясь воробьев, не посеял проса»,— так говорят про трусливых людей. Если ты хочешь уподобиться тем, кто не сеет проса, боясь воробьев... значит, я ошибся в тебе, сын мой.

— Все это так!— засмеялся Анвар, потом, помолчав немного, сказал:— На словах правда всегда побеждает неправду — я это слышал не раз, но до сих пор не видел этого в жизни. Вы знаете лучше меня, например, какая беда свалилась на ханских писарей Саидхана, муллу

Сиддика и Муминджана, а ведь они вовсе не преступники, какими считает их хан¹. Их вина лишь в том, что враги облили их грязью лжи, оплели клеветой. Служа несколько лет по дворце, я это хорошо узнал,— каждый день наблюдаю склоки и распри между служащими, я просто брезгаю должностью, из-за которой постоянно ведутся интриги.

— Твой пример,— сказал огорченно махдум,— это исключение, редкий случай... Если всего бояться, так не только во дворце нельзя служить, но и по улицам ходить опасно. Нет, раз тебе улыбнулось счастье, нельзя выпускать из рук золотую птицу— это большой грех, сын мой!

— Да, господин учитель,— сказал Шахидбек,— правильно вы говорите... Брат мой, Анвар, счастье в жизни приходит к нам только раз, кхм... Если в этот момент не ухватить его крепко, то во второй раз оно уже не встретится, и вы на всю жизнь останетесь задней ногой у лошади.

— Благодарю вас за ваши заботы обо мне, думаю, что вы искренне хотите мне добра,— и все-таки, прошу простить меня, я остаюсь при своем мнении...

Махдум окончательно рассердился и, прищурив один глаз, искоса поглядывал на Анвара. Так он всегда смотрел на людей, когда сильно гневался.

¹ Однажды Худояр-хан, желая прослыть справедливым, направил тайно трех названных писарей в разные города и области, сказав им: «Если у меня есть беки, которые жестоко обращаются с населением, и казии, берущие взятки, выследите их, дайте мне знать и я накажу их». Саидхан, мулла Сиддик и Муминджан долгое время ходили по городам и селениям и тайно следили за судьями и управителями, а потом доложили обо всем хану. По их сведениям, 90% правителей и судей оказались взяточниками и деспотами. Хан, удивленный таким положением дел в своем ханстве, рассказал об этом некоторым своим приближенным. Среди них нашлись недруги трех писарей, посланных ханом, они сказали хану: «Эти люди оклеветали перед вами беков, которые не дали им взятки, а тех, кто дал им взятки, они обелили. Не может быть, чтобы в вашем ханстве, под вашим милостивым и мудрым управлением, было столько плохих служащих. Негодяи нарочно оклеветали самых преданных рабов вашего величества, чтобы восстановить их против хана и вызвать волнения в государстве». И тогда милостивый хан, поверив клеветникам, велел отрезать трем своим верным писарям языки и носы и выгнал со службы те десять процентов своих служащих, которые служили ему честно и бескорыстно. Анвар вспоминает здесь этот случай. (Примечание автора).

— Анвар, кто я тебе?

— Вы... Вы мой учитель...

— Скажи, разве мои наставления и советы когда-нибудь были тебе во вред?

— Кроме пользы я ничего не видел от вас до сих пор! Но на этот раз я хочу быть самостоятельным.

У махдума от возмущения перехватило горло, и он должен был проглотить слюну.

— Пожалуйста, в чем-нибудь другом поступай самостоятельно, но тут твое упрямство — просто глупость! — сказал он, рубя воздух рукой. — Вот тебе мой сказ: я — твой учитель и отец, и ты не смеешь ослушаться меня, — в противном случае пеняй на себя и делай как знаешь!

В этих словах махдума послышалась уже настоящая угроза, и Анвар ничего не ответил.

— Не горячитесь, не горячитесь, — сказал Шахидбек, — мирза Анвар не такой... Конечно, мирза Анвар прав, кхм... во дворце не все идет гладко, и такие дела, о которых он говорил, случаются там, но мне удалось разведать... кхм... я могу сказать, что все во дворце — от мала до велика относятся с уважением к Анвару. Кому захочется строить козни против человека, который и муравья не обидит? Кхм...

— Хабба! — воскликнул махдум. — Какие могут еще быть возражения — ничего, кроме ребяческого страха!.. Сорок золотых в месяц жалованья, да еще разные ханские подарки, да притом почет и уважение — это ли не благодать! Хай-хай-хай!

Эти слова рассмешили Анвара. С трудом сдержав смех, стараясь быть серьезным, он сказал:

— Мне кажется, несколько преждевременно говорить об этом — ведь пока еще мне не вручили грамоту на должность главного писаря...

— Анвар, сын мой, я это знаю, — сказал, смягчаясь, махдум, — но если бог пошлет тебе такую честь, я боюсь, как бы ты своими ребяческими рассуждениями не испортил дела, поэтому я и говорю об этом заранее. Я слышал, ты собираешься написать хану заявление, что отказываешься от назначения?

— Кто это сказал?

— Оставим того, кто это сказал! Но твои речи сегодня дают основание думать, что ты способен на это. Неужели это правда, и ты хочешь так поступить?

— Возможно, что тот, кто вам сказал, говорил правду. Впрочем, если вы не одобряете этого... тогда конечно...

— Хабба!— сказал просиявший махдум.— Довольно ребячиться, трусость — плохое качество. «Если уж падать, так падать с высоты»,— у этой поговорки глубокий смысл.

Говоря так, махдум гордо посмотрел на Шахидбека. Он вдвойне был горд: во-первых, слова Анвара — «если вы не одобряете», подтверждали, что Анвар считается с мнением махдума и, во-вторых, показывали, что он не пойдет ни на какие уговоры против воли учителя.

Шахидбек, наевшийся до отвала и непривычно много и горячо говоривший за обедом, устал и теперь, развлясь на подушках, приветствовал достигнутое двумя сторонами взаимопонимание:

— Молодец, мирза, вот так-то лучше, кхм...

Выпив по две пиалы чаю и прочтя фатыху, махдум с Шахидбеком стали собираться к вечерней молитве. Анвар проводил Шахидбека до ворот. Прощаясь с Анваром, Шахидбек сказал:

— Я думаю, бог даст, вы получите грамоту... А потом у меня будет с вами особый разговор — надо посоветоваться относительно некоторых сборщиков налога. Вы — свой человек, и то, что вы будете назначены главным писарем, как раз нам на руку.

— Если у соседа есть скот, то навоз и нам перепадет,— говорит пословица,— добавил махдум.

Удрученный всем этим разговором, Анвар покачал головой и вернулся на супу.

12. БЕДНАЯ СЕМЬЯ ИЗ МАХАЛЛИ БЕХМАЛБОФ

Анвар родился в середине 1267 года хиджры² в квартале Бехмалбоф, в очень бедной семье. Обычно мать, родив ребенка, называет его «мой желанный» или «богом данный». Но наш Анвар не был для своей матери ни желанным, ни богом данным, а отец даже ни разу не на-

¹ Махалля — квартал в городе.

² 1267 год хиджры соответствует 1850 году общепринятого календаря.

звал его своим «сынком». Отец был красильщиком — всегда по пояс в синей краске. У бедняка уже было пятеро ребят — мал мала меньше. К ним прибавился еще шестой — наш Анвар.

Ни желанным, ни долгожданным он не был, наоборот, он появился на свет вопреки желанию родителей, словно для того, чтобы увеличить их горе и нищету.

Когда в другой семье родится ребенок, его встречают радостью-весельем, карнайчи-сурнайчи¹, витушками-оладьями, зажженными свечами, словом, выполняется целый праздничный ритуал. Появление на свет Анвара не было отмечено никаким торжеством. Мать даже не позвала к себе повитуху и родила с помощью старшей своей дочери Надиры, не посылая к соседям получить «суюнчи» — подарок, который полагается за добрую весть, — боялась, что соседи только упрекнут ее — «куда уж при такой нищете рожать детей», или еще хуже скажут: «рожает, как сука».

Поэтому появление на свет Анвара семь-восемь дней оставалось тайной для соседей. Никто не приготовил для него новых пеленок, на девятый день его засунули в старую колыбельку, оставшуюся от одного из братьев. Неудивительно, что в ознаменование «сорока дней» после рождения в его честь не зажгли, как полагалось, свечей, — примечательно другое: больше двадцати дней он пролежал в колыбели без имени, потому что отцу было не до того, а мать даже не вспомнила, что надо дать имя новому «дорогому гостю». Не будем обвинять за это отца и мать. Может быть, житейские заботы отвлекли Салима-красильщика, а у Анор-биби голова болела от криков шестерых детей, во всяком случае этому ребенку не суждено было получить имя ни от почтенного имама махалли, ни от отца, ни от матери.

На двадцать второй день его жизни это сделала за них двенадцатилетняя Надира, сестра его.

Ее давно пленил своим нарядом соседский мальчик, сын какого-то духовного лица; особенно же ласкало слух Надиры его имя — Анвар. Недолго думая, она стала называть Анваром новорожденного брата, кружилась около него, повторяя: «Анварджан, Анварджан!» А он, лежа в колыбельке, тусклыми черными глазами обзоре-

¹ Карнайчи-сурнайчи — музыканты.

вал свой нищий дом. Надира была, кажется, единственной, кто радовался Анвару, когда он появился на свет. Сестра заменила ему мать в детстве и до сих пор была самым близким человеком.

Вот так в гнезде красильщика Салима, среди аистов, появился запоздалый голубок — Анвар.

По мере того, как росла семья Салима, дела его шли все хуже и нужда становилась злос. Анвару было три года, когда болезнь, уже пять лет мучившая Салима, наконец свалила его с ног. Он ослабел от кровотечений, слег в постель. На лечение необходимы деньги, но прежде всего они нужны, чтобы кормить семью. Салим-красильщик продал сперва свою синюю краску, продал соль, стал лечиться. Но болезнь была сильно запущена и все расходы не принесли ему пользы. Тогда Салим продал свою красильню со всем оборудованием и сделал кое-какие запасы продуктов. Когда и они иссякли, для семьи настали тяжелые дни. Голод, нужда и надо еще лечить больного.

Наступившая зима была очень суровой, а они не приготовились к холодам.

Сначала простудился и умер от воспаления легких четвертый ребенок, а потом ранней весной и сам Салим-красильщик попрощался с миром. Анвар и два его старших брата заболели корью, и один из мальчиков тоже умер. За полгода Анор-биби потеряла мужа, двух малышек и осталась вдовой с четверья детьми. Правда, подросла Надира — можно было надеяться, что она сама определит свою судьбу и уйдет из дома. А что делать с тремя малолетками? В доме почти ничего не осталось, — два больших кувшина, три-четыре маленьких да кой-какая мелкая утварь — вот и все. Анор-биби было под сорок, но она прожила трудную жизнь, родила семерых и теперь выглядела старухой. Нечего было даже и думать еще раз выйти замуж.

Всем известно, чем занимаются вдовы, такие как Анор-биби: прислуживают на празднествах, помогают по хозяйству у баев, а те, кто половчей — гадают, окуривают от дурного глаза и тому подобное. Анор-биби, чтобы как-нибудь растить своих троих детей, оказалась способной на все эти дела. Надиру она вскоре выдала замуж за сына одного ткача и тем несколько облегчила свою участь.

13. «ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ЭТУ КРАСИВУЮ ДЕВОЧКУ?»

Судьба ли это или жизнь бедняков так уж плохо устроена — несчастье снова обрушилось на семью Анвара. Однажды, прислуживая в каком-то доме, Анорбиби внезапно почувствовала себя дурно и лишилась речи. Ее на носилках принесли домой. Дети подняли громкий плач. Зять побежал за лекарем. Выяснилось, что ее разбил паралич, и в тот же день, не успев ничего завещать своим детям, она умерла. Ее отнесли на кладбище. За гробом матери, плача, шел с братьями и шестилетний Анвар.

Вся тяжесть воспитания братьев — одиннадцатилетнего Тимура, девятилетнего Кабила и маленького Анвара — легла на плечи Надиры. Как ни горько было ей отдавать братьев в чужие руки, все же бедность мужа вынуждала к этому. Когда миновали дни траура, она отдала двух старших братьев людям, пожелавшим их усыновить, а сама собрала жалкие материнские пожитки, погрузила их на арбу и, взяв Анвара с собой, вернулась в дом мужа.

Она ласкала Анвара, как мать, мыла, чесала, кормила его и горевала о его судьбе. Ей не хотелось, чтобы он стал красильщиком, как отец, или ткачом, как ее муж, она задалась целью сделать из него ученого человека. Она даже решила послать его в медресе, чтобы он стал муллой и смог вновь зажечь огонь в доме отца. Она отдала Анвара учиться к Салиху-махдumu, потому что его школа находилась в ближайшем квартале от ее дома. Начав учење с грифельной доски, Анвар скоро проявил незаурядные способности и уже к одиннадцати годам овладел грамотой. Он счастлив был в учење, но судьба, казалось, преследовала его. У Надиры было двое своих детей, и муж говорил ей: «Кого мне кормить — моих детей или твоего брата? Отдай брата в люди!» Надира противилась, как могла, ей жаль было взять Анвара из школы и отдать в ученики к сапожнику или ткачу, но она не в силах была долго противиться мужу, потому что знала, как трудно ему приходится. Так прошло некоторое время, и вот однажды, после очередной ссоры с мужем из-за Анвара, она надела паранджу, вышла на улицу и отправилась в дом Салих-махдума. В тот год мать Салих-махдума еще не

уезжала в Маргелан. Надира с плачем поведала свое горе Мохлар-аим, рассказала, что приходится ей терпеть от мужа из-за Анвара. Она сказала:

— Я пришла в ваш святой дом с великой надеждой, что ребенок сможет у вас продолжать учење, что не пропадут даром те познания, которые он приобрел здесь. Я пришла умолять вас: приютите сироту, не пожалейте для него куска хлеба.

Как говорится, бедняк всегда поймет бедняка. Искренний рассказ Надиры, ее тяжелое положение, горе тронули сердца Мохлар-аим и ее невестки Нигор-ханум. Мохлар-аим тут же пожелала увидеть Анвара, который был в школе, и попросила позвать его. Вошел стройный красивый мальчик.

— Да ведь это тот наш умница, которого так хвалит махдум!— сказала Мохлар-аим, увидев Анвара.— Хорошо, доченька,— успокоила она Надиру,— если ваш муж не хочет его кормить, пусть не кормит, я сама буду его растить, выучу его, сделаю из него большого муллу.

Анвар последнее время грустил: попреки зятя угнетали его. Теперь, услышав слова Мохлар-аим, он понял, о чем идет речь, и низко опустил свою сиротливую голову. Увидев это, сестра его расстроилась, и на глазах ее опять появились слезы.

— Не плачьте, ханум,— сказала Мохлар-аим.— Да пропади она пропадом эта бедность! Никто не виноват, что он беден, такая уж судьба. Хорошо, пусть мальчик больше не возвращается к вам, с сегодняшнего дня он будет жить у меня как мой сын. Как зовут тебя, джигит?

— Анвар...

— И имя у тебя красивое, как ты сам... А знаешь ты эту красивую девочку?

Игравшая неподалеку шестилетняя Рано подбежала и прильнула к груди Мохлар-аим.

Анвар посмотрел на хорошенькую девочку, улыбнулся и сказал:

— Это Ранохон!

Мохлар-аим отстранила от себя Рано и сказала ей:

— Пойди поздоровайся со своим братом Анваром!

Рано чинно поклонилась Анвару и подошла к нему.

— Поздоровайся же с ней, Анвар!— сказала Мохлар-аим.

— Анвар притянул к себе Рано и обнял ее. Мохлар-айм засмеялась:

— Жива буду — выдам мою красавицу замуж за Анвара, сделаю Анвара своим зятем.

Анвар смутился и выпустил девочку, которую держал в объятьях. Женщины засмеялись. Надира, обрадованная добротой Мохлар-айм, вернулась домой очень довольная.

Конечно, махдуму не понравилось, что в доме появился лишний едок, но он не мог воспрепятствовать желанию матери. Все же он ворчал: «Прокормить не так трудно, а вот с одеждой как быть? Надо, чтобы сестра его одевала...» Мохлар-айм возражала: «Люди мечети строят, медресе, а мы что же — одного сироту не вырастим? Если тебе трудно, я сама из своих вещей сошью ему одежду».

Так в двенадцать лет Анвар переселился уже в третий дом, и здесь ему было во всех отношениях лучше, чем в родном доме и у сестры: он мог продолжать учебу, он был сыт, ходил хоть и в поношенной, залатанной одежде, но все же был одет, обут. Теперь, когда он стал приемным сыном учителя, его перестали дразнить ученики в школе — они боялись обижать его. В доме махдума его не обременяли работой, потому что здесь все делала школьница. После уроков он играл с маленькой Рано, забавлял ее.

Тринадцати лет он уже закончил школу и, хотя был еще мал, стал выполнять обязанности хальфы, то есть помощника учителя. Каждый день, когда школьники расходились по домам, махдум отдельно занимался с ним арабской грамматикой, заставлял читать и заучивать наизусть строки из «Гулистана» Саади.

Когда Анвару исполнилось пятнадцать лет, он мог уже самостоятельно вести уроки в школе, хорошо владел персидским языком и знал немного арабский. Сначала махдум поговаривал о том, чтобы отдать Анвара в медресе, но потом уж не заикался об этом, ибо, привыкнув к помощи Анвара, несколько обленился и меньше внимания уделял школе. А чтобы Анвар не думал о медресе, он сам занимался с ним и арабским и персидским языками, проходил синтаксис и морфологию их. Отношения между махдумом и Анваром были дружеские. А Мохлар-айм любила его, как родного, и утешала, когда

он грустил. «Не расстраивайся, не печалься, джигит, — говорила она, — взгляни на эту красивую девочку, я непременно выдам ее за тебя замуж!»

Но не удалось Мохлар-аим выполнить свое обещание: поссорившись с махдумом, она вынуждена была уехать к старшему сыну в Маргелан. Уезжая, Мохлар-аим позаботилась об Анваре, позвала свою невестку Нигор-ханум и сказала ей: «Лучше Анвара вы не найдете зятя. Когда, бог даст, Рано вырастет, выдайте ее за Анвара».

14. ИСТИННЫЙ ДРУГ

В детстве Анвар был тихим и смирным ребенком. Он мало бывал в обществе сверстников, редко играл с ними, ни с кем не дружил, не шалил и редко смеялся. В глазах его всегда была какая-то грусть. Может быть, он стал таким оттого, что мало видел ласки и радости в родной семье, хотя братья его были совсем другими. Правда, говорят, что у одной матери бывают разные дети. Анвар был совсем не похож на своих братьев. Впрочем, он несколько изменился с тех пор, как поселился в доме махдума. Он и здесь сторонился ребят, но зато любил маленькую Рано и очень веселился, придумывая для нее всякие забавы. Он гулял с девочкой по саду, говорил ей, как называются разные цветы и птицы, ходил с ней на берег реки, следя заботливо, чтобы она не оступилась и не упала в воду.

Когда им случалось увидеть похоронную процессию и они слышали, как в толпе жалели сирот, потерявших родителей, Анвар говорил: «Когда моя мама умерла, ее тоже несли вот так по улице... и я тоже, как вон тот мальчик, шел за гробом на кладбище и плакал...»

Рано внимательно слушала его и засыпала вопросами, и Анвару не надоедало отвечать ей, он старался изо всех сил удовлетворить ее любознательность.

Анвар был не по летам серьезен и чуток, он горячо сочувствовал людям в их несчастьях. С самого раннего детства он любил цветы. Поселившись в доме махдума, Анвар взял на себя заботу о цветнике, который занимал большую часть сада. Анвар сам поливал и подметал его, выпалывал сорную траву. Никому он не позволял рвать цветы и, если видел, что кто-нибудь из ребят срывает цветок, огорчался и бранил виновника. С помощью

школьников он добывал семена и рассаду разных цветов. С каждым годом его цветник разрастался и становился богаче. Летом он поручал ребятам ловить жуков и бабочек; кто приносил их живыми и невредимыми, тому он помогал готовить уроки. Бабочек и бронзовых жуков он выпускал в свой цветник и радовался, когда они садились на цветы. В летние дни над цветником махдума носились рои белых, розовых, голубых в крапинку, зеленых и желто-коричневых бабочек. Все свободное время Анвар проводил среди цветов и бабочек.

Анвара все любили в доме, и он тоже относился ко всем хорошо. Но любил он по-настоящему только Рано, да еще своего одноклассника, мальчика, по имени Насим. Насим и Анвар были очень дружны, они понимали друг друга с полуслова, делились сокровенными своими мыслями.

Отец Насима был одним из самых влиятельных людей в Коканде, известным во всем ханстве. По происхождению и богатству мальчишки были далеки друг от друга, как небо от земли, но юные друзья не придавали этому значения. Насим ничуть не кичился тем, что он сын правителя ханской канцелярии, а Анвар не стыдился, что был сыном Салима-красильщика, приемышем Салиха-махдума. Посторонний человек, увидев, как эти два мальчишка, сидя рядышком, беседуют с увлечением, удивился бы: «Что общего может быть у барчонка в шелковой одежде с этим полунищим в рваной бязи?» Но сами мальчишки этого не чувствовали.

По пятницам часто Анвар, с разрешения махдума, проводил весь день у своего товарища. Он понравился и отцу Насима Мухаммеду Раджаббеку. Насим рассказал отцу, что друг его — сирота, и, вероятно, по просьбе сына, Мухаммед Раджаббек несколько раз к праздникам дарил Анвару новую одежду. Такое расположение знатного человека радовало махдума. По мнению махдума, дружба с сыном такого человека, как Мухаммед Раджаббек, скрепленная к тому же дорогими подарками, была большой удачей. При виде этих подарков, махдум даже стал иначе смотреть на Анвара и мысленно сказал себе: «Кажется, из него будет толк».

К сожалению, эта дружба продолжалась недолго. Безжалостная рука ангела смерти Джабраиля оборвала ее. В пятнадцатилетнем возрасте Насим заболел оспой,

оспу в то время не прививали, и мальчик пал жертвой тогдашнего невежества.

Смерть его была тяжким горем для Мухаммеда Раджаббека и его семьи. Но, кажется, еще горше была она для Анвара. Мы не ошибемся, если скажем, что Анвар пролил больше слез, чем родители друга. Три дня, забыв про махдума и про уроки, он пробыл в доме Мухаммеда Раджаббека. Часами сидел он на могиле друга и плакал. Такая горячая привязанность, такая верность дружбе всех поразила.

Он написал стихи на смерть друга — это был первый его опыт в стихосложении — и они до слез растрогали родителей покойного. Мы приводим несколько строк из этих стихов:

Коль гибнет в юности цветок,— то плачет старый, плачет
малый...

Не только люди,— целый свет рыдает, что его не стало.
Из лучших лучшего сразил мечом жестоким ангел смерти.
Сломался молодой тюльпан. Жизнь драгоценная увяла.
Покинул землю мой Насим, меня оставил в тяжком горе.
Не слезы падают из глаз моих — потоки крови алой...
Был в целом мире у меня один лишь друг и утешитель...
И плачу я, осиротев,— в пустыне пилигрим усталый.

Мулла Мухаммед Раджаббек с этого дня стал особенно внимателен к преданному другу своего покойного сына. Одаренность Анвара и его бедность заставили Мухаммеда Раджаббека подумать о его судьбе. Стихи Анвара, посвященные другу, были, конечно, ребяческим произведением, но в них было что-то, что вызывало желание позаботиться о судьбе написавшего их.

Началось с того, что две строки из этих стихов Мухаммед Раджаббек приказал начертать на надгробном камне на могиле Насима. А затем Мухаммед Раджаббек решил проявить отеческую заботу о друге своего сына, чтобы Анвар не чувствовал себя покинутым и одиноким, чтобы не мог повторять: «Был в целом мире у меня один лишь друг и утешитель, и плачу я, осиротев, в пустыне пилигрим усталый».

В течение трех недель все поминальные ночи, когда по умершему читают Коран, Анвар проводил в доме Мухаммеда Раджаббека.

В последнюю ночь Мухаммед Раджаббек стал спрашивать Анвара:

- Как поживает ваш учитель?
- Слава богу, хорошо.
- Как идет ваше ученье?
- Ничего.
- Вы живете в доме своего учителя?
- Да, ваша милость!
- Не обижают вас там?
- Нет, ваша милость!
- Изучали ли вы математику?
- Нет, ваша милость.
- А ваш учитель знает математику?
- Думаю, что нет, ваша милость!
- Если я вам дам преподавателя, хотите вы изучать математику?
- Конечно, если разрешит мой учитель.
- Пусть ваш учитель придет ко мне завтра вечером.
- Хорошо, ваша милость!

Назавтра махдум пришел к беку. Мухаммед Раджаб говорил с махдумом о том, что он думает взять Анвара на службу во дворец, но, что для этого необходимы более глубокие знания арабского и фарсидского языков, а также математики. Махдум сначала немного растерялся от такого благоволения к Анвару, но, понимая причину этого расположения, стал восхвалять благородную заботу бека о бедном сироте и рассыпался в похвалах талантливому юноше. Махдум не преминул упомянуть и о всех трудностях и расходах, связанных с воспитанием Анвара, похвастался, что все время занимается с Анваром фарсидским и арабским языками и что Анвар уже пишет сочинения по-фарсидски. Но вот что касается математики, сказал махдум, тут он и сам несведущ, и потому Анвару нужен учитель, который преподавал бы ему эту науку.

На это Мухаммед Раджаббек ответил, что учителя он найдет сам, и отпустил махдума.

15. МАХДУМУ ПОВЕЗЛО

С того дня в жизни Анвара открылась новая страница. Теперь махдум уже не смотрел на него как на приемыша-сироту, которого ждет злая судьба, может быть он даже сожалел, что Анвар не его родной сын. В

самом деле, ну как не пожалеть об этом, когда перед ним встал, например, такой вопрос: «Если Анвар поступит на службу во дворец и будет получать в месяц пять-десять золотых жалованья, то куда пойдут эти «наличные деньги?»»

Этот вопрос, как оса, жалил сердце махдума. «С десяти лет я его кормлю, учу, одеваю: значит, заработок его по праву принадлежит мне»,— думал махдум, но в то же время не был уверен в своей правоте. Да, вопрос был сложный.

Если раньше слова Мохлар-аим о том, чтобы выдать Рано замуж за Анвара, казались ему «глупыми, ничего не стоящими» и раздражали его, то теперь он не только подумывал об этом всерьез, но рассуждал уже так: «Если Анвару повезет и дальше — в этом нет ничего удивительного. Быть сиротой не позор, происхождение не имеет значения, человеку нужны ум и достоинство, нужна удача. Конечно, на красоту Рано польстится всякий, но и Анвар тоже не откажется от нее... И вот — единственный способ соединить вместе все доходы». К такому выводу пришел махдум.

Еще месяц назад он говорил Нигор-аим: «Анвар уже становится взрослым. По шариату он чужой тебе и Рано, вы не должны открывать перед ним лица». Но приказ этот не выполнялся женщинами, а теперь махдум и не настаивал на нем, думая, что Анвару это пришлось бы не по душе.

Анвар стал изучать математику с одним муфтием, приглашенным Мухаммедом Раджаббеком, и учился писать деловые бумаги. Махдум тоже еще усерднее занимался с Анваром фарсидским и арабским языками.

В течение года Анвар изучил то, что требовалось по математике, усвоил правила составления документов и достиг больших успехов по другим предметам. И вот, начиная с весны, он стал каждый день ходить во дворец практиковаться в делопроизводстве с писарями, работавшими под руководством правителя ханской канцелярии Мухаммеда Раджаббека. Около года он работал, не получая жалованья, но каждую неделю Мухаммед Раджаббек давал ему из своего кармана немного денег. И эти небольшие деньги каждый раз Анвар отдавал своему учителю, все больше укрепляя в махдуме надежду на будущее.

За год практики Анвар основательно изучил дворцовое делопроизводство, мог вести книги и сочинять послания на фарсидском и узбекском языках наравне с опытными писарями. Он умел на основании устного распоряжения правителя канцелярии написать нужное письмо, грамоту, или же выправить и привести в надлежащий вид написанное другими писарями, не столь искусными в знании грамматики и получавшими не раз выговоры от главного писаря. У Анвара же почти не было никаких замечаний.

Со второго года своей службы во дворце он уже стал получать жалованье — семь золотых в месяц. Кроме того, он получил бумагу, освобождающую его семью от налогов. Эта бумага была большим облегчением для хозяйства махдума, ибо налоги, которыми хан обкладывал своих подданных, были так велики, что уплачивать их не было возможности. Впрочем, об этом мы еще поговорим впоследствии. Освобождение от налогов и семь золотых, в первый же месяц полностью перешедшие в карман махдума, были для него двойным торжеством. Трудно даже описать состояние махдума, когда он получил эти семь золотых — глаза у него перекосились, рот расплылся в улыбке. «Хабба! Твой урожай хорош, Анвар, только будь осторожен с деньгами, сын мой», — сказал он. Зато Нигор-аим обиделась на Анвара, узнав, что семь золотых достались махдому. «Напрасно, Анвар, ты отдал все деньги хозяину, — говорила она. — Ведь тебе нужно справиться одежду, постель, а на остальное не худо было бы принарядить и твою сестренку Рано. Салих ничего путного не сделает с этими деньгами, только поплюет на них, завяжет в узелок и спрячет».

Но семь золотых «наличными», полученные махдумом, прибавили и ему заботы. Он стал думать, что времена трудные, дурных людей вокруг много, может случиться, что кто-то отобьет у него Анвара, и удар обрушится в тот самый момент, когда он только нацелился на богатство... «Не привязать ли уж сразу к себе Анвара, женив его на Рано?» — думал он. Но Рано в это время было всего одиннадцать лет.

Однажды, когда Анвар пришел со службы, махдум повел его в сад. Там он показал ему чудесный солнечный участок.

— Хочу здесь для тебя построить дом — комнату,

айван, кухню и конюшню... Хабба, Анвар?— спросил он.

Анвар рассмеялся:

— Дом построить — надо не меньше полсотни золотых, а у меня нет ни копейки. А деньги, что у меня будут, принадлежат вам и маме, пока вы не дадите мне фатыху.

— Хабба... ты щедр!— воскликнул махдум.— Конечно, это правильно, но мне хочется, чтобы ты уже теперь копил деньги на постройку дома, которую начнешь, когда мы с матерью дадим тебе фатыху. Но строить-то ведь будем не раньше, как через три-четыре года...

Во время этого разговора Рано стояла неподалеку с ребенком на руках. Махдум подозвал ее и сказал:

— Хабба!.. Вот здесь мы, Рано, построим дом твоему брату Анвару. Как ты на это смотришь?

Рано не поняла.

— Да ведь есть михманхана, где живет брат Анвар!— сказала она.

— Хе-хе-хе... Ты совсем еще дитя, дочка,— ребенок!— сказал смеясь махдум.— Не всегда же брат Анвар будет спать в михманхане. В один прекрасный день он женится, так же как и ты выйдешь замуж... Нужен дом, дочка!

Анвар смутился от этих слов и покраснел. Рано взглянула на Анвара и, будто сердясь, отвернулась от отца и ушла на женскую половину. Так махдум ловко сумел высказать Анвару свою заветную мысль, а заодно как бы обезопасил Анвара от происков дурных людей.

Этот разговор не прошел для Анвара бесследно. Если до сих пор он любовался еще нерасцветшей красотой Рано, не думая ни о чем, то теперь, глядя на нее, он стал лелеять сладкие мечты о счастье.

Махдум не зря беспокоился. Вокруг Анвара объявились разные «бескорыстные» советчики. Одним из таких «бескорыстных» оказался зять Анвара, который так и загорелся, прослышав про семь золотых. Надира, подстрекаемая мужем, стала уговаривать брата:

— Муж говорит, чтобы ты переезжал к нам, обещает женить тебя.

Но Анвар не слушал ничьих советов, не послушался и сестру. Он сказал, что пока махдум не разрешит, он не

уйдет из его дома, но обещал помогать сестре и тем успокоил ее.

Из жалованья за второй месяц Анвар оставил себе три золотых, попросив разрешения сделать домашним подарки, на что махдум с трудом согласился, сказав: «Ах, сын мой, это никуда не годится! Ну, да уж так и быть, только впредь не безумствуй больше!» А Нигор-аим купила себе и Рано обновки: себе — шерсти, а Рано атласа на платье.

Потихоньку Нигор-аим стала по-своему руководить Анваром. Она уговаривала его не отдавать махдуму всего жалованья, оставлять себе часть на свои расходы. Так как Анвар стеснялся это делать, она говорила: «Что ты ни дашь ему, отец все себе возьмет. Но тогда нам с тобой ничего не достанется. А раз так, нужно разумней действовать». Нигор-аим знала, что махдум не станет ссориться с Анваром. Все же, несмотря на все ее уговоры, Анвар месяцев семь-восемь отдавал махдуму весь свой заработок, а за это получал от него только благословение.

Деньги, полученные от Анвара, ничего не изменили в обиходе дома и в привычках махдума, — оставалась, как говорится, «все та же старая баня и старая шайка». Каждый день ели пустой суп, а в праздники плов из ученических приношений, да и тот Анвар, приходя поздно со службы, ел простывшим; лепешек дома не пекли, а принесенные в четверг черствели за неделю так, что стучали, как деревянные, и покрывались плесенью.

Скоро Анвару надоела такая жизнь, и он решил последовать советам Нигор-аим. Уж лучше хорошо питаться, чем получать взамен заработанных золотых одно только благословение. Анвар стал покупать мясо и разную провизию для дома и заказывать кушанья, какие ему нравились; приделся сам и принарядил Рано и Нигор-аим. Купил одежду сестре Надире и ее детям; два золотых истратил на подарки Мохлар-аим, которая болела в Маргелане.

Такая расточительность обеспокоила махдума.

— За этот месяц вы, кажется, сильно потратились, сын мой, — высказал он свои опасения.

— Я только справил кое-что необходимое, — отвечал Анвар.

На следующий месяц, когда он купил одеяла и подушки, махдум так жадно смотрел на него, что пришлось отдать два золотых за «бескорыстные» моления учителя о благополучии ученика.

Все же махдум был очень расстроен. «Шайтан что ли его попутал, прости господи!»— удивлялся он и читал соответствующие молитвы.

Анвар по-прежнему был приветлив и обращался с махдумом почтительно, но когда вопрос касался его заработка и «ненужных трат», он отмалчивался, что очень угнетало махдума.

— Сын мой, Анвар!— сказал однажды махдум.— Богатство добывается с трудом. Человек может жить и впроголодь, а золото надо беречь... Если твои деньги будут храниться у меня, все равно ведь они твои, сынок!

Но даже такие чувствительные речи не подействовали на Анвара. Он договорился обо всем с Нигор-аим и Рано. А махдуму отдавал установленную долю— два золотых в месяц. Человек привыкает ко всему— и махдум в конце концов удовольствовался этим и перестал вмешиваться в его расходы. Только каждый раз, когда он получал два золотых, у него щемило сердце при мысли об остальных.

16. МИЛОСТЬ ХАНА

На третий год своей службы в ханской канцелярии Анвар пользовался уже большим авторитетом среди писарей. Несомненно, он лучше всех умел составлять и править документы; у него был красивый почерк, а стиль его отличался простотой и доступностью. Это отмечали все, начиная с писарей,—дворцовые поэты, муфтии, правитель канцелярии Мухаммед Раджаббек и даже сам хан. Худояр-хан приказывал читать себе вслух грамоты и письма, к которым должен был приложить руку, и часто не понимал фраз, составленных наполовину из арабских и фарсидских слов. «Ваши матери за арабов что ли замуж повыходили?»— бранил он писарей. Но каждую бумагу, написанную Анваром, он слушал, как музыку, все было ему понятно в ней, и он говорил, вызывая зависть в сердцах других писарей: «Этот юноша учнее вас всех!»

Под конец правитель канцелярии Мухаммед Раджаб-бек стал поручать Анвару составление самых важных бумаг. Отлучаясь куда-нибудь, он оставлял канцелярию на Анвара, доверяя ему больше, чем всем остальным. Анвар был беспристрастен и бескорыстен, решал все дела справедливо, не превышал своих полномочий и не интересовался приработками помимо положенного жалованья.

Мы особенно подчеркиваем эту черту Анвара, ибо даже потом, при русском царском правлении, как все хорошо помнят, в мусульманских судах писаря получали плату «за перо» и всякое маленькое дело раздували и затягивали, чтобы получить взятку. Писаря в этих судах были копиями в миниатюре с писарей дворцовой канцелярии Худояр-хана, которые изображаются в нашей повести. Прощения на имя хана, написанные не писарями канцелярии, в большинстве случаев, не получали хода. Поскольку плату «за перо» получил кто-то другой, а не дворцовые писари, то такое заявление обычно рвали, не показав ни главному писарю, ни хану. Если податель прошения справлялся о нем, то ему говорили, что оно было написано неграмотно и оставлено его величеством без внимания, советовали написать новое. И жалобщик вынужден был просить дворцовых писарей писать новую бумагу за особую плату. Между писарями канцелярии шли постоянные раздоры, они жаловались друг на друга хану — как говорится — лили воду один под другого. Многие из них выполняли еще службу тайного сыска и часто, сводя личные счеты или в угоду хану, губили ни в чем не повинных людей и были причиной ужасных трагедий. Поэтому народ, в особенности бедный люд, поневоле кланяясь им в пояс, боялся приближаться к ним и смотрел на них с отвращением.

Анвар же не брал взятки, не затевал никаких интриг, никогда не использовал своего положения в корыстных целях, особенно же он был далек от того, чтобы следить за другими и доносить на них. Он делал свое дело в канцелярии, исполнял, что ему поручали, всегда старался довести до хана жалобы бедняков и добиться, чтобы они были уважены. Своей справедливостью и честностью он невольно мешал другим писарям, которые думали, что он умышленно расстраивает их планы и всякие махинации, и поэтому он скоро стал объектом их лютой ненави-

сти. Но на стороне Анвара был Мухаммед Раджаббек, пользовавшийся доверием хана и большим влиянием во дворце, и потому враги, как ни старались, не могли повредить Анвару. Кроме того, помимо некоторых старых писарей, которые, подобно Шаходату муфтию, точили «зубы и когти» против Анвара, в канцелярии были у него и доброжелатели, вроде Султанали, очарованные его умом и знаниями.

Уже пять лет, не считая первого года практики, прослужил Анвар во дворце, как вдруг несколько дней тому назад, проболев всего неделю, умер правитель канцелярии. Анвар потерял в его лице покровителя и друга.

Шаходат муфтий, много лет ждавший смерти Мухаммеда Раджаббека или какого-нибудь несчастья с ним, — в надежде занять его место, — находился в отъезде по делам службы. Обязанности правителя канцелярии временно были возложены на Анвара. Тут-то и пошли разговоры о том, что Анвар станет главным писарем. Насколько это верно, никто не знал, — слишком уж много было претендентов на эту должность из числа придворных поэтов и ученых.

17. АНВАР В РАЗДУМЬЕ

Проводив Шахидбека и махдума, Анвар вернулся на супу. Тотчас же, словно она только и ждала ухода мужчин, из ичкари появилась Рано. Одной рукой она придерживала на голове желтый атласный платок, казалось готовый сорваться и улететь. Увидев Рано, Анвар остановился у цветника возле супы. Приближаясь к Анвару, Рано и улыбалась и смотрела на него с укоризной. Подойдя к супе, она тронула рукой пустое блюдо.

— Ну, Анвар-ака, довольны вы сегодняшним угощением? — спросила она.

— Очень доволен, — сказал Анвар. — Особенно мне понравились манты, сделанные твоими руками.

— Откуда вы знаете, что я их делала?

— Откуда я знаю? — сказал смеясь Анвар. — Я всегда чувствую, к чему прикасалась твоя рука!

— Какие же манты делала я?

— Думаешь не знаю?

— Не знаетел

— Края у них так старательно прищиплены, уголки у них такие ровные — как не узнать их? Я выбирал и ел только те манты, что ты делала!

— Они были вкусные?

— Мало сказать — вкусные! — сказал Анвар. — Посмотри-ка лучше на этот цветок: помнишь, когда мы только его посадили, он был розовый, а теперь, через два года, стал красным. Знаешь, отчего?

Вопрос был задан серьезным тоном, и Рано не поняла.

— Наверное, он стал красным от солнца...

— Ошибаешься, Рано, — сказал Анвар, — а я знаю, почему цветок стал красным. Это из-за твоих красных губ, Рано...

— Оставьте шутки, — сказала Рано, сама краснея, как цветок. — Скажите лучше, зачем приходил этот толстяк Шахид? Вас хотят сделать главным писарем?

— Не веришь? Посмотришь в зеркало: твои губы как этот цветок. — Он коснулся ее губ цветком.

Рано отвернулась.

— А ну вас с вашими шутками! Правда, что вас хотят сделать главным писарем?

— Мало ли что хотят сделать со мной... Пустые разговоры...

— Почему пустые? По всему городу идет слух...

Анвар подпрыгнул и сел на край супы, свесив ноги. Рано стояла рядом с ним, облокотясь на супу.

— Не верь слухам...

— Говорят, что без ветра и ветки дерева не колыхнутся. Может быть, вас и в самом деле назначат правителем канцелярии.

— А разве это хорошо, Рано, если меня назначат правителем канцелярии?

— Откуда мне знать, хорошо это или плохо?

— Это плохо, Рано!

— Почему плохо?

— Грязная это работа. Если бы я нашел другую службу, я вообще ушел бы из дворца.

— Грязная работа?! Но ведь ваш друг и покровитель бек занимал же эту должность?

— Я не бек и никогда не смогу им быть, Рано. Кровь невинных, которая льется во дворце, вздохи и стоны, которые постоянно слышатся там, не дают мне

покоя, сердце сжимается от них. Если я стану главным в канцелярии, мне придется самому плавать в крови невинных, слушать их стоны и проклятия. Я должен буду сам погружаться в море народного страдания. Ведь я буду вынужден принимать участие во всех этих делах. Для того, чтобы угодить хану, я должен буду представлять многие дела в нужном ему свете. Нужно точить для хана нож насилия — только тогда можно удержаться в этой должности. Но я, очевидно, не рожден для таких дел. А помочь людям, облегчить их страдания, защитить от насилия и жестокости, которые прикрываются славословием, восхвалениями и молитвами, я не смогу. Ибо «милостивый» хан не из таких «дураков», какие советуются со своей совестью. Рано, ты знаешь своего отца: в жизни он признает только выгоду. Он не хочет понять, почему я бегу от этой должности, говорит, что я — трус, неблагодарный, отказывающийся от божьей благодати — от столько золотых в месяц. Объяснять ему подлинные причины моего отказа — все равно, что призывать к молитве камень, — поэтому я ничего не сказал ему. Пока мое назначение — только слух. Но я бы ни за что не согласился принять эту должность, если бы тут не замешан был один дорогой мне человек...

Рано слушала Анвара, пристально глядя ему в глаза. Лицо ее выражало сочувствие.

— Анвар-ака, а если вы возьметесь за дело с добрыми намерениями, — спросила она, — если вы не пожалеете труда для блага народа, на вас ведь не будет греха?

— Это верно, — сказал Анвар, — но дело не в этом. Рано, я хотел бы, чтоб это было так. Но другие ведь не будут следовать моему доброму примеру, значит, я не смогу быть спокойным и думать, что на мне уже нет греха. Если я убежден в одном, а все мои старания и стремления будут приводить к обратному результату, то я испытаю душевные муки, меня начнет мучить совесть. В этом вся трудность. Легко снять с себя всякую ответственность, это проще всего. Но когда попираются твои убеждения — это тяжело, Рано!

Рано, видимо, поняла главное, что мучило Анвара, некоторое время она стояла молча около него, потом взглянула на его задумчивое лицо.

— Значит, вы не примете должности главного писаря?

— Если назначат, приму...

— Даже, если вам так трудно это?

— Да, потому что этого требует твой отец!

— А причем тут мой отец? Разве ему даны полномочия решать это за вас?

Анвар только вздохнул в ответ на этот наивный вопрос, а потом, взглянув на Рано, сказал:

— Очень большие полномочия!..— И опять вздохнул.

Рано больше не спрашивала. Казалось, она поняла, в чем дело. Протянув руки за скатертью и блюдами, она тихо спросила:

— Чай будете пить?

— Позже.

Рано взяла блюда и пошла. Анвар провожал взглядом ее стройную красивую фигуру, очертания которой вырисовывались под атласным платьем.

— Рано, я не пойду к вечерней молитве!

Она остановилась на полдороге и улыбнулась ему.

— Может быть, я приду еще...

18. ССОРА У МЕЧЕТИ

К вечерней молитве в крытом коридоре мечети собрались пока три человека. В углу, у самого входа в мечеть, сидел человек лет тридцати, в черном халате, бледный, с длинной черной бородой, которая висела, как торба, на маленьком его лице. Рядом с ним, распустив завязки легкого бязевого халата, поместился другой «благочестивый», человек средних лет, шею которого украшал зуб величиной с хандаляк¹. Тут же был еще третий — с продолговатым лицом, в длинном, почти до земли, бязевом халате, с чалмой на голове. Первый был молодой имам мечети, почтенный ученый, мулла Абдурахман, второй — известный в квартале сплетник Самад-букак², третий — муэдзин мечети Шукур-суфи. Самад-букак и Шукур-суфи смиренно слушали имама, который

¹ Хандаляк — круглая дыня, ранний сорт

² Букак — зуб, зобатый.

тщательно подбирая слова и мягко скандируя, держал речь, подчеркивая особо важные свои мысли.

— В наше время, когда во дворце столько ученых и мудрых мужей, ей-богу, невероятно, чтобы такую высокую должность доверили невежественному мальчишке, даже не бывшему в медресе. Для того, чтобы занимать это место, нужно очень многое. Прежде всего нужен зрелый ум, во-вторых — законченное образование. А джигит, о котором вы говорите, ходил в школу Салиха-махдума, и я сам учил его грамоте. Нет, мой разум отказывается верить этим слухам.

— Истинно так, ваша милость, — толкнул муэдзина локтем Самад. — Куда ему, этому парню, занять такую высокую должность? Но, как водится в наши времена... Махмад Раджаб устроил его во дворец... Он, как говорится, беленький — приглянулся Махмад Раджабу, вот он его и приспособил для себя...

Имам слушал эти слова зобатого, опустив глаза.

— А я говорю, что люди говорят, — сказал Шукурсуфи сдавленным голосом. — Вот уж несколько дней, как в городе и стар и млад говорят только об его назначении.

— Э, суфи, разве людям заткнешь рот?

Говоря это, зобатый Самад надулся, и жилы на шее его напряглись. Имам, все глядя вниз, кивнул маленькой головой.

— Кто-нибудь из дворцовых ради потехи распустил этот слух.

— Все может быть, ваша милость.

В эту минуту в крытый коридор мечети вошел четвертый молельщик. Это был щупленький, сутулый человек в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. Звали его Сафар-ткач. Поклонившись имаму, он сел возле муэдзина и, прислушавшись к беседе, но не совсем разобрав, о чем речь, вмешался в разговор.

— Слава богу, если этот джигит станет главным писарем, — сказал Сафар-ткач, не подозревая, в каком духе высказывались до него собеседники. — Это удивительный, благородный человек, он любит простых людей. Хорошо, если его назначат, как вы считаете, господин?

Имам, по-прежнему глядя вниз, неопределенно кач-

нул головой. Самад-букак, нахмурившись, посмотрел на Сафара-ткача.

— Э-э, что ты брешешь, Сафар!— сказал он.— Мы одно говорим, а ты другое болтаешь.

— А что вы говорите?

— Говорим, что все это только слухи, говорим, что на эту должность нужен ученый человек.

— А Анвар разве не ученый?

— Грош цена его учености!

— Ошибаешься, Самад,— сказал Сафар-ткач,— учености его позавидовать можно. А что он печется о бедняках, так тут ему только спасибо скажешь!

— О ком это он печется, чтоб ему пусто было?

— Обо всех,— сказал Сафар.— Да вот он и мне самому помог, дай бог ему долгой жизни!

— Как это он тебе помог?

— В прошлом году, примерно в это время,— сказал Сафар,— я вынес на базар восемь кусков бязи. Не знаю уж, донес ли кто об этом, или у сборщика налогов руки зачесались, только этот нечистый пристал ко мне и отобрал бязь, которую я хотел продать. Уж как я его молил: «и отец твой хороший, и мать твоя хорошая, и я ведь не торговец, а кустарь — сгореть моему дому, если не так!..» Куда там, и слушать не стал, сказал, что бязь мою забирает в возмещение закета¹ за целый год, и ушел с ней. Что поделаешь, господа! Вернулся я домой ни с чем. Жена и ребятишки, ждавшие меня с покупками, перепугались, так я был расстроен. Пропал товар, на душе скверно, руки не поднимаются работать. Что пропало, того уж не вернешь, а душа все болит, да и денег нет. Подумал я тогда: не написать ли жалобу? Посоветовался кое с кем, и мысль мою поддержали, сказали, что неподалеку живет писарь из дворца, который может написать жалобу. Терять, так уж все терять,— сказал я себе, взял полкуса бязи, которая еще оставалась у меня, сунул под мышку и, расспрашивая по дороге, добрался до писаря. Застал я его в тот момент, когда он только что вернулся из дворца и халат снимал. Вижу — молодой, красивый джигит, поздоровались: «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» Так вот и так,— говорю:— хотел бы написать жалобу не-

¹ Закет — религиозная милостыня в пользу бедных.

большую, затем и пришел к вам». Как вы знаете, господа, легче дожидаться конца света, чем объяснить свое дело дворцовому писарю, а у этого джигита никакой важности нет, совсем простой человек. Выслушав меня, он сказал:— Хоп!¹— В заявлении надо было указать имя сборщика налогов, а откуда я его знаю, я ничего не мог сказать, только описал его внешность,— джигит сам уж догадался, кто это был, и написал его имя. «Теперь идите домой,— сказал мне писарь,— я сам подам эту жалобу. Ответ,— говорит,— через два дня получите здесь у меня». Вот так все просто было. Я поблагодарил его и протянул ему полкуса бязи — «за перо», но он отказался взять. «Ах, боже мой, видно мало»,— испугался я и сказал: «Если моя жалоба будет удовлетворена, я не останусь в долгу перед вами, господин писарь». А он опять отказывается. «Вот беда!»— подумал я. А он всерьез: «Я не беру платы за прошение, забирай свою бязь». Есть же такие люди, Самгд-ака! Дай бог ему всего хорошего! Ну, как говорится,— «не берешь золото, прими благословение»,— я я открыл руки для молитвы. Однако послушайте, что дальше было. На второй день, вечером, готовил я основу на станке, вдруг стучат в дверь. «Войдите!» Входит человек с бязью в руках.

— Вы — Сафар-бай?

— Да, я.

— Вы подавали жалобу?

— Подавал.

— Как звали вашего отца?

— Маматбай.

Пришедший выложил передо мной бязь — ровно восемь кусков, вся моя вчерашняя бязь.

— Получили вашу бязь?

— Да, получил.

— Прощайте!

— До свиданья!

«Конечно, это все хлопоты молодого писаря». — подумал я. По совету жены взял я два куска бязи и отправился к нему. Вызвал его, он вышел ко мне. С благодарностью протягиваю ему бязь, а он — ни в какую, не берет. «У меня есть бязь,— говорит он,— идите до-

¹ Хоп — ладно, хорошо

мой». Я говорю: «Может быть продать бязь и дать вам деньгами?» Он отвечает: «И денег мне не надо, у меня свои есть». Ничего не захотел взять. Опять я его благословил и пошел домой со своей бязью. Ну, не ангел ли он, Шукур-суфи? Кому же и быть главным писарем, как не ему, Самад-бай! Благословение народа на нем. А благословение народа, как говорится, — что озеро: «по каплям стекается, широко разливается». Правда ведь, ваша милость?

Имама всего передергивало, пока он слушал рассказ Сафара. Когда тот кончил, имам злорадно взглянул на зобатого Самада. Примолкший было Самад сразу вспылил:

— Сафар, ты лжешь и не поперхнешься!

Сафар даже побледнел:

— Ей-богу, все правда, хочешь поклянусь?

— Да какой же дурак не возьмет двух кусков бязи, которую ему принесли? Врать надо так, чтоб можно было поверить!

— Ей богу, он не взял! — Сафар так взволновался, что даже встал со своего места. — Если я сказал неправду, так я не мусульманин, а тот, кто мне не верит, не раб божий, а еретик, вероотступник!

Увидев, что Сафар рассердился не на шутку, имам вмешался:

— Добро сотворить всякий может, Сафар-ака, — сказал он, — поэтому я допускаю, что писарь сделал доброе дело. Но наш разговор здесь не касался его доброго отношения к беднякам и вдовам. Мы говорили о том, сможет ли этот человек руководить всеми писарями во дворце, справится ли он с такими большими обязанностями.

— Верно, таксыр, — сказал Сафар-ткач, — бог даст, конечно, справится.

Имам, недоумевая, пристально посмотрел на Сафара.

— Почему вы думаете, что он справится?

— Я знаю, бог его вразумит, таксыр!

— Почему?

— Благословение народа на нем, таксыр!

— Благословение народа — это хорошо, — сказал имам, — однако хватит ли у него знаний?

— Хватит, хватит, ваша милость!

— Как вы можете знать, что хватит?

— А откуда вы знаете, что не хватит, ваша милость?

— Я знаю,— сказал имам злобно,— чтобы занять такую должность, надо получить высшее образование в священной Бухаре или, по крайней мере, в кокандских медресе. А ваш писарь обучался только грамоте и ничего больше не знает!

— А с чего вы взяли, ваша милость, что он ничего не знает?

— Он — бедный сирота, и я сам обучал его грамоте.

— На все воля божья, таксыр! — сказал Сафар, недолго думая. — Вот вы, ваша милость, сколько лет учились в священной Бухаре, а стали всего-навсего только имамом в мечети нашего квартала... Видно, богу так угодно было, ваша милость. А вот он, не учившийся в медресе, если богу будет угодно, станет главным над всеми писарями во дворце... Все бывает, ваша милость.

Вся кровь сбежала с бледного лица имама, пестрые глаза-бусинки страшно засверкали.

— Ты — глупый человек! — сказал он.

— А вы — глупый мулла! — сказал Сафар-ткач.

Разгневанный имам вскочил и бросился было на Сафара, но зобатый Самад удержал его.

— Невежа, проклятие твоему отцу! — закричал Самад. — Разве говорят мулле такие слова?!

Сафар-ткач не смутился.

— Заткни глотку, зобатый. — казал он, — отпустика господина имама, пусть он подерется со мной!

— Ты что думаешь, я трушу?!

Имам отталкивал от себя Самада, делая вид, что хочет броситься на Сафара.

Шукур-суфи словно остолбенел, а от Самада и вовсе нечего было ждать помощи имаму, — ведь он только на сплетни мастер.

— И ты еще смеешь, невежа, приходить на молитву и становиться позади имама?! — сказал Самад.

— Если и уйду — разве отвяжешься от вас?!

— Не хочешь молиться, убирайся отсюда!

— Эх, вы! — сказал Сафар-ткач, вышел из мечети и пошел домой.

— Сын проклятого отца, невежа! — пустил ему вслед имам и снова сел на свое место.

Некоторое время все трое молчали.

— Это же собака! Не огорчайтесь из-за него, ваша милость!

Имам не отвечал.

Тут подошли еще люди и присоединились к ожидающим. Шукур-суфи поднялся на минарет и стал зывать верующих на молитву.

Все вошли в мечеть.

19. ЧЕЛОВЕК С ГЯЗНЫМ ПРОШЛЫМ

Имам Абдурахман был очень расстроен. Между вечерней и ночной молитвами он ни с кем не промолвил ни слова. «Сколько лет проучились в священной Бухаре, а сделались только имамом махаллинской мечети. Видно, богу так угодно было, ваша милость!» Эти слова, сказанные Сафаром, как отравленный кинжал ударили его в сердце и разбередили старую рану. До сих пор эта рана была скрыта глубоко внутри, нарывала незримо, а вот сегодня какой-то неуч, ткач Сафар, безжалостно вскрыл ее перед этими бездельниками — зобатым Самадом и Шукуром-суфи — и тем подорвал авторитет имама. Это — одно, а другое — то, что Сафар сказал про Анвара — «а он, и не учась в медресе, станет главным писарем», добавило новую боль имаму. Пламя зависти, тлевшее в груди имама, теперь разгорелось сильно и охватило его всего.

Почему же он так старался доказать непригодность Анвара на должность главного писаря, твердил об отсутствии у него образования, о неспособности его к управлению? Зачем он испортил себе настроение, затеяв спор с этим глупцом Сафаром? Даже если он хотел беспристрастно судить об Анваре, зачем было ему высказывать свое суждение невежде, неучу Сафару-ткачу? Такие вопросы задавал себе имам. Чтобы ответить на них, мы должны заглянуть в прошлое господина имама, иначе мы не сможем удовлетворить любопытство нашего читателя.

Лет двадцать назад теперешний наш имам-мулла Абдурахман назывался коротко и просто: Рахман. Отец его, хоть и был родом из духовного сословия, сам почему-то не стал священником, но все дядья Абдурахмана были известными мударрисами в священной Бухаре,

где в свое время они сами получили образование. Отец Абдурахмана умер, когда сын был еще маленьким ребенком, воспитывали его мать и родичи отца. До пятнадцати лет он учился в школе Салиха-махдума, пока не получил письмо от одного из своих дядей с приглашением продолжать образование в Бухаре. В письме говорилось о том, что все предки их рода были учеными, а потому и ему следовало, не тратя зря времени на приобретение иной профессии, прибыть в Бухару и получить там высшее образование. Это приглашение очень понравилось матери Абдурахмана и его родным, решено было немедленно послать юношу в Бухару. Погруженный в сладкие мечты о том, как он станет ученым, знатоком законов ислама, мударрисом в какой-нибудь медресе, Абдурахман отправился в Бухару.

Старший дядя Абдурахмана был ректором медресе «Ходжа Порсо» — к нему-то и прибыл юноша, чтобы получить высокие знания и необходимое воспитание. Дядя-мударрис мог бы дать ему келью в медресе, но он взял Абдурахмана к себе в дом и поместил его в своей михманхане. Так началось высшее образование Абдурахмана...

Стены дядиной михманханы не смогли уберечь Абдурахмана от разврата, царившего в то время в «священной» Бухаре. Абдурахман спутался с разгульными молодчиками-купцами и тайно от дяди предался кутежам. Тайна эта наконец была раскрыта. Дядя-мударрис, не стерпев позора, выгнал племянника из дома. Абдурахман раскаялся и упросил дать ему возможность остаться в медресе. Благодаря поручительству некоторых знакомых, он остался студентом и жил в медресе. Однако и в самом медресе среди студентов немало было охотников до разгульной жизни. И если в первые три года своего пребывания в медресе Абдурахман «развивал свою нравственность» среди купцов, то в последующие два года эту его «нравственность» успешно «усовершенствовали» студенты медресе.

Но через некоторое время даже обитатели медресе от него отшатнулись. Тогда Абдурахман стал находить удовлетворение своим порокам в чайханах, среди всяких искателей приключений и стариков-наркоманов. Перо не в силах описать образ жизни, которую он вел в последний период своего пребывания в Бухаре. Он

прожил там еще около трех лет, и когда наконец, распрощался со своей бачебабской¹ молодостью, он был уже законченным развратником, прожженным негодяем, бесшабашным кутилой. У него уже росли борода и усы, лицо его стало похоже на лепешку, облепленную муравьями, и пинцет² уже не мог помочь ему.

20. ОСТОРОЖНОСТЬ

Похождения недавнего прошлого теперь уже казались Абдурахману грязными, а в ближайшем будущем не видел он для себя ничего устойчивого. Несколько месяцев он был мрачен и подавлен и неохотно посещал занятия в медресе. Он пережил состояние тяжелого похмелья, от которого остается только душевная боль. Но он поборол эту боль и снова воспрянул духом. Засучив рукава, он весь отдался учению, задавшись целью изучить в совершенстве «Толкования» Аконды.

Пережив этот период душевного разлада, Абдурахман твердо решил строить свою судьбу без помощи пинцета для выдергивания бороды, но опираясь на толкование священных книг, т. е. свою единственную «идею» — заботу о собственном благополучии — облечь в ученые религиозные одежды. Пять лет он упорно высидел в сырой келье, заработав на всю жизнь худобу и бледность, и к двадцати восьми годам окончил медресе. Видя перемену, происшедшую с Абдурахманом, дядя-мударрис простил ему прежние грехи и даже на собственные средства устроил ему перед выпуском из медресе прощальную пирушку.

Готовясь к возвращению в Коканд, Абдурахман был полон мечтаний об ожидавшей его там славе ученого, он надеялся занять должность муфтия или казия. Ему казалось, что и вся родня его готовится встретить молодого ученого с распростертыми объятиями.

Как влюбленный на свидание к возлюбленной, спешил он домой и быстрее ветра домчался до своего города. Он думал, что весь Коканд соберется его встречать, на самом же деле у городских ворот ожидали его толь-

¹ Бачебабство — гомосексуализм.

² «Бачи» выдергивали себе волосы на лице пинцетом, чтобы казаться моложе.

ко три-четыре родственника, да пара махаллинских стариков, известных своей добротой. Это был первый удар, нанесенный его сладким мечтам.

Он приехал домой. Несколько дней он отдыхал и принимал визиты родных и знакомых, приходивших прочесть благодарственную молитву по поводу его возвращения. Но ему было мало этого, демоны честолюбия оседлали его. К тому же, все эти посетители были «голь перекатная», бедные родственники, студенты медресе да имамы из ближних кварталов. Вопреки его ожиданиям, не пришел никто из высшего духовенства, ни мударрисы, ни ученые законоведы, ни знатные беки, ни богачи. Никто из них не порадовал его глаз своим посещением. Это было вторым ударом для него.

Некоторые знакомые не посетили его, отговариваясь «недосугом», но он ждал, что, по обычаю, его пригласят на вечер, устроенный «в его честь». И эта надежда оказалась пустой. «Плыть из дома в дом, от угощения к угощению», как рисовалось в мечтах, ему не удалось, пришлось ограничиться лишь приглашением нескольких бедных родичей, которые еле-еле наскребли кое-что для его угощения. Это был третий удар.

И месяца не прошло, как прекратились приглашения, и ему приходилось довольствоваться лапшой, которой кормила его мать, бедная вдова. Не только стать мударрисом, как он мечтал в Бухаре, но хотя бы помощником мударриса ему не удалось. Трудно оказалось получить даже должность имама махаллинской мечети. Хотели назначить его имамом мечети за два квартала от его родного дома. Но и тут возникло препятствие: мулла Абдурахман был неженат, а это — нарушение сунната, ибо по закону имам мечети должен быть женатым человеком — на этом настаивали благочестивые прихожане. Тогда несколько друзей, сговорившись поделить между собой расходы по свадьбе, решили его женить. При условии, что он женится, мулла Абдурахман был назначен имамом мечети в соседнем квартале.

Все его бухарские мечты разлетелись, как дым, и нужда заставила его примириться с этой ничтожной должностью.

Сваты Абдурахмана хотели посватать за него дочь Салиха-махдума Рано. Во-первых, о красоте Рано шла молва в городе, во-вторых, Абдурахман уже был зна-

ком с девушкой, — он когда-то учился в школе у ее отца и, в-третьих, женитьба молодого ученого на дочери своего бывшего учителя — это уже само по себе неплохо. Узнав, что Рано еще не вышла замуж, Абдурахман решил, что это хороший знак. Надеясь, что красота Рано за эти десять лет расцвела еще пышнее, он в мечтах уже обнимал ее стан. Он считал себя самым образованным среди своих сверстников-мулл и был уверен, что Салих-махдум рад будет сделать его своим зятем, и что не нынче-завтра Рано окажется в его объятиях. Но судьба и в этом его обманула. Свахи принесли от Нигор-аим неутешительный ответ: мол, дочь наша еще слишком молода, ей только исполнилось двенадцать лет.

Не поверив женщинам, мулла Абдурахман послал двух знакомых стариков к самому Салиху-махдуму. Эти сваты принесли отказ, еще более горький: «Оказывается, Салих-махдум помолвил дочь свою с молодым человеком, по имени Анвар, который служит во дворце писарем. Если бы не было этой помолвки, отец рад был бы выдать ее за вас. Он весьма сожалеет...»

После такого ответа, Абдурахман проклял свою судьбу и затаил в сердце обиду. В нем родилась зависть к этому джигиту Анвару, который собирался жениться на Рано. Чтобы проверить, не обманули ли его, Абдурахман стал наводить справки о писаре Анваре, служащем во дворце. Он не только удостоверился, что все сказанное ему правда, но и сам вспомнил мальчика-сироту, учившегося у Салиха-махдума еще до отъезда Абдурахмана в Бухару. Вот уже три-четыре года, как Анвар служил во дворце, получая в месяц несколько золотых жалованья. Узнав все это, Абдурахман распалился еще больше. Он — ученый, окончивший медресе в Бухаре, с таким трудом мог устроиться лишь имамом в махалле, а какой-то невежда, безродный сирота, служит во дворце, загребает золото и еще хочет получить такую девушку, как Рано, — нет, этого нельзя стерпеть.

Приступив к исполнению должности имама — настоятеля мечети, мулла Абдурахман взялся за дело с большим рвением, прилагая все свои знания. Каждый день он обращался к молящимся с пастырским словом. Каждую неделю, по пятницам, он произносил пространные проповеди и умел растрогать сердца своих прихожан.

Эти проповеди, которые он произносил из честолюбия, только ради того, чтобы возвыситься в глазах людей, обманывали и умиляли их. Слушать его проповеди стали стекаться по пятницам люди из окрестных махаллей. Видя, что усилия его увенчиваются успехом, мулла Абдурахман раздувался от гордости и старался еще больше, особенно когда среди молящихся замечал какого-нибудь бека или приближенного к хану человека. Тогда он оставлял в стороне вопрос об аде и рае и начинал говорить о смирении и послушании хану, об уважении к правителям. Он хотел прежде всего угодить хану и его людям и мало заботился о бедных своих прихожанах. Его старания принесли свои плоды: один из богатых торговцев, пленившись «могучей рекой его знаний», выдал за него свою родственницу. Сделавшись зятем богача, мулла Абдурахман стал завязывать связи с другими богатыми семьями города и, бывая на их празднествах, сводил знакомства с мударрисами и мукаррирами и понемногу задира л нос. Теперь бы ему только приблизиться к придворным кругам!.. Но этого пока еще не удавалось достичь.

Читатель уже знает, что Абдурахман таил в душе злобу против Анвара, — понятно, какое он испытал беспокойство, узнав о предполагаемом возвышении Анвара. Как? Этот невежда Анвар, вместо того, чтобы быть выгнанным из дворца, получит такое повышение?!

Беспристрастное мнение большей частью никого не унижает. Пристрастные же суждения обычно позорят самого говорящего. Мулла Абдурахман проявил пристрастие в своем суждении об Анваре — и за это получил справедливый отпор от Сафара-ткача.

Но как ни сильна была тайная злоба против Анвара в душе Абдурахмана, у него не было ни сил, ни возможности повредить сопернику. Вы, может быть, скажете: — Но ведь имам уже женился, Рано ему не нужна теперь, зачем же ему злобиться на Анвара? — Наивный вопрос. Обида началась с отказа Рано, теперь же зависть к Анвару ее еще усилила и только дала ей другое направление. Сафар-ткач, конечно, верно сказал: «Вы столько лет учились в священной Бухаре и смогли стать только махаллинским имамом, а он, и не учась в Бухаре, стал писарем во дворце...» Эти злые намеки вновь воспламенили затухавшую было ненависть. Если вы наивны, как

Сафар-ткач, то, пожалуй, тоже скажете: «Как богу угодно, так все и будет». И опять ничего не поймете. Трудно понять людей, подобных Абдурахману, а лучше их вовсе не понимать.

21. ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ ГРАМОТЫ

С утра уже все знали, на чье имя выписана грамота. К Анвару, сидевшему, как обычно, за работой в дворцовой канцелярии, то и дело подходили писари и другие служащие, тихонько поздравляли его и отходили. Анвар молча выслушивал эти поздравления и, как всегда, готовил бумаги для хана, разбирал прошения и письма областных управителей, отделяя срочные и важные от менее значительных, чтобы передать их худайчи¹. Некоторые бумаги он передавал для переписки сидевшим в соседней комнате писцам и муфтиям, перед которыми стояли чернильницы с перьями.

В комнате главного писаря, кроме Анвара, находились еще два письмоводителя. Как пригвожденные к столу, скрипя камышовыми перьями, молча водили они ими по бумаге. Один из них сидел насупившись — это был муфтий Шаходат, имя которого тоже было в представленном хану списке кандидатов на должность правителя канцелярии. Другой писарь, по имени Калоншах, мечтал, что правителем будет назначен его друг, поэт Мадхий. В соседней же комнате сидели человек пятнадцать писарей, и настроение у них было разное: кое-кто, вроде Султанали, улыбался и шутил с соседом, другие, подобно муфтию Шаходату, имели вид людей, «надевших халаты наизнанку».

Поведение писарей, сидевших с ним рядом, несколько смущало Анвара, и, просматривая бумаги, он иногда поглядывал на них. Но двое сидевших напротив молчали, будто рот залепили воском.

— Сегодня с утра надо мной все подшучивают, будто бы меня назначают правителем канцелярии, — сказал, наконец, Анвар.

Муфтий Шаходат окунул раз и другой камышовое перо в чернильницу и ответил:

— Ничего удивительного, если так и будет...

¹ Х у д а й ч и — адъютант хана.

— Да что вы — сказал Анвар, откладывая в сторону бумаги, — ведь я только временно занялся этими делами, чтобы не было задержки, и только потому, что вы были в отсутствии, разъезжая по кишлакам. С завтрашнего дня вы снова займетесь всеми делами, ваша милость. Мне уже надоели эти насмешки!

Муфтий Шаходат почесал пером свою внушительную седую бороду, которая закрывала всю его грудь до пояса.

— А может быть это и не насмешки, — сказал он, скрывая раздражение. — Вы молоды, знания у вас большие, вы неутомимы... А мы давно работаем в канцелярии, устали уже...

— Конечно, все это насмешки, — сказал сидевший рядом с муфтием Калоншах, не подымая глаз от писанья, — не надо их слушать!

Анвар уже поверил поздравлениям, а называл их «насмешками», чтобы как-то сгладить создавшуюся неловкость. Слова Калоншаха были ему неприятны, он почувствовал в них неприкрытую вражду и не мог ничего ей противопоставить. В это время из приемной показался худаичи и, остановившись в дверях, позвал:

— Мирза Анвар!

Анвар, взяв в руки бумаги, приготовленные для хана, встал с места.

— Бумаги готовы... Я уже собирался послать их вашей милости.

Худаичи покачал головой.

— Оставьте пока дела, — сказал он, кивнув на бумаги, — следуйте за мной.

— Куда, ваша милость?

— К его величеству!

Писари переглянулись. Муфтий Шаходат, побледнев, посмотрел на Калоншаха. Анвар, удивленный, стоял с бумагами в руках. Худаичи снова позвал его:

— Я вас жду, Анвар!

Анвар положил бумаги на стол и последовал за худаичи.

Хан сидел на троне. Справа от него на скамье — Абдурахман-офтобачи¹, слева — поэт Нияз-домулла, скре-

¹ О ф т о б а ч и — придворный чин.

стив руки на груди. По обеим сторонам двери, ведущей в покои хана, стояли как статуи два палача с аллебардами в руках, а вдоль стен сидели высшие сановники хана, придворные беки.

Худайчи вошел в священные покои и поклонился.

— Позвал?— спросил хан.

— Да, ваше величество!

— Разрешаем ему войти!

Худайчи поклонился и, пятась задом, вышел, а затем ввел в священные покои Анвара. Остановившись в дверях, Анвар отвесил низкий поклон хану, поклонился и сидящим с ним.

— Как дела, писарь?— спросил хан.

— Вашей милостью, повелитель!— сказал Анвар.

Хан поглядел на домуллу Нияза.

— Этот джигит, кажется, самый способный среди наших писарей,— сказал он.

Домулла Нияз поклонился.

— Под вашим мудрым руководством, о царь царей!

— Мы решили этого джигита назначить нашим главным писарем,— сказал хан, взял из-под колена грамоту и, протянув ее домулле Ниязу, приказал:

— Читайте, домулла!

Домулла Нияз встал с места, взял бумагу и поцеловал. Абдурахман-офтобачи, а за ним и вся дворцовая знать — все сразу встали.

Домулла Нияз, стоя, начал читать грамоту.

— «Во имя бога всевышнего! Воле божьей повинуйтесь все мусульмане! Слушайте приказ сына великого султана и ныне царствующего султана нашей Ферганской страны Саида Худояра-хана!

В третий год нашего правления и третьего гостшествия на престол — в год 1287 хиджры¹, месяца Сафара 25-го числа — дали мы эту грамоту кокандцу мирзе Анвару затем, чтобы вышеназванный ученый писарь Анвар, сын Салимбая, следуя законам великого шариата, честно выполнял полностью обязанности главного ханского писаря, в чине дворцового бека. Чтобы, выполняя нашу царскую волю, он не обманул нашего доверия, всегда был на страже против измены и нарушения законов шариата, не затемнил зеркала нашей справедливости, ден-

¹ Соответствует 1870 году.

но и ночью расследовал бы жалобы и прошения нашего народа, был к ним внимателен и справедлив.

К грамоте прилагается послание о том, что вышеназванное лицо является административной властью, коей подчинена дворцовая канцелярия.

Данную грамоту мы скрепили нашей царской печатью».

Окончив чтение грамоты, домупла Нияз приложил ее ко лбу и обеими руками поднес Худояру.

Худояр взял грамоту и кивком подозвал Анвара, который стоял перед ним, наклонив голову. Анвар подбежал, взял грамоту, поцеловал ее, воткнул в чалму и, пятясь задом, вернулся на прежнее место.

Домупла Нияз вознес благодарственную молитву:

— Да богатеет день ото дня государство царя царей!
Да склонят перед ним враги свои головы! Да будет всегда благословение божье над ним, чтобы он осенял нас своей милостью!

Господь, охраняющий нас от бед!
Напасть отгоняющий, льющий свет!
Даруй нам победу во славу Пророка!
О, боже! Пошли нам победу побед!

В ответ отовсюду, особенно из передней, раздалось громкое: «Амины! Амины!» Эхо этих возгласов потрясло священные покои.

Худайчи принес два халата, один, парчовый, надел на домуплу Нияза, другой — из черного бархата, в каком полагалось ходить главному писарю, надел на Анвара. Облачившись в парчовый халат, домупла Нияз снова стал восхвалять повелителя, сочиняя славословия и молитвы, уподобляя его в щедрости легендарному Хотамтаю, а в справедливости сравнивая с праведным иранским царем Нуширавоном. На этом церемония закончилась.

Анвар, пятясь задом, тихо-тихо выбрался в переднюю, окунулся в гул приветствий находившихся там придворных и вышел из ханских покоев.

Когда Анвар вернулся в канцелярию, все младшие и старшие писари встали с мест — приветствовать своего нового начальника. Даже на лицах тех, кто не хотел его назначения, теперь не было и следа прежнего «не-

доумения». Сам муфтий Шаходат первый раз в жизни поднялся с места в честь Анвара.

— Поздравляю, поздравляю! Честь и слава, мирза Анвар!— сказал он.

Пусть не удивляет читателя такая перемена в людях, совершившаяся в какие-нибудь полчаса, причина тут простая и всем известная. Ведь главный писарь — хозяин в канцелярии, начальник даже для таких, как муфтий Шаходат, хотя у него борода по пояс. Начиная с этого часа, судьба всех их в руках этого человека.

Анвару было неловко от всех этих искренних и лицемерных поздравлений. Взяв в руки торчавшую в чалме грамоту, он, как бы удивляясь самому себе, оглядел окруживших его писарей.

— Волей его величества,— сказал Анвар, обращаясь к ним,— я вынужден принять на себя тяжелую и ответственную обязанность. Я принял ее не потому, что слишком уверен в себе, но потому, что надеюсь опереться на всех вас, моих отцов и братьев. Я думаю, что вы не заставите краснеть вашего младшего брата, взявшего на себя такую ответственность, и будете милостивы ко мне... Я выучился здесь многому с вашей помощью, вы были моими учителями. Теперь я назначен руководить вами, но это не имеет большого значения. Я хочу, чтобы вы и дальше относились ко мне просто, как к вчерашнему Анвару, и не обижали меня преувеличенными почестями. Ведь простое обращение — признак доброжелательства и дружбы.

— До нынешнего дня мы вас уважали не потому, что вы были воспитанником покойного Мухаммеда Раджаба,— сказал в ответ Султанали,— мы уважали ваши знания и талант. И в дальнейшем мы будем уважать вас не потому, что вы главный писарь хана, а за то, что вы мирза Анвар!

Муфтий Шаходат посмотрел на Султанали исподлобья, заложил под язык шепотку насвая, отошел и сел на свое место.

— Вы всегда смущаете меня, преувеличивая мои достоинства, Султанали-ака,— сказал Анвар.— Мне дороги не похвалы, а ваше уважение, повторяю опять. Так пусть же оно выразится в простом и братском отношении ко мне.

Совершив благодарственную молитву, все вновь при-

ступили к своим занятиям. Анвар стал снимать свой бархатный халат, но к нему подошел Султанали.

— Мирза Анвар, вам следует теперь пойти домой!

— Почему?

— Сейчас по городу пойдет глашатай и объявит народу о даровании вам грамоты. К вам домой придут люди поздравить вас...

— Во-первых, у меня нет своего дома. Во-вторых, у меня нет знакомых, которые пришли бы поздравить меня,— сказал Анвар, махнув рукой,— так что не беспокойтесь на этот счет!

— Как вы еще молоды, Анвар!

Вместо ответа Анвар улыбнулся и, усевшись на свое место, принялся разбирать бумаги.

22. АДРАСОВЫЙ ХАЛАТ И ГОРЯЧИЕ ЛЕПЕШКИ

Пошел второй час после дарования грамоты новому начальнику дворцовой канцелярии, и весть об этом разнеслась по всему городу.

Дворцовый глашатай громко кричал на базарах и на перекрестках улиц, оповещая народ о свершившемся:

Да слышит неслышавший!.. Кончил свой век
Почтечный мулла Мухаммед Раджаббек!
Но роза в саду распустилась пышней,
К нам звонкоголосый слетел соловей.
С мирзою Анваром сравню ли кого?!
Ни с чем не сравнимо его мастерство,
Богатый язык, удивительный дар...
Пожалован грамотой шаха Анвар!..
Он мысль излагает столь плавно и ясно,—
Пусть счастье с ним пребывает согласно!
Кто шаху великому предан душой,
Тот славы достоин и чести большой.
К тому потечет за наградой награда,
Того ожидают почет и услада...

Городское духовенство и знатные люди, еще вчера с насмешкой относившиеся к слухам о назначении Анвара, теперь, узнав, что это совершилось, возмущенно хватали себя за ворот: «Какое неразумие, прости господи! Такие

почести — и кому? Какому-то неизвестному, без роду и звания?!»

Бедняки-кустари по этому поводу говорили: «Э, кто бы там ни был, лишь бы справедлив был! Не правда ли, Мамараим, а?» И возвращались каждый к своим заботам. А те, кто, подобно Сафару-ткачу, уже имели случай узнать доброту Анвара, были очень обрадованы новостью.

— Этот джигит вознесен по заслугам, — говорили они. — Хорошо, что он назначен, — и хвалили нового главного писаря.

Хотя Салих-махдум ожидал назначения Анвара все же он растерялся. Задержав джигита, пришедшего получить суюнчи за принесенную радостную весть, махдум тут же приказал двум своим ученикам быстро подмести михманхану, а всех остальных школьников распустил. Поспешно вошел он в ичкари и позвал Нигор-аим, которая занималась со своими ученицами.

— Эй, открой-ка свой сундук, пришел человек от Анвара! — сказал он.

Нигор-аим сначала не поняла мужа.

— Какой человек от Анвара? Зачем открывать сундук?

— Ну и глупая же ты женщина, — взволнованно отвечал махдум. — Анвар получил ханскую грамоту, пришел джигит получить суюнчи за эту весть. Открой сундук и вынь ему что-нибудь, да поторапливайся!

Нигор-аим заторопилась, стала метаться по комнате, ища ключ от сундука, а махдум, стоя в передней, сердился и бранил ее. Ключ все не находился, терпение махдума лопнуло, он вошел в класс и позвал Рано.

— Нашла, нашла! — закричала Нигор-аим.

Махдум вернулся к ней. Нигор-аим открыла сундук.

— Какой халат достать?

— Бязевый вынь.

В эту минуту вошла Рано. Махдум посмотрел на дочь и засмеялся.

— Ну, дочка, счастье тебе, — сказал он, — твой брат Анвар стал главным писарем во дворце!

Рано отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Зачем вы меня звали?

— Хотел спросить, где ключ от сундука, да он уже нашелся.

Нигор-аим достала из сундука бязевый халат и показала мужу:

— Годится такой?

— Годится, годится, давай его сюда!

Нигор-аим осмотрела халат с сомнением:

— Удобно ли вестнику из дворца дарить такой халат?

Рано тоже брезгливо посмотрела на халат.

— Нельзя такой дарить, стыдно!

Махдум задумался.

— Ну что ж,— сказал он неуверенно,— тогда возьми адрасовый, попроще.

Нигор-аим вынула адрасовый халат. Махдум стал его рассматривать на свету.

— Нет, жалко адрасовый,— сказал он, складывая бережно халат,— давай бязевый!

— Чем бязевый дарить, лучше уж совсем ничего не давать. Неужели вы хотите, чтобы брат Анвар краснел из-за какого-то пустяка?

К Рано присоединилась Нигор-аим:

— Не надо, чтобы Анвар краснел из-за нас!

— Но ведь жалко, жаль отдавать этот!— сказал махдум, поворачивая в руках адрасовый халат; на лице у него уже не было радостного волнения, только жадность.— Ведь это расточительство, дочь моя, расточительство! Ты только взгляни, какой плотный шелк, какие в нем крепкие нити!

— Тем лучше,— сказала Рано,— честь и уважение к человеку дороже самых крепких шелковых нитей.

— Ну, ладно, ладно,— сказал махдум, прощаясь с адрасовым халатом.— Ты распусти сейчас же учениц, Нигор-аим, приготовь достархан, вскипяти чай. Возможно, придут люди поздравлять. А ты, Рано, дочка, не можешь что ли голову помыть, чтоб выглядеть по-человечески?

Сказав это, махдум вышел, Рано засмеялась, закрыв лицо руками. Нигор-аим окликнула мужа.

— Муженек!— сказала она,— у нас все лепешки черствые. Замесить тесто времени нет. Надо бы купить на базаре горячих лепешек.

Эти слова после того, как он уже и адрасовый халат отдал, подействовали на махдума так, будто ему на рану

посыпали соли. Он остановился посреди двора, почесал голову, прищурил глаз и посмотрел на жену.

— Очень черствые?

— Как камень,— не разломишь, силы в руках не хватит.

Вот еще напасть! У него язык не поворачивался сказать: «хорошо, я куплю лепешек», он только опустил голову и ушел на мужскую половину. Своими собственными руками он надел адрасовый халат на джигита, ожидавшего в михманхане, и взглядом, полным сожаления, проводил его до самых ворот, даже позабыв спросить, когда придет Анвар. Обругал дураком и собакой мальчишку, который подметал двор, не полив его предварительно и поднял тучу пыли. На другого мальчика, расстилавшего одеяла в михманхане, поворчал за неловкость.

— Сбегай на базар!— сказал махдум мальчику, когда он, расстелив курпачи, приготовил места для гостей.— Там под большой ивой лавка пекаря Савура. Скажи ему: «Махдуму-домулле нужны горячие лепешки — двадцать штук». Спроси, сколько будут стоить, и скорей возвращайся. Скажи, что это для махдума-домуллы, чтоб подешевле взял, скажи, что деньги будут уплачены наличными. Скажи еще, что к новому главному писарю придут гости из дворца... Беги!

Отправив мальчишку узнать цену лепешек, он вышел во двор. Школьник, которого он обругал за пыль, теперь так обильно полил двор, что он покрылся грязью. Махдум опять выбранил мальчика, велел полить улицу перед воротами и пошел в ичкари.

— Хорошо, что отпустила учениц,— сказал махдум Нигор-айм,— но почему все-таки ты не позаботилась о лепешках? Ведь мы ждали, что он получит грамоту... И мука у нас есть... вот дура! А ну-ка, покажи мне, какие у тебя лепешки?

Рано по приказанию матери достала из ящика несколько лепешек и дала отцу. Лепешки разного сорта и фасона были сухи, как щепки. Как ни старался махдум, не мог разломить ни одной. Рано, отвернувшись, рассмеялась. Наконец, махдум, провозившись напрасно с лепешками, сам стал смеяться:

— Очень уж засохли, чтоб им пропасть! Слишком жаркая стоит погода, а, Рано?

Рано громко расхохоталась в ответ. Нигор-аим тоже улыбнулась.

— Вчера я хотела поставить тесто, а вы же сами сказали «не надо». Нам-то что, а вот Анвару, после целого дня работы, каково? Он столько тратит денег на хозяйство, а мы даже свежей лепешки ему не даем.

— Я уж послал за горячими лепешками! — сказал махдум, отдавая Рано черствые лепешки. — Раз ты считаешь, что Анвару нужны свежие лепешки, тогда с сегодняшнего дня пеки для него понемножку, сколько ему надо. А мы и черствые съедим, размочим их в чаю — и все!

Нигор-аим давно уже, хотя махдум и не приказывал ей, тайком пекла лепешки для Анвара и Рано, но сегодня у нее осталось всего две.

Решившись, наконец, купить свежие лепешки, махдум ушел в михманхану, дал вернувшемуся мальчику двадцать копеек и приказал принести лепешки, причем обязательно проследить, чтобы нижняя корочка не была пригорелой.

Хотя Анвар и считал, что у него нет «своего дома и близких знакомых», посетители с поздравлениями не замедлили явиться. Когда пришли и вторые и третьи, махдум послал человека к Анвару звать его домой. До самого позднего вечера приходили люди из разных кругов населения поздравить Анвара. Пришли даже те духовные лица и знатные беки, которые совсем недавно кватали себя за воротник от возмущения и смеялись над невежеством Анвара, — именно они-то теперь и спешили явиться с поздравлениями. Ведь такие люди всегда стараются приспособиться к обстоятельствам, быстро мирятся со всякой переменой и находят для себя удобный выход из любого затруднения. На лицах этих знатных поздравителей Анвар читал лицемерие, жадность, дьявольскую хитрость. Только у бедняков он видел простосердечное доброжелательство.

23. КНИЖНОЕ СЛОВО

Это было перед вечерней молитвой. Махдум стоял у ворот, согнувшись вдвое в низком поклоне — провожал одного из мударрисов, приходившего с визитом. Уже попрощавшись и сделав несколько шагов, мударрис стал топтаться на месте и откашливаться.

— Да, мулла Салих, я забыл вам что-то сказать!— промолвил мударрис.

Салих-махдум с готовностью подбежал к нему.

— Мне было неудобно самому говорить мирзе: если у него окажется нужда в толковании какой-либо книги или еще в чем-нибудь подобном, пусть он не обходит меня... Прошу вас, передайте ему мою просьбу.

— Хорошо, таксыр, хорошо!

— Надеюсь, вы не забудете?

— Будьте спокойны, таксыр!

У махдума, в течение нескольких часов принимавшего подобные поручения от разных должностных лиц, уже мозги раскисли. Приняв еще и эту просьбу мударриса, он проводил посетителя. Тут он увидел Сафараткача, который в кое-как повязанной чалме, шлепая кавушами на босу ногу, направился от ворот на мужскую половину дома.

— Ну-ну, братец!— остановил Сафара махдум.— Куда это вы направляетесь?

Махдуму уже успели надоесть посетители, даже беки и богачи, не говоря уже о бедняках. К тому же лепешки пришлось покупать вторично, и это тоже его расстроило. Сафар-ткач, остановясь у входа, обернулся, посмотрел на махдума.

— Что вы сказали, господин?

— Спрашиваю, куда это вы путь держите?

— Я услышал, что моему брату Анвару бог дал почетную должность, вот и иду повидать моего духовного наставника...

— Это любезно с вашей стороны, но он сейчас очень устал, помолитесь за него дома — и хватит!

Сафар-ткач почесал затылок и опять взглянул на махдума.

— Я только повिдаюсь с ним и уйду. Мне же ничего не надо, господин!

Махдум преградил путь Сафару:

— Нет, вы только его рассердите!

— Жертвой мне пасть за мирзу Анвара!— сказал Сафар-ткач, протискиваясь вперед.— Не такой он человек, чтобы на меня рассердиться. Он простой человек, пусть ему всегда в жизни везет. Вот вы сами увидите, узнаете, что он очень дружен со мной!

Махдум, уже начиная сердиться, смотрел на Сафара.

Сафар-ткач тоже пристально поглядел на махдума и улыбнулся.

— Вот увидите, узнаете, как он со мной дружен!— повторил он и, не обращая внимания на махдума, направился в дом. Он уже несколько раз бывал у Анвара, знал, где михманхана, и не нуждался, чтоб махдум проводил его.

Анвар сидел в михманхане с Шахидбеком и другим человеком, по виду военачальником, и беседовал с ними. Увидев Сафара-ткача, он встал ему навстречу. Они поздоровались радостно, как давние друзья. Сафар-ткач со слезами на глазах поздравил Анвара. Анвар усадил его рядом с собой. Сафар-ткач произнес фатыху, но оба бека едва подняли руки, присоединяясь к ней.

— Ну что, не беспокоит вас больше сборщик налогов?— спросил смеясь Анвар.

— Слава богу, благодаря вашему заступничеству, мирза!

— А как идет торговля?

— Ничего... во всяком случае идет понемножку, братец.

В это время снаружи послышался голос махдума, приглашавшего кого-то войти. Разговор между Анваром и Сафаром-ткачом оборвался.

Мулла Абдурахман, войдя в переднюю, сразу увидел своего «приятеля» Сафара, сидевшего рядом с Анваром, побледнел так, что желтое лицо его стало совсем белым,— и в таком состоянии он шагнул в михманхану.

Беки, не двинувшиеся с места, когда вошел Сафар,— при появлении муллы Абдурахмана оба встали. Махдум познакомил Анвара с муллой Абдурахманом.

— Может быть, вы вспомните, мирза Анвар,— сказал махдум.— В тот год, когда вы пришли в мой дом, ваш брат, мулла Абдурахман, тоже учился в нашей школе.

— Я помню. Здоровы ли вы, таксыр?

— Слава всевышнему!— сказал мулла Абдурахман, исподлобья кинув взгляд на Сафара-ткача.— Поздравляю вас с высоким назначением.

— Спасибо, таксыр! Прошу садиться!

Сели, произнесли фатыху, поговорили о том о сем. Любопытное получилось совпадение! Мулла Абдурахман был так смущен неожиданной встречей, что толком не

мог поздравить Анвара и все поглядывал на этого «олуха» Сафара. Некоторое время все сидели молча, потом Анвар пригласил всех к дастархану. Шахидбек старался втянуть в разговор муллу Абдурахмана.

— А какой пост занимает ваша милость?

— Имам, настоятель мечети,— сказал Абдурахман и метнул искоса взгляд на Сафара,— со времени приезда из Бухары нахожусь при мечети... еще занят немного в медресе...

— Очень хорошо. А в какой махалле вы служите имамом?

— В нашей махалле,— вмешался в разговор Сафар-ткач.— Знаний у нашего имама как воды в реке, ведь он в Бухаре учился.

Шахидбек, чтобы что-нибудь сказать, опять повторил:

— Очень хорошо! ✓

— И правда, говорят, у муллы Абдурахмана обширные познания, я тоже так слышал,— сказал махдум.

Сафар-ткач, словно наперекор мулле Абдурахману, снова заговорил:

— Слов нет, знаний у их милости много, только судьба у них несчастливая. Ему бы мударрисом быть, судьей, писарем,—способностей у него на это хватило бы... Только не везет ему, право, мой бек! Вот теперь, может быть, мирза Анвар позаботится о нем и устроит на какое-нибудь место во дворце, тогда и их милости коснутся лучи солнца! Он и сам ведь еще неделю назад молился за моего мирзу... Не так ли, таксыр?

Муллу Абдурахман готов был провалиться сквозь землю. Он вытер пот со лба, беспокойно оглянулся вокруг и выговорил глухим голосом:

— Да, так!

Махдум подумал, что Сафар-ткач был подучен муллой Абдурахманом замолвить за него словечко перед Анваром.

— Мулла Абдурахман свой человек,—сказал махдум.— Конечно, мирза Анвар постарается сделать для него все возможное.

— Можно бы его и писарем взять во дворец,—сказал второй бек.

Анвар молчал, не считая удобным давать такие обещания. Мулла Абдурахман все время вытирал пот с

лица. А Сафар-ткач, думая, что теперь он загладил свою недавнюю грубость по отношению к имаму, все старался перехватить взгляд муллы Абдурахмана, чтобы увидеть — доволен ли он. Посидев еще немного, беки собрались уходить и стали молиться. Имам, сидевший неподвижно и боявшийся только одного — как бы Сафар-ткач не стал дальше распространяться, тоже присоединился к бекам и встал. Сафар-ткач тотчас же произнес фатыху в честь Анвара и последовал за имамом. Он хотел по пути с муллой Абдурахманом окончательно загладить свою недавнюю невежливость.

Все четверо попрощались с Анваром и ушли. Пройдя шагов тридцать со всеми вместе, Шахидбек повернул к своему дому. Немного погодя и второй бек свернул на другую улицу. Тогда Абдурахман, вовсе не желая идти со своим «другом» Сафаром, прибавил шагу. Но и Сафар-ткач пустился во всю прыть, догнал имама и пошел рядом с ним. Имам страшно разозлился, остановился посредине дороги и обратил на Сафара взгляд бешеного кота.

— Что же вы остановились, шагайте!

Сафар-ткач, не заметив сразу, что Абдурахман остановился, проскочил с ходу на два-три шага вперед.

— Э, вместе пойдемте, ваша милость!

— Я не желаю с вами идти, убирайтесь прочь!

Сафар-ткач, не понимая, в чем дело, помолчал немного.

— Но почему же, ваша милость?

— Еще спрашивает болван — почему?!

— Если верить вашим проповедям, то мусульманин не должен таить в сердце обиду дольше того времени, какое требуется, чтобы постирать и высушить платок,— сказал Сафар-ткач,— а мы с вами вот уже четыре дня носим на горбу шайтана... Довольно уж, ваша милость!

— Господи, боже мой!— воскликнул имам.— Да вы в тот день наговорили на меня столько, что в четыре дня не забудешь.

— Шайтан попутал, ваша милость!— сказал Сафар.— Но ведь, в конце концов, вышло все по-моему, а я разве что-нибудь говорю? Я только хочу, чтобы мы не хранили друг на друга обиды в сердце!

Мулла Абдурахман, восклицая «о господи!», заша-

гал дальше. Сафар-ткач пошел рядом с ним, умильно сложив руки на животе.

— Если вы изгнали из своего сердца обиду, это хорошо,— сказал имам, идя впереди.— Но зачем же вы опять стали при всех болтать глупость что?

— Я же ничего, кроме хорошего, не сказал. Я только хвалил вашу ученость.

— И больше ничего не сказали?!

— Да что же такого я сказал? Хоть много знаний, да удачи нет,— сказал я.— Разве это неправда?

— Я вас не уполномочивал просить у мирзы для меня работу!

— Конечно, вы мне такого поручения не давали... Но до каких же пор будут даром пропадать ваши познания, если вы весь век будете имамом в нашей мечети?! В конце концов, польстивши то одному, то другому, вы тоже можете устроиться на хорошее место, таксыр.

— Господи, боже мой! Да, может быть, мне моя служба в мечети дороже целого царства!

— Э-э, черта ли в ней!— сказал Сафар-ткач.— Оставьте этот разговор, таксыр, будем говорить о деле. Неужели кто-нибудь из городских мударрисов отказался бы, если бы его назначили писарем во дворец?.. Ведь я для того и сказал мирзе Анвару, что вы «молились за него», чтобы он устроил вас на службу во дворец, об этом-то вы догадались, братец?

— Господи, боже мой!— сказал имам.— Разве я молился за него?.. Для чего эта ложь?

— Хоть вы и имам, а все же, видно, еще молоды,— засмеялся Сафар.— А что, если бы я сказал правду, объявил, что назначение Анвара главным писарем не по душе нашему имаму,— вы были бы довольны тогда, хе-хе-хе?.. Нет, ваша милость, вы и сами, наверное, учили в Бухаре, что в двух случаях можно говорить неправду: во-первых, в делах семейных — между мужем и женой; во вторых, когда нужно помирить двух правоверных. Мой учитель, царство ему небесное, когда-то читал мне об этом из какой-то ученой книги. Эти слова мне крепко запомнились. И если теперь я сказал неправду, то ведь я сделал так, как учила книга — хотел помирить двух правоверных.

Мулла Абдурахман не нашелся, что ответить. Сафар-ткач победил его этим «книжным словом». Так дошли

они до мечети. Сафар-ткач окончательно изгнал из своего сердца обиду. Он зашел в мечеть, чтобы, стоя позади муллы Абдурахмана, совершить вечернюю молитву. У входа в мечеть, среди ожидавших прихожан были и Шукур-суфи с Самадом-бужаком. Удивленный появлением Сафара-ткача вместе с имамом, Самад толкнул ткача и спросил:

— Вы помирились?

— Обида, говорят, должна пройти, пока выстираешь и высушишь платок,— сказал Сафар-ткач.— Мы с имамом идем сейчас из дома нашего главного писаря, где мы были в гостях. Ты слышал, что грамоту получил мой мирза?

Самад молча отвернулся. А Шукур-суфи стал читать славословие перед началом вечерней молитвы.

24. ТАИНА ПОЭТА

В течение ближайших пятнадцати дней михманхана махдума превратилась в настоящую канцелярию. Все, кто хотел подать прошение во дворец, даже всякие должностные лица, предварительно приходили к Анвару спросить его совета. Управлять дворцовой канцелярией днем, а утром и вечером принимать посетителей дома было, конечно, утомительно для Анвара. Но так уж повелось издавна для человека, занимавшего должность главного писаря, и потому Анвар вынужден был принимать просителей и на дому. Правда, бедные люди не доставляли ему больших хлопот, зато беки, духовные лица и баи причиняли много неприятностей. Бедняки приходили советоваться по важным делам: например, просили освободить от налога, ввиду крайней бедности, или искали защиты от какого-то бека, который притеснял их, и т. п. А богатые и знатные приходили с иными просьбами: один мударрис не поладил с другим и хотел, чтобы Анвар по этому поводу что-то шепнул на ухо высокому начальнику; богатый купец жаловался на бедность и тоже хотел, чтобы его освободили от налогов; сборщик налогов, стараясь обелить себя, кляузничал на другого и обещал «отблагодарить» Анвара, если он ему поможет. Эти назойливые посетители вызывали у Анвара и возмущение и смех, он и смеялся, и сердился, но пока ему удавалось отделаться от них, он совсем выбивался из сил.

Насколько эти посетители досаждали Анвару, на-

столько же они доставляли удовольствие махдumu и тешили его гордость; он сам принимал их в михманхане, когда Анвар был еще во дворце, и до его возвращения успевал получить от них всяческие поручения.

Зато бедняков махдум встречал так же неприятливо, как когда-то встретил Сафара-ткача; он прямо не выносил тех, кто приходил в старом халате, и старался поскорее выпроводить их за дверь, отделяваясь словами: «Мирза сегодня не вернется из дворца... у него нет времени выслушивать вас, не будьте назойливы». Если он видел, что Анвар сидит с каким-то бедняком и ласково беседует с ним — «нежничает», махдум злился и вспоминал арабскую поговорку: «Все возвращается к своей первооснове», потому-то «простонародье всегда останется простонародьем», или: «Что впитано с молоком матери, того не выгнать до самой смерти». И махдум с отвращением уходил подальше.

До последнего времени он не спешил со свадьбой Анвара и Рано. На это у него были свои причины. Он знал, что Анвар крепко любит Рано, и, значит, за жениха мог не беспокоиться. Главное же, почему он откладывал свадьбу, — ему хотелось как можно дольше вытягивать деньги у Анвара. Ведь когда свадьба будет сыграна и Рано выйдет за Анвара, приток золотых может прекратиться.

Но когда Анвар получил должность главного дворцового писаря, махдум призадумался, стоит ли ему придерживаться прежней «политики»? Ведь имя Анвара теперь гремело на весь город, духовенство, ученые, беки и сыновья беков — все знали Анвара, каждый из них с удовольствием выдал бы за него свою дочь и назвал бы его своим зятем. А раз так, можно ли тянуть со свадьбой? Поневоле, на двадцатый день после назначения Анвара махдум, посоветовавшись с Нигор-аим, решил обратиться к Султзнали и просить его, чтобы он поговорил с Анваром и получил его согласие на брак с Рано.

Вечером Анвар собирался покинуть дворец и пойти домой. Хан отпустил придворных и ушел в свои покои, дневные служащие разошлись по домам, остались только ночные дежурные, ханская стража и постоянные дворцовые слуги. Анвар и мирза Султан, задержавшиеся позже всех в канцелярии, тоже, наконец, вышли из дворца. Дворцовые ворота закрылись за ними.

Султанали довольно хорошо знал характер и убеждения Анвара, но все же душа молодого человека была для него загадкой. Анвар никому не раскрывал своего сердца, никогда ни словом ни обмолвился о своей любви к Рано. Султанали думал, что Анвар живет у махдума только потому, что у него нет своей семьи, что с детства он рос в этом доме; однако, после утреннего разговора с махдумом, истинные причины этого стали ему ясны, особенно, когда махдум без всякого предисловия сказал: «Мы желаем обвенчать нашу дочь с Анваром и просим вас передать Анвару, что мы думаем готовиться к свадьбе и хотим получить его согласие на это!» И то, что махдум прямо поставил вопрос о сроке свадьбы, многое открыло Султанали.

Возвращаясь из дворца, Султанали и Анвар разговорились дорогой.

— Послушайтесь моего совета, купите коня,— сказал Султанали,— вам теперь не пристало ходить пешком.

— Зачем конь, когда так удобно на своих на двоих...

— Это верно, но теперь так не годится.

— Если сейчас не годится, то когда слечу со своего высокого поста, опять ходить пешком — хорошо ли будет?

— Почему это вы слетите? Вы много лет будете в этой должности.

Анвар опять засмеялся.

— Мне кажется, я и года не пробуду на этой службе... Если вы мне друг, молитесь богу, чтобы я освободился от нее, не сломав себе шеи!

— Анвар, что за вздор вы говорите!

— А вы поглядели бы на физиономию вашего муфтия Шаходата. А насмешки поэта, вы слышите их?.. Да я буду считать себя счастливецом, если эти звери отберут у меня должность главного писаря без скандала! Мой ум отказывается понимать, почему, когда были такие сильные претенденты на это место, выбрали все-таки меня? Это — либо мое необыкновенное счастье, либо беда моя. Мои предчувствия, или, как вы говорите, вздорные мысли, скорее заставляют меня предполагать последнее...

— Если муфтий Шаходат или поэт Мадхий хоть на копейку причинят вам вред, тяните меня к ответу!— сказал Султанали.— Вы должны были стать главным писарем и ваше назначение было правильным. Муфтий

не имел авторитета даже у семилетнего ребенка. Муфтия с его многолетним попустительством всяким злоупотреблениям, с его сплетнями, с его тайными подлостями знаю не только я, знает весь город и сам хан тоже. Всем было ясно, что он не получит грамоты. Между муллой Бурханом и главным визирем такие отношения, что, если бы сам хан велел написать грамоту Бурхану, все равно главный визирь ни за что не написал бы ее. Да и назначение Бурхана вызвало бы беспорядки в канцелярии. Что же касается поэта Мадхия, всем известно, что это человек безалаберный, он занят только восхвалением хана да высмеиванием своих недругов. К тому же он женолюб и развратник, и есть еще одна причина, почему он не мог рассчитывать на грамоту,— об этом во дворце знают лишь несколько человек...

— Какая же причина?

— Не спрашивайте, вы будете смеяться.

— А все таки?

Султанали засмеялся и понизил голос.

— Поэт вступил в связь с одной девицей из гарема, — сказал он.

— Ну и что же?

— Узнав об этом, другая девушка рассказала хану. Хан прогнал виновницу, призвал к себе поэта и ругал его на чем свет стоит, даже матери его не пощадил. С трудом вымолил поэт себе прощение и избежал изгнания.

Анвар засмеялся.

— И вы думаете, поэтому ему не дали грамоты?

— Конечно. Если бы у него была голова на плечах, он и не совался бы, куда не следует, а благодарил бы бога, что его не выгнали из дворца. Итак, все ваши тревоги и опасения неосновательны. Поверьте мне: когда вы устанете ходить пешком, вам придется купить коня. Но оставим этот вопрос и перейдем к другому, более важному — о том, что вам сейчас нужнее коня. Я думаю, например, что уже настало время, когда вам следует жениться, чтобы не быть одиноким...

— С чего вы это взяли, Султанали-ака!

— Я не шучу. Жениться теперь — ваш долг и обязанность. Надеюсь, тут у вас не найдется отговорок.

Анвар улыбнулся.

— Женитьбу я тоже отложил бы до того времени, когда меня снимут с этой должности.

— Вот тебе на! А если вы до конца дней своих будете на этой службе? На всю жизнь останетесь холостым? Ха-ха-ха!

— Кто же всю жизнь занимает одну и ту же должность?

— Бывают такие люди. Например, покойный Мухаммед Раджаббек. Еще со времен Мухаммедали-хана и до самой смерти он все воевал в дворцовой канцелярии. Нет, я вам серьезно говорю, мы постараемся женить вас на любой девушке в городе, какая вам понравится!

— Спасибо...

— Анвар, я дело говорю!

Анвар с улыбкой посмотрел на Султанали, но, почувствовав, что тот ждет от него серьезного ответа, сказал:

— Хорошо, я посоветуюсь со своим учителем и скажу вам.

— Ваш учитель сегодня утром сам приходил ко мне,— важно сказал Султанали,— и если я правильно понял его, похоже на то, что он желает вас сделать своим зятем. Я только не понял — согласны ли вы на это или нет?

Анвар покраснел. Вместо ответа, он вопросительно глядел на Султанали, будто спрашивал:— Что же дальше?

— Если верить словам учителя, все уже готово к свадьбе,— сказал Султанали.— Махдум пришел, чтобы через меня получить ваше согласие. Я обещал ему узнать у вас ответ.

Анвар засмеялся. Но теперь это был уже иной, счастливый смех.

— Хорошо,— сказал Анвар и несколько шагов прошел молча,— хорошо, я подумаю до завтра и дам вам ответ.

— Значит, если я сегодня увижу учителя, сказать ему, что завтра он получит ответ?..

— Конечно.

— До свиданья, Анвар, да поможет вам бог!

— Прощайте, Султанали-ака!

И они разошлись.

25. С В Е Т Ж И З Н И

То, что несколько лет волновало Анвара, что было предметом его постоянных мечтаний, наконец начинало сбываться. Цветок любви, так долго сдерживаемый сомнениями, теперь раскрывался навстречу влюбленному, и Анвар, месяцы и годы только издали любовавшийся им, теперь, наконец, мог насладиться его ароматом. И разве не для того, чтобы получить эту возможность, Анвар столько лет жил в этом доме, терпел махдума, согласился на ненавистную службу, выносил попреки сестры Надиры, говорившей ему: «А я-то радовалась, думала, что ты опять зажжешь огонь в доме матери... Глупо, Анвар, не заботься о своей судьбе, раскармливать чужого человека!»

Счастье каждый понимает по-своему. Для Анвара счастьем была любовь к Рано. Как мог он зажечь огонь в доме отца и матери, когда у него самого не было в жизни огонька? Он искал его, и этим огоньком стала для него любовь.

Иные молодые люди, заботясь о своем счастье, строят себе дома, налаживают хозяйство, шьют наряды для жен, о которых еще и представления не имеют. Анвар же сначала хотел жениться, а уж потом думать обо всем остальном.

Пообещав Султанали дать завтра ответ, Анвар, радостно взволнованный, пришел домой. Торопливо покончив дела с ожидавшими его в михманхане посетителями, он направился в ичкари. Его вело туда тайное желание не просто увидеть Рано, но прочесть в ее глазах — знает ли она о намерениях махдума.

Рано сидела на айване, прислонясь к столбу, и читала книгу. Нигор-аим около очага готовила ужин. Рано, взглянув исподлобья, увидела направлявшегося к ней Анвара, улыбнулась, спрятала ножки под желтое атласное платье и перекинула на обтянутую атласом грудь свои длинные косы. Когда он приблизился, она медленно отвела глаза от книги и сказала: «Не уставать вам!» И снова склонила лицо над страницей. Анвар подошел и заглянул в книгу.

— Омар Хайям? — сказал он и сел напротив Рано, спустив ноги с айвана. — Почитай — послушаем!

Рано закрыла книгу и протянула ее Анвару:

- Вы почитайте, а я послушаю.
- Сама читай, не ленись...
- А если я неправильно прочту, вы опять будете смеяться, как тогда — помните?..
- Тогда ты нарочно читала неправильно, чтобы я смеялся... Читай же, Рано!
- Она положила книгу перед Анваром.
- Мне надоело читать...
- А я прошу, чтобы ты для меня почитала!
- Рано кивнула на дорожку, ведущую в дом:
- Отец может войти.
- Почему это ты стала такой стеснительной?
- Рано улыбнулась, не отвечая, лицо ее покраснело.
- Анвар попытался перевести разговор на другое.
- Разве сегодня так жарко? Ты вспотела, Рано...
- Рано вытерла платком жемчужные капельки пота на лице.
- Это не от жары,— сказала она улыбаясь.— Это совсем от другого...
- А от чего же, скажи?
- К Рано вернулась ее обычная насмешливость,— она сказала весело:
- С тех пор, как вы стали важным беком... как увижу вас, так смущаюсь. Меня даже в пот бросает от смущения!
- А я думал, что ты уже отвыкла дразнить и насмехаться. Оказывается, еще нет. Ну, что же дальше?
- Кто осмелится отрицать могущество человека, которого называют главой всех писарей его величества ха-па?! Надеюсь, вы позволите вашей служанке величать вас так?
- Пожалуйста, я позволяю,— сказал смеясь Анвар и встал с места.— Если наша служанка уже не смущается теперь, то мы выскажем ей наше повеление. Но не смутится ли она еще больше?
- Ваша служанка готова исполнить ваше повеление!
- А полагается ли служанкам говорить со своим господином сидя? Ответьте сначала на этот вопрос, прежде чем выполнять наше повеление.
- Рано вскочила и, подражая служанкам, вытянула руки по швам, склонила голову на грудь и попросила прощения.

— Человеку свойственно быть недогадливым,— сказала она.— Но ваша послушная служанка заслуживает прощения. Ибо, купленная за золото, она предана своему хозяину!

Анвар, улыбаясь в ответ на шаловливо-кокетливый тон юной пэри, которая разыгрывала перед ним свою роль, посмотрел на нее долгим взглядом и, поддерживая игру, тоном повелителя сказал:

— Я буду на супе. Улучи минуту и приди ко мне, мне нужно что-то сказать тебе по секрету!

Рано, продолжая разыгрывать служанку, поклонилась, сделала жест, означавший «готова к услугам», и, подняв на Анвара глаза, посмотрела на него своим волшебным взглядом... Едва сдерживая смех и восхищение, Анвар повернулся и направился к выходу.

Нигор-аим, по-прежнему занятая у очага, тоже смеялась проделкам дочери. Но, привыкнув к этой постоянной игре между Рано и Анваром, она не стала распространяться по этому поводу.

— Ужин у меня готов, Анвар!— сказала она.— Вы будете на супе?

— Да.

— Отец куда-то собирался пойти после предзакатной молитвы. Вы будете кушать один?

— Буду один.

— Если вы увидите там где-нибудь ребят, пошлите их ко мне.

— Хорошо.

Раздумывая о том, куда мог пойти махдум, Анвар отправился на мужскую половину.

Еще не наступило время вечерней молитвы. Легкий ветерок тихо шевелил цветы вокруг супы, и острый запах райхона внезапно ударял в нос. Круглая тусклая луна лениво восходила на небе, и лицо ее прояснялось постепенно, по мере того, как меркло на закате солнце. С пастбища возвращалось в город стадо, отовсюду слышалось мычанье коров и блеянье овец и ягнят.

Анвар, сидя в саду на супе, занимался служебными бумагами, когда из ичкари появилась Рано. Казалось, Анвар так сильно был занят работой, что не заметил ее прихода. Рано тихо подошла к Анвару, облокотилась на супу, подперла ладонями подбородок и стала смотреть, как он пишет, Анвар ласково улыбнулся, искоса

посмотрел на Рано, нехотя обмакнул перо в чернила и написал еще несколько слов. Потом он остановился с пером в руке, задумался и опять, как раньше, с улыбкой посмотрел на стоящую перед ним девушку. Их взгляды встретились, и некоторое время они, улыбаясь, смотрели друг на друга.

— Почему вы остановились, пишете!

— Вот ты всегда так, Рано!..

— А что такое?

— Ну, вот... Всегда приходишь, когда я занят, и отвлекаешь мои мысли от работы.

— Разве я вам сказала хоть слово? Пишите, я только буду смотреть...

Анвар повернулся к Рано.

— Бесполезно, все равно ты уже похитила мои мысли!

— Я не похитительница мыслей! Извольте писать!

Анвар отложил исписанную бумагу и взял чистый лист.

— Теперь я буду писать совсем другое.

— Хорошо, пишите.

— А ты будешь мне отвечать, хорошо?

— Хорошо.

— А если ты, как в прошлый раз, не сумеешь ответить, что тогда сделать с тобой?

Рано села на супу, свесив ноги.

— Можете ударить меня по лицу. Только условие: чтобы мысль и рифма были не очень трудные.

— Хорошо,— сказал Анвар смеясь и, глядя на Рано, задумался.

Рано сдвинула брови.

— Не надо долго думать!

Вместо ответа Анвар обмакнул перо в чернила и стал писать:

Фархад был горд своей Ширин, Меджнун — красавицей Лейли.
Горжусь я, что цветок Рано прекрасней всех цветов земли.

Следившая за словами, которые сбегали с пера Анвара, Рано покраснела, покачала головой и отвернулась.

— Ну, Рано, скорее ответь!

Минуту она стояла, не глядя на Анвара, потом, наклонившись, взяла у него перо, бумагу и спросила:

— А смеяться не будете?

— Если ты не будешь смеяться надо мной, то и я не буду. Но на мое двустиише ты должна дать точный ответ,— как было условлено.

Рано немного подумала и, не показывая Анвару, написала:

Безумье Кайса для Лейли несчастьем было и стыдом.

Горжусь, что разум твой, мирза, как солнце блещет и вдале!

Рано бросила Анвару листок улынулась и побежала к цветнику. Анвар, довольный, прочел ответ.

— Молодец, Рано! Только ты уж слишком восхваляешь...

Рано стояла среди цветов и серьезно смотрела на Анвара.

— Вы тоже...

— Нет, я ничуть не преувеличиваю! — сказал Анвар. — Вот сейчас ты стоишь среди цветов, и ты сама — прекраснейший цветок среди них, Рано! Смотри же, я снова пишу, готовься к ответу, Рано!

Рано опять подбежала и стала читать, что он писал:

С тревогой думал я не раз, что муки тяжкие любви.

Меджуном стать, безумцем стать меня, быть может, обрекли.

Прочитав последнюю строчку, Рано задумалась. Анвар не спускал глаз с ее задумчивого лица.

— Тебе трудно ответить на это, Рано?

— Дайте мне перо! — сказала Рано обиженно и протянула руку. — Даже подумать не даете!

И написала:

В ком желчь от страсти разлилась, тот болен,— говорят врачи.
Увы! Несдержанность и страсть к безумью многих привели,

— Победила. ты победила, Рано!— воскликнул Анвар.— Но только в последней строке у тебя ошибка...

— А именно?

— Медицина говорит не о том, что желчь разлилась,— с ума человек сходит, когда у него кровь горит...

— Но для того, чтобы кровь горела, сначала надо, чтобы желчь разлилась. Пока желчь не разольется, кровь не испортится... Ну, будете дальше писать или признаете себя побежденным?

— Я побежден.

— А если побежден, я хочу получить мой выигрыш!

Анвар подставил лицо. Рано слегка ударила его по щеке.

— А если бы я выиграл,— сказал с сожалением Анвар,— я бы не стал тебя бить по щеке...

— А что бы вы сделали?

— Теперь уж бесполезно говорить об этом.

— Нет, скажите, вдруг мне тоже это понравится, тогда моя пощечина не в счет — ведь я едва ударила...

— Нет, ты не сделаешь того, что бы я сделал...

— Почему не сделаю? Скажите...

— Не сможешь...— засмеялся Анвар и сказал с усилием:— Я бы тебя не рукой ударил, а губами...

Рано смутилась и опустила глаза. Она имела полное основание краснеть и опускать глаза, так как в первый раз в жизни слышала, что можно губами ударить по лицу. Хотя она писала стихи о любви и была влюбленной и любимой, однако такие вещи были ей совсем не знакомы. Да и для Анвара эти слова были первой дерзостью по отношению к Рано, и оба они были смущены.

На голубом куполе неба зажглись вечерние звезды, мерцавшие, как свечи. Луна стала ярче и словно смеялась над этими двумя молодыми существами, которые неловкими шагами вступали в жизнь.

Поднявшийся ветер клонил друг к другу цветы в саду, будто говоря этим двум молодым: «И вы, подобно цветам, клонитесь ближе друг к другу». Рано подняла голову и застенчиво улыбнулась Анвару.

— Ну, вот я пришла по вашему «повелению»!

— По моему повелению?— сказал Анвар, тоже улыбнувшись и прямо глядя в глаза Рано.— Нет, это после вечерней молитвы...

— Что после вечерней молитвы?

— Ты должна придти сюда по моему «повелению»!

— А сейчас?

— Сейчас нельзя.

Рано обиженно посмотрела на Анвара, встала и ушла в ичкари.

26 «ПОЧЕМУ ТЫ ОПУСТИЛА ГЛАЗА, РАНО?»

Разыгравшийся ветер гнул на все четыре стороны деревья в саду. На улицах пыль поднялась к небу, свет луны и звезд померк. Вой ветра заглушал треск кузнечиков и цикад. Шпалеры виноградника над супой все время раскачивались, то пряча в тень, то открывая лица сидевших на супе, будто играя с ними. Несколько маленьких гроздий винограда упали на землю.

Анвар подобрал упавший возле него виноград и стал есть, несколько ягод он протянул той, что сидела с ним рядом.

— Возьми, Рано!

— Я не буду есть.

— А я не буду тебя уговаривать.

Рано подобрала несколько ягод и дала Анвару.

— Вот возьмите, если вам так хочется винограда.

— Вот хорошо... Ты соберешь для меня весь осыпавшийся виноград...

— Что вы хотели мне сказать?

— О чем говорить, Рано? Все, как всегда, как каждый день, ты знаешь сама... Посидим — поговорим... Я тебя позвал, чтобы ты собирала для меня виноград, сорванный ветром.

— Скоро отец вернется после вечерней молитвы. Если у вас нет ко мне дела, я пойду домой.

— Вечерняя молитва еще не кончилась, только что прокричали азан. Если отец вернется раньше, мы быстро спрячемся за цветами.

— А если отец станет нас искать и найдет за цветами, что мы будем делать?

— Ну, что же? Ты пойдешь к себе в ичкари, а я в михманхану.

— А что мы ответим, если он спросит, что мы делали вдвоем за цветами?

— Скажем: просто так сидели.

— А если спросит: почему спрятались?

— Скажем: потому, что ваша дочь смутилась.

Рано, смеясь, встала с супы, и, собрав рассыпанные вокруг виноградины, отдала их Анвару.

— Ну, ладно, раз у вас нет ко мне никакого дела, я пойду, а то я от ветра прямо оглохла!

— Есть у меня разговор, есть!— сказал Анвар.— Вернись, я скажу.

Рано подошла к нему.

— Говорите!

— Сядь!

Рано села рядом с Анваром. Только она уселась, вдруг сильный порыв ветра сорвал у нее с головы платок и накрыл им лицо Анвара.

— Ага, ветер отомстил за меня. Ну, говорите же!

Анвар сжал платок в руках.

— Скажу, только при одном условии!

— Говорите ваше условие!

— Ты не рассердишься?..

— Хорошо...

— Ты не будешь смущаться?..

Рано, словно догадываясь, о чем будет речь, задумалась.

— Отдайте мой платок!

— Платок твой улетел. Принимаешь мои условия?

Рано не ответила. Анвар взглянул на сказочно-прекрасное в свете луны лицо Рано. Ее чудесные глаза, ясные и чистые, казалось, понимали, что хочет сказать Анвар. Некоторое время оба сидели молча. Ветер налетал порывами, то усиливаясь, то стихая. Цветы от ветра, как невесты, раскланивались во все стороны.

Анвар пересел в глубь супы, в тень. Вероятно, то, что он собирался сказать Рано, смущало его самого.

— Люди рождаются и растут, а когда вырастают, соединяются в пары. Не только люди живут парами на земле, это так и в природе, у всех животных... Лани в горах, попугаи в лесах, соловьи в садах,— все живут парами. Не знаю, как по-твоему, но я думаю, что самое главное, чтобы те, кто соединяются, были связаны крепкой любовью друг с другом... Мы с тобой с детства живем вместе, между нами нет тайн и нет чужих людей, посвященных в наши отношения... Потому я думаю, что

никто не может запретить нам говорить откровенно обо всем... Если я не ошибаюсь, мы любим искренне друг друга, и наши сердца бьются согласно. Или я неверно говорю, Рано?

Рано взглянула на него и вновь опустила глаза. Помолчав, Анвар продолжал:

— Не знаю, слышала ли ты или нет, но решено обвенчать нас, сегодня меня просили назначить день свадьбы, и я обещал завтра дать ответ... Для того я и позвал тебя сюда, хотел поговорить с тобой, чтобы я мог завтра дать ответ... Почему ты опустила глаза, Рано?

Рано тихо подняла голову, улыбнулась и отвернула от него лицо.

— Смущайся — не смущайся, все равно нас поженят. Фатыха покойной бабушки Мохлар этого требует. Если же ты скажешь, что не хочешь, чтобы наши отношения изменились, я так и отвечу им. Говори же Рано?

— Пусть все останется, как было, — сказала Рано, еще более отвернувшись, — кому мы мешаем?

Слова Рано словно сняли тяжесть с плеч Анвара.

— Конечно, наши отношения никому не в тягость, кроме нас самих... Ты говоришь, чтобы все осталось, как было — до каких же пор так будет? Мы должны, Рано, назначить какой-то срок.

— Пока не состаримся...

— Значит, до старости?

— Пока не умрем...

Анвар рассмеялся и придвинулся к Рано. Он положил руку ей на плечо, как бы желая повернуть ее к себе, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Посмотри на меня, Рано, и скажи мне правду!

Горячее дыхание коснулось ее уха, Рано испугалась, повернулась, и губы ее встретились с этим горячим дыханием. Не в силах оторвать свои губы от других горячих губ, она замерла, ожидая. Налетел ветер, он дул сзади, словно подталкивая ее к Анвару. Луна, застрявшая в верхушке тополя и будто раскачиваемая ветром, следила за ними из-за ветвей. Бледная звезда скатилась с небосклона к земле, чтобы рассмотреть поближе этих двух влюбленных.

— Ответь, Рано!

- Как же я могу ответить — в таком положении?
- Пока не ответишь, я не отпущу тебя!
- Может прийти отец..
- Отец сам дал мне сегодня разрешение..

Рано прижалась левым виском к подбородку Анвара и отвела взгляд.

- Пусть будет, когда вы хотите!
- А если я захочу завтра?
- Хорошо...

Анвар поцеловал нежное девичье лицо, прильнувшее к нему, пригладил рассыпавшиеся по плечам волосы, с наслаждением вдыхая аромат этих кос.

— Скажи мне правду, Рано, я хочу дать ответ такой, как ты пожелаешь!

- Пусть весной...
- Правда?
- Правда.

— Пусть будет так. Завтра я скажу им, что свадьба будет весной... Когда земля покроется зеленым ковром, когда зацветут фиалки, когда птицы начнут заботиться о гнездах, — тогда и мы справим свою свадьбу, услышим слова счастья в нашем чимилдыке¹ и будем благословлять свою судьбу. Так, Рано?

— Так...

— И ты тогда не будешь дрожать, как птичка, в моих объятиях, боясь, что придет отец. Ты будешь вся моя — со всей твоей красотой, со всей твоей прелестью, будешь моя, — ведь правда?

Рано, не отвечая, высвободилась из объятий Анвара и встала. Она подошла к лесенке, надела кавуши и быстро, чтобы Анвар не догнал ее, соскочила на землю.

— Рано, не уходи, не дав ответа!

— Да! — сказала Рано, стоя в цветнике и поправляя платок. — Но теперь я не буду больше приходить к вам сюда.

- Почему?
- Вы стали нехорошим... Я скажу маме!..

Анвар засмеялся.

- Что ты скажешь маме?
- Все расскажу!

¹ Чимилдык — занавешенный угол комнаты, где остаются новобрачные после свадьбы.

В эту минуту вошел махдум. Он остановил Раю, направившуюся в ичкари, и спросил ее:

— Дочь моя, а ты дала чаю Анвару-ака?

27. ОЧАГ НАСИЛИЯ

В 1283 году хиджры¹ Худояр-хану удалось в третий раз вступить на престол². Этот последний период его владычества составляет самые черные страницы в истории ханского деспотизма и насилия над народом. С 1283 по 1292 годы хиджры — восемь лет Худояр пользовался неограниченной властью, вволю размахивая плетью и обагрывая свой клинок кровью народной.

Замыслив большие работы по благоустройству города, он в 1284 году заставил кокандских кустарей работать безвозмездно на постройке новых торговых рядов, караван-сарая, хлопкового сарая и хлебных лабазов.

В 1285 году он выстроил в Ургенчском районе Коканда дворец Аксарай, проведя к нему издалека воду, оросил земли вокруг дворца, чтобы наслаждаться прохладой в жаркие дни. А чтобы развлекаться с госпожами из гарема, создал Боги эрам — райский сад. В 1286 году, выполняя завещание своей матери, Хаким-аим, он воздвиг знаменитую «медресе Хаким-аим» и тогда же окружил садами и цветниками новый дворец, построенный эмиром Умарханом³.

В 1286—87 годах Худояр провел знаменитый канал Улугнахр — Великая река или Хан-арык — Ханская река. В 1287 году он выстроил медресе своего имени, в 1288 году перестроил старую каландар-хану — обитель дервишей и построил медресе в память своего старшего брата, покойного Султанмурадхана. В том же году Худояр сто двадцать дней подряд угощал народ пловом в честь обрезания своего сына Урманхана. За время этого четырехмесячного празднества каждый день запаривалось двести котлов плова, восемьсот глиняных печек-тандыров пекли лепешки, ежедневно устраивалось

¹ По общепринятому календарю — в 1864—65 гг.

² Худояр-хан был дважды свергнут с престола и оба раза вновь возвращался в Коканд ханом.

³ Старый дворец был выстроен в 1145 г. хиджры сыном хана Шахруха — Абдурахманом. Он пришел в запустение и потому не отвечал вкусам Худояра.

двести скачек с козлодраньем. Знатным гостям, съехавшимся со всей страны, каждый день дарили тысячи халатов.

Такие великие торжества, конечно, требовали много золота из ханской казны, подумают люди. А источник богатства казны ханов — сила, которую выжимают из народа. Но хлебосольство и заботы Худояра о благоустройстве ханства окупались не золотом, собранным с подданных, а непосредственно трудом народа и народными слезами. Со времен Мухамадали-хана (1240 г.) борьба за престол, междоусобицы узбеков и кипчаков и другие распри совершенно опустошили ханскую казну, и когда в 1283 году Худояр сел на престол, он получил в наследство пустую казну. «Благоустроительный» период царствования Худояра, продолжавшийся несколько лет, облек в траур ферганский народ, — это были его черные дни.

Взять хотя бы историю вывода канала из Сыр-Дарьи.

Хан решил провести канал. Ни пустота казны, ни исключительная трудность затеянного дела не смущали его. Он послал во все подвластные ему города и кишлаки своих уполномоченных. Им было приказано собрать налог и даровую рабочую силу. Поначалу работа на канале была объявлена добровольной, но потом появился приказ: «Каждая семья должна дать один кетмень и одного работника».

Плеть свистела в воздухе, и клинок грозил смертью, — кто же мог осмелиться не исполнить приказа его величества хана?! Каждая семья, даже если приходилось лишиться главы семьи, отправляла работника с кетменем на место, выбранное ханом. Зажиточные люди, кроме работника, должны были послать еще коня или арбу с конем.

Надо было вырыть канал шириной в шесть аршин, глубиной от пяти до пятнадцати аршин, длиною в тридцать верст. Этот тридцативерстный арык должен был оросить две тысячи батманов¹ земли в Наманганском и Андижанском туманах². Начали рыть канал. Рабочих собралось много, а кормить их было нечем. Баи избавлялись от повинности, посылая за себя батраков. В

¹ Батман — мера земли.

² Туман — район, уезд.

степи на тридцать верст в длину растянулись ряды дехкан и ремесленников с кетменями в руках. Они оставили дома голодные семьи. Денег, чтобы самим кормиться, у них не было, а пища, которой их снабжал хан, была очень скудной. А ведь под знойными лучами солнца, в безводной, сухой степи кетмень требует больше сил — человеку нужно больше еды.

Полуголодные землекопы быстро слабели, изнуренным — им не под силу было подымать не только по десяти фунтов земли, но и сам кетмень. Десятники, назначенные ханом, обзывали лентяями голодных и истощенных людей, бранили несчастных неслыханными словами и не позволяли им бросить кетмень, пока они не падали, совсем выбившись из сил. Каждый пятнадцать-двадцать дней хан приезжал на место работ. По наветам надсмотрщиков, обвинявших рабочих в неповиновении, в нежелании выполнять ханский приказ, он казнил одного-двух человек на глазах у всех. «Ханский арык» каждый раз орошался кровью несчастных. Видя это собственными глазами, остальные, несмотря на голод и слабость, работали из последних сил.

Так, благодаря жестокому режиму, без малого в год было закончено это предприятие, воды тысячеверстной таинственной Сыр-Дарьи потекли, как серебро, в степь, и пустынные земли, не знавшие растительности, политые кровью народа, покрылись зеленью.

Этот пример ясно говорит о том, что новшества хана — строительство медресе, крепостей, торговых рядов и сараев, разведение садов, а также многодневные празднества проводились не за счет золотых запасов казны, а путем использования даровой, подневольной рабочей силы.

И все же хан строил медресе, проводил каналы, и могут найтись люди, которые скажут: «Хоть хан и был жесток, все же он много сделал для благоустройства страны». Поэтому мы постараемся объяснить, чем была вызвана эта забота Худояра о благоустройстве страны.

Дважды свергнутый с престола, он приобрел уже немалый политический опыт, к тому же третье его пришествие к власти совпало с победами русского самодержавия, — царские войска взяли Ташкент и протягивали уже руку к Ходженту. Обстоятельства вынуждали хана изменить прежнюю политику. Нужно было укрепить хан-

скую власть, перетянуть на свою сторону весь высший круг — духовенство, купцов, и русскому царю, который, как дракон с разверстой пастью, приближался к ханским владениям, — противопоставить свою культуру, создавая ее заново. Поэтому-то хан, безжалостно используя все силы народа, и воздвигал медресе, проводил каналы, строил торговые ряды, каландар-ханы¹ и дворцы. Старый дворец, в котором со времен Абдукаримхана жили десятки ханов, он снес и построил новый. Худояру необходимо было показать в полном блеске свою ферганскую державу и удержать ее в своих руках.

«Прежде чем погаснуть, огонь вспыхивает ярко в последний раз», — говорит пословица. И, по нашему мнению, необычные для туркестанских ханов заботы Худояра о благоустройстве страны вызваны были только этими причинами — и ничем больше.

28. Г А Р Е М

Новый дворец, о котором мы уже говорили, был и в самом деле прекрасен, величествен. Об этом можно судить даже и теперь по его развалинам. Снаружи, со всех четырех сторон, дворец был окружен дивными цветниками и плодовыми садами. Восхваляя эти сады, придворный поэт Худояра домулла Нияз Мухаммед писал:

В ту счастливейшую пору создал хан чудесный сад,
Воскурился над землею роз пьянящий аромат.
Повиликою, райхоном дивный сад благоухал.
Был высокий купол мира амбры запахом объят...
В том саду у падишаха — восемь пышных цветников,
И в любом — цветов сто тысяч, все, как яхонты, горят...
А плодов многообразье не охватит человек,
Вкусом с ними не сравнится даже сахар, говорят.
Засверкали на базарах, где торговые ряды —
Лалы красные тюльпанов, роз пылающий гранат...
Все редчайшие растенья — у властителя в саду...
Да гуляет он по саду сто цветущих лет подряд!..

Поэт желал Худояру долголетия, просил бога дать хану сто лет жизни, чтобы наслаждался он в этом саду.

По описанию домуллы Нияза, с трех сторон сада расположены были торговые ряды и базарная площадь.

¹ К а л а н д а р - х а н а — помещение для паломников, для державшей.

Здесь с утра до ночи кипели толпы народа. В воротах дворцового сада всегда стояла стража, и посторонние лица, не имеющие связей с дворцом, не могли попасть в сад. Только раз в неделю, в часы, когда для хана устраивались всякие развлечения, допускались в сад привилегированные лица. При входе в сад были видны ворота нового дворца, отделанные росписью и изразцами, такими яркими, что слепило глаза. Всякий входивший в сад сразу чувствовал, будто он стоит перед ханом, подавленный его силой и властью, и вместо того, чтобы быть очарованным великолепием здания, испытывал страх. Под узорчатыми башнями из кирпича ходили стражники-джигиты с аджирскими клинками в руках, не пропуская во дворец посторонних. Особенно охранялась та часть дворца, где находился гарем. Туда воспрещалось входить даже служащим во дворце. Через ворота гарема ходили только сын хана, жены хана, родственники, служанки, повитухи и некоторые женщины, выполнявшие «особые» поручения хана. Сам хан не ходил через эти ворота, он мог пройти в гарем через тронный зал и ханскую канцелярию.

Это случилось в 1287 год хиджры, в месяц сумбуля (в сентябре), в прохладный день ранней осени, похожий скорее на зеленый весенний день. Под вечер, часов в пять, жизнь, кипевшая во дворце, поутихла, стража у ворот больше не пропускала посетителей. Дворцовые служащие, беки, писари, ясавулы¹, приближенные хана, один за другим расходились из дворца. Джигиты, несшие охрану у первых ворот, провожали высокопоставленных беков низкими поклонами, а с служащими рангом ниже перекидывались шутками. Беки подходили к своим лошадям, осматривали их, бранили конюхов, если кони были плохо накормлены или нечищены, наконец, с их помощью взобравшись на коней, уезжали.

В этот час привратники, сердясь и бранясь, не пропускали во дворец даже людей, у которых было срочное дело.

— Ну, что это за человек, мукой что ли забил себе уши! — брезгливо говорил один из привратников, едва взглянув на посетителя, стоявшего поодаль. — Сказано

¹ Я с а в у л ы — военные из охраны хана.

вам: уходите, не тратьте лишних слов. Если бы даже сам Шери-Яздон¹ явился сейчас, то и его не пропущу!

Проситель отходил от ворот, потеряв надежду проникнуть во дворец.

В это время появилась женщина в парандже из бенаресского шелка и смело вошла в ворота. Привратники, которые не пропустили бы во дворец самого Шери-Яздона, только молча оглядели женщину с ног до головы. Войдя в сад, женщина направилась прямо ко дворцу и, пройдя через великолепные величественные ворота, повернула направо — она шла в гарем. Стража под дворцовой стеной тоже ограничилась тем, что медленно проводила женщину взглядом и, словно узнав ее, пропустила мимо. Но когда женщина дошла до ворот гарема и ступила на порог, джигит, стоявший у входа, выхватил со скрежетом саблю из ножен.

— Стой!

Женщина остановилась и, взглянув на джигита, подняла край своего покрывала. Грозное выражение на лице джигита сменилось улыбкой, он вложил саблю в ножны.

Откинув с лица покрывало, женщина вошла в гарем. Это была Гульшан-бону, красивая женщина, лет тридцати пяти.

Гульшан-бону, служанку гарема, Худояр-хан несколько раз почтил вниманием во время своего второго царствования. Когда же он был свергнут и вынужден бежать в Бухару, Маллахан, брат его, сев на престол, обвинил Худояра в распутстве, в чрезмерном увлечении женщинами. Сотни женщин из гарема Худояра были отданы замуж за джигитов нового хана. И Гульшан-бону была подарена Маллаханом одному джигиту, который особенно отличился в боях против Худояр-хана. С тех пор она считалась женой джигита.

Когда Худояр в третий раз сел на престол, Гульшан пришла к нему и попросилась на службу в гарем — во имя «старой дружбы». Милостивый хан удовлетворил просьбу Гульшан-бону и дал ей высокую должность, которую мало кому в гареме мог доверить. В чем заключа-

¹ Шери-Яздон — зять пророка Мухаммеда. Али.

лись обязанности Гульшан-бону, читатель увидит дальше.

Войдя в ворота гарема, Гульшан-бону пригладила растрепавшиеся под паранджой волосы, отряхнула пыль с подола своего синего шелкового платья, поправила на пальцах золотые кольца с рубинами и изумрудами и поднялась по лестнице. Двадцать ступней лестницы вели в коридор, шедший вдоль всего двора, по обеим сторонам коридора красовались кованые бухарского стиля двери. Эти двери вели в разные помещения гарема.

Гульшан вошла в длинный коридор и открыла первую дверь. Старая служанка, приставленная к двери, поклонилась Гульшан и сказала: «Добро пожаловать!» Она пропустила Гульшан внутрь и закрыла за ней дверь. Это был водяной дворик гарема. Посреди двора в медном бассейне переливалась волнами темно-зеленая вода, несколько служанок набирали из бассейна воду. Кроме комнатки для служанок, расположенной в северной части дворика, здесь не было других помещений, а в южной стене была другая дверь. Бассейн водяного двора снабжал водою весь гарем, и несколько раз в неделю, в определенные часы, его наполняли водоносы, принося воду в кожаных мешках-бурдюках.

Гульшан сняла паранджу, перекинула ее через руку и, подойдя ко второй двери, очень тихо постучала дверным кольцом. И опять двери отворила служанка-привратница, но теперь это была совсем молоденькая девушка. Она взяла у Гульшан паранджу и тихо приветствовала: «Добро пожаловать!»

Это был первый двор гарема. По всем четырем сторонам двора находились одинаковые залы с расписными стенами, потолками, со стеклянными верандами, с резными ставнями, в каждый зал вела своя прихожая. Небольшой двор был выслан кирпичом. Несколько служанок в красных шерстяных платьях, с желтыми шерстяными платками на головах, обутые в мягкие сапожки-ичиги и в кавуши, рассыпавшись по двору, занимались кто чем. Их осторожные тихие шаги, разговор друг с другом жестами и взглядами или, в крайнем случае, словами, произнесенными вполголоса, словно они остерегались какого-то врага, находившегося рядом, или боялись разбудить страшного зверя.— все застан-

ляло думать, что здесь творилось что-то необычное. Гульшан, будто чувствуя это, тихо поздоровалась со служанками и спросила шепотом одну из них:

— Его величество?

— В царских покоях!— отвечала служанка почти неслышно.

Царские покои — личные комнаты хана — три зала, в которых хан ел, спал, принимал жен, были расположены вдоль водяного двора, примыкая к дворцовой канцелярии и к тронному залу. Эти комнаты, как и полагается царским покоям, были выше других и занимали восточную часть дворца. Южная часть отведена была для гарема, в западной были кухни, помещения ханской казны, выходы в другие дворы и разные залы.

Услышав, что «его величество в царских покоях», Гульшан немного помедлила, словно не решаясь, идти туда или нет, потом поправила волосы, платок, одежду и направилась к царским покоям. Она сделала три-четыре шага, когда из зала напротив вышла служанка и поманила ее.

— Огача-ханум вас зовут,— прошептала служанка.

Гульшан повернулась и пошла за служанкой. Она вошла в прихожую, три служанки вышивали, сидя вдоль стены. Гульшан приветствовала их. В эту минуту из зала вышел, шурша желтой атласной одеждой, красивый, беленький, черноглазый мальчик, лет шести.

— Здравствуйте! Здоровы ли вы, мой маленький повелитель?— сказала Гульшан, прижав к груди руки и низко кланяясь ребенку.

Мальчик не ответил, улыбнулся, посмотрел на Гульшан и убежал обратно в зал. Гульшан сняла кавуши у порога, чтобы ступить на ковер. Прихожая была обширной комнатой с росписью по стенам, с одиннадцатью потолочными балками; в стенных нишах лежали атласные и адрасовые одеяла, длинные тюфячки для сиденья, на полках была расставлена китайская и кашгарская фарфоровая посуда, бухарские медные и серебряные блюда и кувшины.

Когда Гульшан сняла кавуши, вышивальщицы встали со своих мест, подошли к ней и поздоровались. Служанка, которая позвала ее, вышла из зала и сказала Гульшан:

— Войдите!

29. О Г А Ч А - А И М

Подойдя к двери, Гульшан поправила большой белый платок на голое и вошла в зал. Служанка, и здесь стоявшая у входа, поклонилась, сложив руки на груди, и сказала:

— Добро пожаловать!

Красота зала, убранного редкостными коврами, бархатными тюфяками — курпачи, золотой и серебряной посудой, ослепляла глаза. Цветные стекла трех небольших, выходявших во двор окон, сами по себе были украшением зала, т. к. переливались разными цветами, и, свет, проходя через них, отражался красноватыми огнями в люстре, висящей посреди потолка. У стены сидела на шелковом ковре для молитвы, обратясь лицом на восток, женщина и ласкала прильнувшего к ее коленям мальчика. При входе Гульшан, женщина обернулась. Гульшан, сложив руки на груди, остановилась у двери и, согнувшись вдвое, низко поклонилась.

— Пожалуйте, Гульшан! — сказала женщина. — Здравствуйте, садитесь!

Гульшан, поклонившись, подошла к окну, села и помолилась:

— Да пошлет бог еще больше счастья и славы аймханум! Да продлит на долгие годы жизнь сына хана!

Служанка, стоявшая навывтяжку у дверей, тоже села и прочла фатыху. После молитвы, она вновь стала у дверей.

Сидевшая на молитвенном коврике и ласкавшая мальчика женщина, лет тридцати пяти, в атласном платье с каймой, в безрукавке из бухарского бархата, с вышитым платком на голове, была уважаемая Огача, жена хана, а мальчик — любимый сын хана Урманбек. У Огача-айм были миндалевидные, чуть раскосые, как у китайки, глаза. Весь облик ее свидетельствовал, что она не из дочерей Туркестана, но в речи ее не чувствовалось никакого акцента. Настоящее имя ее Масуда-ханум, но она более известна под именем Огача-айм. Это говорит о том, что она из Кашгара. Уйгуры, вместо нашего «ханум-бек»», говорят «огача». Масуда — дочь Ибадуллы-ходжи, уйгура, жившего в окрестностях Оша. Худояр женился на ней, когда вторично вступил на престол. Когда он вынужден был вновь оставить трон и бежать в Бухару,

большинство его жен изменили ему и вышли замуж; только Огача-аим разделила с Худояром опальные дни и своей верностью заслужила его любовь и уважение. К тому же среди ханских жен она была самая умная и рассудительная, поэтому ей был подчинен весь гарем и сотни служанок. Все скандалы между соперницами разрешались у Огача-аим, все в гареме должны были слушаться ее беспрекословно, и сам хан предоставлял Огача-аим разбирать распри между его женами. Когда наступало время получать новые одежды, — вопрос о том, кому что нужно и что следовало, тоже решала Огача-аим, она давала заказы казначею, и готовую одежду распределяла тоже она. Ежедневно вся еда на кухне готовилась и назначалась по распоряжению Огача-аим; также посещение бани ханскими женами, служанками, повитухами, портнихами, посещение свадеб и всяких празднеств — на все это требовалось разрешение Огача-аим. Иногда Огача-аим даже вмешивалась в государственные дела, склоняя хана к тому решению, какого ей хотелось, и хан порой соглашался с ней. Когда одна из жен хана, Шахаим, мать маленького Урманбека, которого хан очень любил и назначил наследником престола, умерла, Худояр поручил воспитание сына Огача-аим. И Огача-аим воспитывала Урманбека как своего родного сына, за что хан уважал ее еще больше.

Не обращая внимания на Гульшан, Огача-аим продолжала разговаривать с Урманбеком.

— Ты что-то очень расшалился, сынок! Вот я пожалуюсь твоему отцу и велю тебя отшлепать.

— Дайте перепелку, тогда не буду шалить!

— Ты уже всех перепелок передушил, злодей ты этакий! Откуда теперь взять перепелку?

— Я их не душил, они сами подошли.

— А за что ты побил няню Зийрак?

— Она не хотела дать мне перепелку!

Огача-аим посмотрела на служанку, стоявшую у дверей.

— Подойди, Мискол, — сказала она ей и погладила Урманбека по спине. — Ну, походи поиграй с няней, а перепелку завтра найдем тебе.

Служанка увела Урманбека.

— Ко мне никого не впускайте, — сказала Огача-аим. — Закрой за собой дверь!

Когда служанка с мальчиком ушли, Огача-аим перешла с молитвенного коврика на курпачи и сказала:

— Подойдите ко мне поближе, Гульшан!

Подозревая, что предстоит важный разговор, Гульшан подошла и, сложив руки на груди, опустилась на колени.

— Что нового в городе, Гульшан-бону?

— Разве есть новости, которых не знала бы Огача-аим?

— Все ли у вас благополучно, здоровы ли ваши домашние?

— Слава богу... милостью его величества и вашей милостью!

— Как дела?— сказала с улыбкой Огача-аим.— Не нашли нам еще соперницу?

Гульшан потупилась. Огача-аим, улыбаясь, ждала ответа.

— Хоть вы и стараетесь отыскать нам соперницу, но, конечно, не по воле вашей, а по повелению Саида, поэтому я не могу вас винить,— сказала Огача-аим.

Эти слова помогли Гульшан оправиться от смущения.

— Конечно, госпожа...

— Надеюсь, однако, что вы не захотите пренебречь моими советами,— сказала уже серьезно Огача-аим.— Я буду говорить с вами по секрету.

— Ручаюсь моей головой, госпожа!

Огача-аим взяла лежащую рядом подушку и облокотилась на нее.

— На днях я договорилась с тетушкой Батырбаши. Но Саид не должен ничего знать. Надеюсь, вы будете осторожны? Ведь мы давно с вами дружим.

— Ваша служанка — не сплетница, госпожа.

— Вот и хорошо, так и должно быть,— сказала Огача-аим.— Вы не чужая, Гульшан, что скрывать от вас: у хана сейчас десятки нас — жен¹. Если считать и всех служанок, то жен наберется больше ста. Стараниями тетушки Батырбаши и окрестных беков и еще кой-кого, гарем Саида за последние три-четыре года очень пополнился. Мы думали, что, перебравшись в новый просторный дво-

¹ По шарияту положено иметь не более 4-х жен. Худояр несколько раз переводил в рабыни четвертую жену и женился вновь.

(Примечание автора).

рец, заживем привольно, а получилось так, что у нас с каждым днем становится все теснее. Служанки в нашем дворе живут по восьми-девяти человек в комнате. Если так пойдет дальше, через год придется строить еще один дворец. Но это же невозможно. Подумайте, если Саид все свое внимание будет отдавать гарему, могут пострадать дела государства, и мы будем виноваты. Вот, пораздумав обо всем этом, я и решила с вами поговорить... Моя мысль понравилась тетушке Батырбаши, она обещала помочь мне. Вы тоже, Гульшан, обдумайте все хорошенько и скажите мне, как вы смотрите на это?

Гульшан, словно не понимая, о чем говорит Огача-аим, задумалась.

— Госпожа, ваша покорная раба не совсем поняла, о чем вы говорите?

— Ну, если еще не поняла, так вот что: больше не приводите в гарем новых служанок и жен!— сказала Огача-аим.

Гульшан опустила голову. Приказание Огача-аим ей было совсем не по душе. Кому же приятно лишаться хлеба насущного?

— Но, дорогая госпожа, что я значу сама в этом деле? На то есть воля хана... Я только стрела, которую выпускает его величество!

Огача-аим пристально смотрела на Гульшан. Но та опять потупилась, избегая ее взгляда.

— Конечно, мы все стрелы, которые направляет его величество,— сказала Огача-аим, начиная сердиться.— Но рыскать повсюду только потому, что приказал хозяин, не разобравшись, хорошо ли это, нужно ли, — просто глупость! Если вы и я — верные рабыни его величества, то мы не должны наносить ущерб государству Саида, мы должны быть его разумными друзьями. Тут-то мы и можем проявить нашу преданность Саиду... Хоть со стороны это и может показаться изменой ему, на самом же деле это проявление верности и дружбы, потому я и делаю вам это предложение. Не вздумайте вообразить, что я ревную Саида, ведь и сейчас я сто первая его жена. Глупо ревновать, будучи одной из ста жен! Меня толкает на это, как я уже вам сказала, моя преданность и искренняя тревога за дела государства. Вы поняли меня, Гульшан?

Гульшан поняла, что рассердила Огача-аим словами «я стрела, которую направляет его величество». Поняв свою ошибку, она теперь просила прощения:

— Я сказала вам это в другом смысле, госпожа... конечно, мы...

— Если вы сами не знаете, как быть, спросите у меня совета.

— Конечно, если вы, как истинный наставник, возьмете меня за руку и поведете, я готова голову сложить за счастье его величества!

— Раз так, будем хранить нашу тайну, потому что это — забота о государстве, а вовсе не измена, — сказала Огача-аим. — Мой совет вам: отныне выполняйте ваши обязанности обдуманно.

— А если хан будет меня принуждать?

— Этого легко избежать, — сказала Огача-аим. — Как можно реже показывайтесь на глаза хану, а если уж попадетесь ему на глаза, то говорите, что никак не можете найти красивой служанки и просите вас извинить. Он вас не будет мучить и не накажет за то, что вы не нашли достойной красавицы. А если вы нуждаетесь в деньгах, так в этом я вам помогу, по мере моих сил. Хорошо, Гульшан-бону?

Лицо Гульшан просияло.

— Хорошо, дорогая госпожа!

— Ахсан!

Одна из девушек, сидевших в передней, казначей Огача-аим, прибежала на зов.

— Что прикажете?

— Дай Гульшан два золотых и накинь на нее мунсак!¹

Ахсан поклонилась, сложив руки на груди, и вышла.

— Приходите ко мне, если что понадобится, вот так, запросто, не стесняйтесь!

Гульшан поклонилась, низко нагнув голову, поблагодарила. Дверь отворилась, вошла Ахсан, держа в руках мунсак, и остановилась перед Гульшан. Гульшан встала с места и склонилась перед ханшей. Ахсан накинула на нее мунсак и вложила ей в руку два золотых. Гульшан в мунсаке осторожно опустилась на ковер. Ахсан тоже присела на корточки. Гульшан подняла руки

¹ М у н с а к — женская одежда, короткий легкий халат.

для благословения, Ахсан сказала: «Амины!».

Потом Гульшан и Ахсан-казначей тихо-тихо, лягясь спиней к дверям, вышли от Огача-аим.

30. ГОСПОЖИ ХАНСКИЕ ЖЕНЫ

Когда Гульшан вышла в переднюю, девушки стали ее поздравлять с высокой милостью — ведь она «была удостоена любезного внимания». Надевая кавуши, Гульшан посматривала на царские покои. Потом она попрощалась со служанками и вышла во двор. Как мы уже говорили, вокруг этого двора жили любимые ханские жены, каждая со своими повитухами, портнихами, служанками и рабынями.

Рядом с помещением Огача-аим, во втором зале, жила любимая жена хана Розия-аим. Розия-аим только два года назад стала женой хана, но, благодаря своей необыкновенной красоте, добилась особого расположения Саида и заняла одно из первых мест в гареме. К ней были приставлены четыре служанки и две рабыни, которые должны были служить ей. Розия-аим была родом из Кашгара, дочь Ахунджанбая. Молоденькой девушкой она была выдана замуж за кокандского бая Джанбобо, от него родила ребенка и вскоре овдовела. Потом она вышла замуж за кокандского хазрата Миен Фазл Ваххаба. Хуфия — женщина, обязанность которой, подобно Гульшан, было высматривать красавиц для хана, донесла ему об ее красоте, и в один прекрасный день хан прислал арбу за Розией-ханум, приглашая ее «в гости»...

Что мог поделать Миен Фазл Ваххаб против ханского желания? Проведя ночь в гареме хана, Розия наутро вернулась домой. Тогда муж ее, Миен Фазл Ваххаб, дал ей развод и с семьей арбами добра отправил во дворец. Сделал ли он это со злобы на хана или из страха перед ним, сама Розия так и не могла понять¹.

¹ Большая часть сведений о гареме получена нами от Розии-аим. Благодаря своей исключительной памяти, эта, сейчас уже девяностолетняя старуха смогла сообщить нам многие ценные подробности. Она нас поразила сохранившимися до сих пор характерными для ханской жены чертами. Приношу свою признательность и благодарность Розии-аим и посреднику между нами Баситу Калдырову, моему кокандскому другу, которому я обязан многим. (Автор).

Едва Гульшан приблизилась к жилищу Розии-аим, две служанки раскрыли двери ее прихожей и, выйдя во двор, стали с двух сторон, почтительно опустив головы. Тотчас из дверей появилась грациозная женщина, стройная, как кипарис, с белым, словно молоком наполненным лицом, с карими глазами, такими темными, что они могли сравниться только с безлунной ночью, с черными, длинными до пят волосами, в роскошной одежде, вся в шелку и золоте. Голова ее с бесчисленными косичками была повязана легким газовым платком, вышитым по краям; сама она была одета в шелковое платье — черное с белым, обшито по воротнику и подолу каймой; на ней была еще безрукавка из бухарского бархата, отделанная золотым шитьем, застегнутая на рубиновые пуговицы. Это была любимая жена хана — сама Розия-аим. Розию сопровождал черный мальчик, лет восьми-девяти, у которого белыми были только зубы да белки глаз. Этот маленький раб был при ней на побегушках, всегда готовый выполнить малейшее желание своей госпожи¹. Гульшан склонилась перед Розией-аим в низком поклоне. Розия-аим кивнула ей, промолвив: «Какживаете?» и, не дожидаясь ответа, прошла мимо, направляясь в царские покои.

Гульшан подошла к помещению, где жила третья жена, Курбан-аим, и осведомилась у служанок об ее здо-

¹ Рабы при дворце Худояра были чаще всего таджики или негры, они могли жить в гареме с семи до двенадцати лет, мальчики старше уже не допускались в гарем. По словам Розии, когда маленькому рабу исполнялось двенадцать лет, его удаляли из гарема, давая ему какую-нибудь работу во дворце. Рабы-кастраты были только при матери Худояра Хаким-аим (умерла в 1285 году), их было двое — Эшмат-саркар и Ташмат-саркар, оба были неграми, но они тоже без хана не имели права входить в гарем. Каждый день, когда хан шел здороваться с матерью, эти два раба приходили с ним и, поклонившись Хаким-аим, уходили вместе с ханом. Похоже, что это были приближенные рабы Хаким-аим, доставшиеся ей от Шерали-хана.

По рассказам Розии, кроме этих двух старых рабов, никаких евнухов во дворце не было. Так что утверждения русских писателей, будто в гаремах жили евнухи, неверны. Розия рассказывала: «Когда Худояр в первый раз был свергнут с престола, он взял с собой в Джизак несколько рабов, которым дал образование и впоследствии назначил их на разные должности. Это были: Шогурлом, главный глашатай, Джамил, Файзулла и Муллача — казначей, Давлятудайчи, Давлат-саркар, Шопсаид-курбаши. Все они в гарем не допускались и не были кастратами».

ровье. В следующем, четвертом зале, в западной части двора помещалась Шодмон-айм — и на этом можно закончить счет ханским женам, жившим на главном дворе¹.

Гульшан миновала последний зал главного двора, вышла из него и очутилась в уже знакомом нам коридоре.

Служанка, шедшая с водяного двора, увидев Гульшан, поставила на землю медное ведро с водой и подбежала к ней.

— Поздравляю с подарком! Как поживаете, здорова ли ваша матушка?

¹ По словам Розия-айм, Худояр за свое трехкратное царствование вступил в брак с такими женщинами: 1) Козоктура, киргизка; Розия-айм точно не знает, кто был ее отец, а нам думается: не была ли она дочерью Мусульманкула; у нее было четыре служанки; 2) Анбарчик-тура, дочь уратюбинского сановника Худояр-бека; 3) Катта-пошшо-айм, дочь кокандца Ходжи Калона, мать Насреддин-бека; у нее было семь служанок и четыре рабыни; 4) Куконлик-айм, из Сармазарского района Коканда (Розия-айм не знает, чья она была дочь); когда хан был изгнан в первый раз, она вышла замуж за другого; 5) Курбан-айм, казначей Урмянбека, у нее было три служанки, две рабыни; ее дочь, по имени Шахзодахон, умерла в г. Оше в 1919 году; 7) княжна Ширин, из байской семьи, у нее было три служанки и две рабыни; 6) Княжна Гульзода — у нее было четыре служанки, ее дочь Тура-айм была выдана замуж за кокандского бека Караматхана; 8) Исфаралик-айм, дочь исфаринского ишана Хабиба, у нее была дочь Мохзодахон, которую выдали за Исахана, сына кокандца Сафохана (говорят, что Мохзодахон еще жива); когда Худояр вторично вступил на престол, он обвинил Исфаралик в распутстве и прогнал из дворца.

А вот жены, на которых Худояр женился за время второго своего царствования: 9) Мунишон-пошшо, дочь кокандца Газахана, у нее было восемь служанок и четыре рабыни; она родила сына Саид-Умарбека, который теперь живет в кишлаке Тура, Рашиданского района; 10) Пошшо-бону-айм, сестра знаменитого в Коканде Баходир-хана, мать Мухаммеда-Аминбека и Чорсолахон-пошшо; у нее было девять служанок и пять рабынь; 11) Масудахон (Огача-айм), дочь Ибайдуллы-хаджи, мать Фансуруллабека; 12) Кишбиби (Кыз-айм), дочь дяди Худояра Гадойбая-додхо; она раньше была женой Шомурад-хана, а когда Шомурад умер, Хаким-айм женила на ней своего сына Худояра в городе Бухаре; у нее было пять служанок и три рабыни; 13) Шах-айм младшая, дочь Шуганского наместника, мать Урманбека; умерла, когда мальчику не было еще и сорока дней; 14) Тухта-пошшо (Чиндовуллик-айм) из кишлака Чиндовул Наманганского тумана, дочь Худжа; у нее было четыре служанки и три рабыни; 15) Шах-айм старшая, дочь Дарбазского наместника; от нее родился Саид Фансарулла, которого в пятилетнем возрасте убил Пулат-хан в Маргелане; у нее было семь служанок; 16) княжна Гуландом, из байской семьи, 17) княжна Мохбегим, из байской семьи, мать

Гульшан слегка коснулась кончиками пальцев плеча служанки.

— А как ты живешь? Весела, здорова? Как поживает Мунисхон-пошшо-аим? Поправляется ли Биби-пошшо-аим?

— Слава богу, слава богу... Зайдите к нам!

— Зайду,— сказала Гульшан и сняла с себя подаренный халат.— Только ты не говори, что я здесь. Я зайду к вам попозже.

В эту минуту в конце коридора с грохотом открылась дверь и выбежали, догоняя друг друга, две босоногие служанки. Увидев Гульшан, снимающую с себя мунсак, девушки подбежали к ней.

— Гульшанджан, Гульшанджан! Здоровы ли? Все ли благополучно? Поздравляем с обновкой,— шаловливые девушки, подступив с двух сторон к Гульшан, наперебой спрашивали и совсем оглушили ее.

— Довольно, довольно! Чтоб вам подохнуть, мои рез-

Беньяминбека; у нее было три служанки и три рабыни; 18) княжна Гулькыз, из байской семьи; 19) княжна Асаль, из байской семьи.

Жены Худояра в последний период его владычества: 20) Аим из Каратегина, дочь Каратегинского наместника; у нее было семь служанок; 21) Биби-пошшо-аим из Эковата, родом из кишлака Эковат, около Намангана, дочь крупного ишана Худжама-пошшо; у нее было три служанки и две рабыни; 22) Розия-аим, сообщившая нам эти сведения; у Розии был сын — Саид Умарбек, но он рано умер; 23) Камбар-пошшо младшая, дочь бека Худжа-Туры; когда умерла старшая, Худояр женился на свояченице; у нее было три служанки, 24) Ойнисахон-пошшо, дочь старшины Турсуна, 25) Тухфаниса-аим, дочь казия из Алтыарыка; тридцать семь дней спустя, после женитьбы на ней, Худояр отправился в Ташкент — на поклон к русским, 26) Хамрок-биби-аим, дочь кокандца Нурматбая, 27) Саиданиса (Чименлик-аим), дочь киргиза, 28) Шодмон-аим, из байской семьи; говорят, была любимицей хана; у нее было три служанки и три рабыни, 29) княжна Гуль-болу, из байской семьи; у нее родилась дочь Озодахон, которая стала невесткой кокандского бека Бахадир-хана; 30) Рух-афзобекач, 31) Сайкал-бекач, 32) Санобар-бекач, 33) Аргуво-ни-бекач, 34) Нигор-бекач, 35) Рузвон-бекач. Все последние шесть жен, говорят, были тоже из байских семей.

Думается, что еще не полный список жен Худояра, возможно, что Розия-аим запомнила не всех.

Когда мы беседовали с Розией-аим, мой друг Басит шутя спросил ее: «Так сколько же раз хан женился, матушка?» Розия-аим смущенно ответила: «Ах, провались он, хан,— счету не было женам хана, дитя мое!»

Так она сказала и, по-моему, сказала правильно.

вые кобылки! — сказала Гульшан. — Что скажут госпожи ханши, если услышат, как вы галдите?

Девушки, не обращая внимания на протесты Гульшан, потащили ее к двери, откуда выбежали сами.

— Гульшанджан! Наша сытая кобылка! Сытая кобылка!

Гульшан и сердилась на них и все же не могла удержаться от смеха.

— Ах, чтоб вам подохнуть! Недаром я не люблю к вам заходить.

Не слушая Гульшан, одна из девушек шаловливо потянула к себе мунсак.

— Откуда ты его взяла? Подари-ка мне!

— Бери, бери! — сказала Гульшан. — Пусть он будет тебе саваном!

— Ну конечно, таким меня и накроют в могиле!

Они дошли до двери в конце коридора и все втроем сразу протиснулись в нее.

31. СОРОК ДЕВУШЕК

Гульшан со своими спутницами вошла во двор, называвшийся «Сорок девушек». Здесь жили певицы, танцовщицы и музыкантши, увеселявшие хана. Их было сорок, вот потому-то двор и носил такое название.

В ханском гареме было сто пятьдесят пять рабынь. Четырнадцать из них обслуживали Ак-сарай¹, восемь находились при ханской опочивальне, восемь присматривали за сыном хана Урманбеком, десятью командовали повитухи, двадцать пять прислуживали во дворе «Сорока девушек», а остальные — ханским женам.

Навстречу к Гульшан бросилось несколько девушек, прервавших игру в мяч.

— Как поживаете?

— Все порхаєте, как ветерок, не уставать вам!

— Муж ваш еще не умер?

— А как поживают городские джигиты?

Эти девушки ничуть не уступали в шаловливости тем, которых Гульшан повстречала ранее. Да и сама она развеселилась, забросала девушек вопросами.

¹ Название дворца хана

— Ну как, не скучаете? Никто не родед? Никого не поймали с любовником?

Двор «Сорока девушек» состоял из одного зала, четырех небольших комнат, кухни и прочих служебных помещений, предназначенных только для жительниц этого двора.

На девушках были надеты красные шерстяные платья, такие же платки с желтыми цветами и адрасовые или парчовые жилетки. Игравшие в мяч были босиком, а занятые работой по двору или приготовлением пищи — обуты в гладкие кожаные кавуши, прошитые двухцветными нитями.

Большинство этих девушек были старше двадцати лет, но попадались среди них семнадцати, а то и шестнадцатилетние. Красавицы, как на подбор, они были присланы в подарок хану от окрестных беков. Дня два хан удостаивал их своим вниманием, а затем отправлял обучаться пению, танцам и музыке у таких знаменитостей, как Нусрат-хафиз¹, Батырбаши-хола, Тилля-хафиз, Таджи-хафиз, Мискол-хафиз, Хон-огача, Мисок-огача, Улуг-оинчи², Шах-бачча³, Раджабхан Таш-хафиз и даже у самой Зебихан из Маргелана. Они в совершенстве изучили искусство пляски, пения и музыки.

По пятницам большой зал двора «Сорока девушек» подготавливали к базму⁴. Девушки наряжались, надевали драгоценности, красились и появлялись перед зрителями во всеоружии своих чар.

Нередко после пятничной службы в мечети сюда приходил хан. Его сопровождали Розия-ханум и Огача-аим. Для хана было приготовлено почетное место у передней стены большого зала, откуда он и любовался искусством сорока девушек.

Девушки потащили Гульшан на середину двора, уговаривая ее поиграть с ними в мяч. Гульшан упиралась, но девушки настаивали, и в конце концов ей пришлось покориться. Отойдя в сторону, она разулась, сняла с головы платок, подоткнула спереди, чтобы не запачкать, свое шелковое платье в шаровары, а их подтянула до колен, и засучила по локоть рукава.

¹ Хафиз — певец, гевиза.

² Оинчи — танцовщица.

³ Бачча — танцовщица.

⁴ Базм — концерт.

Девушки подали ей самодельный шелковый мяч.

— Нужно ударить безостановочно пятьдесят раз. После каждого десятка покружиться. Кто проиграет, пронесет всех остальных на спине вокруг двора.

Узнав условия игры, Гульшан призадумалась.

— А что будет, если я выиграю?— спросила она.

— Каждая из нас пронесет тебя на спине вокруг двора.

— Хорошо, отойдите в стороны,— сказала Гульшан, выходя на середину.— Но если тронете мяч, или еще как-нибудь помешаете мне, это не зачтется.

Девушки согласились и отошли подальше. Гульшан ударила по мячу; упругий, он высоко подпрыгнул и Гульшан благополучно проделала первые десять ударов. После этого она, как и полагалось, обернулась вокруг собственной оси, длинные косы разлетелись в стороны, грудь колыхалась...

Девушки смеялись, кричали. Благополучно подпрыгнул мяч еще десять раз, и Гульшан снова покружилась под смех подруг. Но вот пошел третий десяток, и на восьмом ударе мяч отскочил в сторону. Как ни старалась Гульшан заставить его подскочить вверх, ей это не удавалось, мяч покатился по земле. Девушки окружили ее, крича, смеясь, хлопая в ладоши. Гульшан попробовала было улизнуть, но не тут-то было. Одна из девушек подкралась сзади и прыгнула к ней на спину.

— Хих, мой осел!

Девушки хохотали. Две из них взяли Гульшан за косы и потащили вокруг двора. Полюбоваться этим зрелищем высочили находившиеся в комнатах и в кухне.

После первой девушки верхом на Гульшан проехала вторая, и таким образом, чуть ли не десяток раз, бедняга обошла вокруг двора. Они чуть не до крови натерли ей спину.

Затем снова началась игра.

Ужин был готов незадолго до вечерней молитвы. Девушки вошли в дома. В одну из комнат вместе с ее обитательницами, вошла Гульшан. В их комнате царил такой же беспорядок, как и в их душах: где попало валялись платки, ичиги и прочие вещи.

При виде этого хаоса Гульшан начала браниться:

— Что это такое? Не можете навести порядок! Когда

к вам ни придешь, ваше жилье похоже на мешок, который цыганка таскает за спиной!

— Ну и приберите, Гульшан-апа, — воскликнула девушка по имени Назик.

— Я? А мне какое до этого дело?

— А мне какое?

— Да ты здесь живешь. В чистой комнате и на душе становится светлее.

— Мне и без того светло, — возразила Назик и, посмотрев на стоявшую рядом с ней Тухфу, рассмеялась. — Тухфа, а у тебя светло на душе?

Тухфа широко раскрыла рот и подошла к Гульшан.

— Вот посмотри, апа. У меня душа так светла, словно в ней сорок светильников горят.

— Да, вижу, вижу! — сказала Гульшан, отворачиваясь. — Но тебе одного света мало, душа еще кой о чем просит...

— Чего же она просит? Мужа? — откликнулась девушка по имени Кумри. — Ну, апа, оказывается, ты можешь разгадать, чего душа просит, загляни и в мою.

— Твоя тоже о муже тоскует, — рассмеялась Гульшан. — Вот пристали! Да вам скажи слово и спасайся бегством!.. Принесли плов... Назик, стели скатерть!

Назик мигом исполнила приказание. На скатерть она поставила два китайских блюда с пловом. Гульшан в компании семи девушек принялась за еду.

После вечерней молитвы все, не мешкая, собрались в большом зале. Подготовили, согрев на огне, два бубна, настроили дутары, тамбуры, чанг и гиджак¹, собираясь поразвлечься музыкой. Так развлекались они каждый вечер. И правда, чем еще могли заняться эти бедные затворницы, лишённые радостей семейной жизни, мужского общества? Единственное их развлечение днем — игра в мяч, вечером — музыка, а ночью — сны.

Зазвучала прекрасная музыка. Бубен — ведущий инструмент в оркестре. Он тихо рокотал, позванивая колечками.

¹ Д у т а р — двухструнный шипковый музыкальный инструмент. Т а м б у р — трехструнный музыкальный инструмент. Ч а н г — музыкальный инструмент наподобие цимбал. Г и д ж а к — четырехструнный музыкальный инструмент.

Сияли лица слушательниц, освещенные большой люстрой в сорок свечей. В центре круга танцевала девушка, грудь ее мерно колыбалась в танце.

Зал все наполнялся и наполнялся; отовсюду сходились девушки, каждый вечер посещавшие эти концерты.

Танцовщица поклонилась и вышла из круга. На ее место двинулась Назик. Только она вошла в круг, как музыка резко изменилась. «Бак-баканг, бак-баканг...» — заговорил в новом ритме бубен, и раздался отрывистый веселый мотив.

Назик грациозно покачивалась в танце. Несколько девушек запели нежными голосами в такт музыке:

Лишь тюльпаны расцветут, тотчас дети их сорвут.
Верно ль, всех прекрасней тут чаровница, что прошла,
Та, что мимо нас прошла?

Ярче звезд глаза горят. От меня отводит взгляд.
В грудь мою проникнул яд, душу мне печаль сожгла.
Душу мне сожгла до тла.

Всем своим телом Назик искусно отвечала на эту песню.

Горе жжет сильнее огня, друг уходит от меня!
Отвернулся от меня, гневом сердце распалил.
На меня ли распалил?

Краше роз — ее уста... Точно лилия — чиста.
Но, быть может, красота — слой румян и слой белил.
Может, это слой белил?

Блещут искры томных глаз. Страшный пир идет сейчас.
Тот, кто в омуте погряз — тот погибнет в свой черед,
Здесь — насилие и гнет.

О, не мучай, пощади! Ран моих не бери!..
Я — в гареме, взаперти... Здесь веселый пир идет.
Падишахов пир идет.

Здесь, в гареме, за дверьми, горе душу бьет плетью,
За тяжелыми дверьми тяжело девушке Назми —
Плачет бедная Назми!

Последние строки песни были полны трагизма. Они выражали отчаяние несчастной девушки, страдавшей долгие годы, изнемогавшей от горя. Начавшись с легкой

веселой мелодии, музыка становилась все более мрачной, и движения танцовщицы передавали всю боль охватившего ее отчаяния.

Здесь, в гареме, за дверьми, горе душу бьет плетью,
За тяжелыми дверьми тяжело девушке Назми.

Все находившиеся здесь знали историю несчастной девушки, о которой пелось в песне. Это ее стенания раздавались сейчас, хотя ее не было здесь. Изнемогши от горя и слез, спала она под землей. Девушки не только знали о ее судьбе, но многие из них оплакивали ее по сей день. Ведь это она, талантливая поэтесса, оставила им свои песни. Она создала музыку, в которой звучали страдания этих несчастных, лишенных свободы. Как же им забыть ее?! Чью душу не тронет горе влюбленной, разлученной с любимым, горе девушки, честь которой втоптана в грязь? Чье сердце не тронут эти слезы?

Да... Год назад умерла их подруга Назми. Она сочинила эту песню. Назми была красивой девушкой из одного кишлака под Кокандом. Ее полюбил один юноша, и она отвечала ему взаимностью. Близился день их свадьбы. Но отец ее, бедный дехканин, не уплатил за несколько лет налогов Худояр-хану. Сборщики налогов явились в кишлак и учинили жестокую расправу с бедняком. А так как у дехканина не было ничего, кроме Назми, они забрали девушку и преподнесли ее хану.

Хану понравилась красивая девушка. Он ее поручил заботам гаремных служанок. Назми отвели в баню, одели, и несколько ночей хан тешился ею. Затем ее отправили во двор «Сорока девушек». Там прожила она около двух лет, неутешно плача и сочиняя песни. Много песен создала она в неволе. Но горе сломило Назми, она заболела чахоткой и умерла.

Песней Назми закончили концерт, и все разошлись.

32. НАЗИК

Гульшан решила остаться ночевать в комнате семи подруг. Назик и Тухфа стелили постели. Кумри весело болтала с Гульшан.

— Вот глупая, Гульшан-апа,— говорила Кумри.—

Оставила дома мужа одного. Какой прок тебе от нас, холостячек?

— Не болтай, бесстыдница!— ответила Гульшан.— Конечно, мне от вас нет пользы. Вы думаете лишь об одном...

— А ты о чем думаешь?

— Я думаю, как и на что прожить, а вы с жиру беситесь. И я когда-то была тут служанкой. Но никогда, как вы...

Девушки внимательно слушали Гульшан.

Тухфа, стеля постель, спросила:

— А разве ты об этом не думала?

Гульшан улыбнулась и, помолчав немного, ответила:

— Может и думала, но при всех об этом не болтала. Ведь это дело от шайтана. Будешь молиться, поститься, такие вещи и на ум не придут. Вот Зарифа, например, никогда не произносит бесстыжих слов.

— Ва! Ха-ха-ха-ха!— засмеялась Кумри.— А скажи-ка ей, Зарифа, что тебе вчера приснилось.

— Провались ты!— буркнула, отвернувшись, Зарифа.— Мало ли что приснится, а ты еще попрекаешь!

Девушки стали укладываться. Постели находились близко одна от другой. Гульшан выбрала крайнюю.

— Платья снимать!— командовала Кумри и, стоя, стянула с себя платье.— Штаны долой!

Девушки, по примеру Назик, стали шлепать друг друга по голому телу. Раздался смех, хихиканье.

— Ой,— вскрикнула Гульшан, зарываясь с головой в одеяло.— с вами тут грехов не оберешься... А знаете ли вы, что в вашем возрасте каждая могла бы быть матерью двух-трех детей.

— Верно, милая Гульшан,— сказала Кумри, поднеся свечу поближе к своему телу, чтобы получше разглядеть его.— Взгляните на меня. Я, пожалуй, уже могла бы и пятерых родить!

Девушки смеялись. Гульшан немного высунулась из-под одеяла и тоже расхохоталась при виде того, что перед ней открылось.

— Гаси свечу!

Кумри погасила свечу, стоявшую на полке. Комната погрузилась в темноту. Но девушки продолжали возиться, стаскивать друг с друга одеяла. То и дело раздавалось: «подвинься», «ляг поближе»...

— Дадите вы спать, в конце концов?— рассердилась Гульшан.

— Тише вы!— зашипела Кумри.— Гульшан пришла к нам выпасться.

— Бедняжка,— подхватил кто-то.— Дома муж ей спать не дает!

— Потому то я и не выхожу замуж,— продолжала Кумри.— Сгори он, муж,— никогда не даст поспать!

— Спи, бедненькая, спи,— подхватила Тухфа.— О нас, девушках, не беспокойся.

Девушки снова заливались смехом. Гульшан тоже больше не сдерживалась и смеялась вместе со всеми.

— Нечего попусту болтать,— сказала она наконец.— Слова должны иметь смысл. А все эти «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха» без толку... Уж лучше выпасться!

— А что такое смысл, Гульшан-апа?— спросила Тухфа.

— Не спрашивай о смысле смысла,— прервала ее Кумри.— Лучше пусть скажет, какой смысл в том, что мы заточены во дворе «Сорока девушек».

— Ну, это ты брось,— откликнулся кто-то.— А вот, есть ли смысл в том, что Гульшан-апа, бросила мужа дома и пришла спать к нам, беспутным?

— А, что б вы онемели!

— Есть, есть смысл!— раздались голоса.— Она же к нам новых подруг приведет.

— А какой смысл в том, что она подруг приведет?

— А смысл в том, что нас, неразумных, станет больше.

— Провалитесь вы все! Не стану я никого приводить. Спице спокойно.

— Bravo,— воскликнула Назик.— Вот теперь вы дело говорите.

— Ты не права, Назик, Гульшан-апа давно стала умницей.

— С каких пор, например?

— Давно... Сколько лет, Гульшан-апа, как вы замужем?

Девушки снова захохотали.

— Да будет вам говорить непристойности, давайте спать!

— Нет, Гульшан-апа, подожди,— сказала Назик.— Я расскажу что-то «пристойное», хочешь послушать?

— Кому нужен твой рассказ? Провались он!

— Очень интересный рассказ. Не станешь слушать, все равно не дам спать!

— Рассказывай, только не тяни!— проворчала Гульшан, повернувшись на другой бок.

— Я быстро. Вы, подружки, тоже лежите тихо.

Девушки шекотали друг друга, смеялись, не обращая внимания на уговоры Назик.

— Тухфа, Кумри, не шумите. А не то задушу. Хотите?— закричала Назик.

Но никто не слушал ее угроз.

Назик вскочила, и тогда все спрятались под одеала.

— Навруз, я тебя по губам шлепну!

То тут то там еще выплескивался смех. но общий шум прекратился.

— Ты не спишь, Гульшан-апа?

— Нет, рассказывай!

Назик еще раз прикрикнула на подруг и села в постели.

— Как-то утром шли мы из бани,— начала она.— По этой же дороге шел один молодой человек.

— Старая история!— вставил кто-то, и девушки опять захихикали.

— Ну и что? Не хотите слушать — не надо, я для Гульшан рассказываю. А вы спите и не мешайте.

— Нет, нет, рассказывай, мы будем слушать,— откликнулась Тухфа.— А вы, Навруз, Кумри, Хамрох, угомонитесь, наконец.

— Итак, Гульшан-апа, с нами рядом шел молодой человек. Спросите, каков он был из себя? Лицо румяное, гладкое, как яблоко, глаза лани, усы как молодая травка, а брови красивее и тоньше чем у Розии-аим... На нем — халат из бекасама, очень был ему к лицу. Мы невольно залюбовались, правда, Тухфа?

Тухфа подтвердила, а Назик, убедившись в том, что Гульшан еще не заснула, продолжала рассказывать.

— Джигит был молод и застенчив. Заметив, что на него смотрят чуть ли не двадцать девушек, он смутился и опустил глаза. Нас сопровождали тогда тетушка Насиба и повитуха Ханифа. Увидев, что мы заинтересовались этим джигитом, они стали нас поторапливать. Пришлось ускорить шаг, но мы все оглядывались. И он не отставал, все время шел рядом. Когда мы подошли уже

к воротам дворца, я обернулась и посмотрела назад. Он был шагах в десяти от нас. Тут меня словно шайтан толкнул — пришла мне в голову одна мысль. И постепенно я отстала от подруг. Оказавшись в хвосте, я сняла с головы платок и, пряча его под паранджой, бросила на землю. Мы приблизились к воротам, привратники открыли их и, пропуская нас, отошли в сторону. Я еще не знала, упал ли мой платок, но хотелось, чтобы он упал за воротами, я и боялась, что это не вышло. Внутри двора, пройдя шагов десять, я решила оглянуться снова. Мой платок лежал на земле. А тот молодой человек наклонился, чтобы его поднять. Я продолжала свой путь.

— Апа, вы обронили платок!

У меня забилося сердце, и я остановилась. Молодой человек, улыбаясь, подошел ко мне и подал платок.

— Не ваш ли?

— Мой! — ответила я и взяла платок, забыв поблагодарить.

На этом разговор кончился. Молодой человек вошел в главные дворцовые ворота. Я, как-то вся обомлев, поплелась вслед за девушками в гарем... Я видела этого джигита на расстоянии одного шага от себя, я слышала его голос, рука его, кажется, коснулась моей... Ты спишь Гульшан?

— Нет, не сплю! Что дальше было?

— А вот сейчас расскажу. С бьющимся сердцем вошла я к нам во двор. В ушах все звучали слова: «Апа, вы обронили платок... Не ваш ли?» Передо мной вставал его образ, и сердце трепетало. Чего я только не передумала, но придумать ничего не могла. Мое сердце было опалено огнем, и огонь пожирал его все время. Я словно опьянела от этого огня, голова кружилась, в глазах стоял туман, я просто себя не помнила. Зачем увидела я этого человека, зачем поглядела на него? Для чего бросила платок, а он поднял его? Как он мог войти во дворец? Он джин — злой дух, он хочет лишить меня разума... Ох, повидать бы мне его еще хоть разок! Я спрашивала всех ходивших в баню: «Видали вы того джигита?» Говорят: «Видали». Спрашиваю каждую: «А хочешь ли снова повидать его, не горит ли у тебя сердце по нем?» — «Нет», — отвечают. Ну, после этого я окончательно поверила в то, что он джин. Я играла с джином, и он попутал меня. Снова я спрашивала: «Есть ли у нас во дворце та-

кой джигит?» «Нет»— говорят. «А видели вы, как он за нами вошел во двор?»— Опять следует: «Нет». Значит только меня джин попутал. А Тухфа смеется: «Ты полюбила волшебника»,— говорит. И я так думаю. Да, я полюбила волшебника и он полюбил меня. И я стала ждать его. Я думала, если это правда, он заберет меня в свою страну. Дни и ночи ждала я, а его все нет и нет. Через две недели пришло время идти в баню. Я обрадовалась: может быть, сегодня я уйду в волшебную страну. Мечтая об этом, я сторала от нетерпения. И вот мы пошли. Когда на обратном пути из бани мы приблизились к тому месту, где повстречались с джигитом, сердце мое забилось. Если он явится и поманит меня, думала я, непременно пойду за ним. Но вот мы уже на этом самом месте, а волшебного юноши нет. Посмотрела я по сторонам, заглянула в переулок — никого! А я ведь приготовилась к тому, что стану делать, если он появится... От напряжения я вся покрылась холодным потом и не помню сама, как отстала от девушек. Вдруг слышу, тетушка Насиба зовет меня. Я пришла в себя и присоединилась ко всем. Пока дошла до ворот дворца, я еще несколько раз оглянулась.

Назик вздохнула и помолчала.

— Вот так я влюбилась в волшебного юношу,— добавила она.— Три месяца уже влюблена, Гульшан-апа!

— Ты влюблена в волшебного юношу? Ха-ха-ха-ха!

— Почему вы смеетесь, Гульшан-апа? Если не верите, спросите Тухфу.

— Я не этому смеюсь,— сказала Гульшан, продолжая смеяться.— Да только юноша, о котором ты говоришь, вовсе не волшебный.

Назик вскочила.

— Кто же он?

— Человек.

— Человек? Ты его видела?

— Да... У нас во дворце. Знаешь кто теперь на посту главного писаря?

— Знаю. Его зовут Анвар.

— Вот он-то и есть «волшебный юноша», в которого ты влюбилась.

Тухфа расхохоталась так громко, что несколько девушек вздрогнули во сне.

— Оказывается, Назик, ты влюбилась в мирзу Анвара?

Назик остолбенела.

— Как это? Такой молодой человек стал главным писарем?

— Да, стал.

— Правда, он достоин этого,— сказала она.— Он женат?

— Откуда мне знать? Впрочем, если и не женат, на тебе все равно не женится.

— Конечно, не женится,— сказала Назик с необычной для нее грустью в голосе.— Я осквернена собакой ханом, я...

Гульшан промолчала.

Тихо посапывали спящие, и в это мирное посапывание лишь изредка врывается звук заглушенного рыдания.

33 НОВОЕ «РЕМЕСЛО» МАХДУМА

Салих-махдум вышел из ичкари. Среди людей, ожидавших главного писаря, он увидел и муллу Абдурахмана.

— Добро пожаловать, мулла, добро пожаловать!.. Здравствуйте!

Поздоровавшись, махдум пригласил его в михманхану.

— Ну, хабба... Как поживаете?

— Слава богу! А ваше здоровье?

— Хвала всевышнему! Чему я обязан, что стопы вашей милости привели вас в мой дом?

— Вашему доброму ко мне расположению,— ответил мулла Абдурахман.— Если господин Анвар сочтет возможным, я хотел бы надеяться, что смогу занять должность писаря...

— Очень хорошо, очень хорошо!— сказал махдум. Что же может воспрепятствовать этому? Образование у вас достаточное, только вот бумаги составлять... Ну да Анвар подучит. Это не помешает. Что до каллиграфии, то, думаю, все в порядке.

— Ну, для того, чтобы бумаги составлять, я в учтеле не особенно нуждаюсь,— с обидой в голосе сказал мулла Абдурахман.— Если я и не знаю всего того, что знает мирза Анвар, то, во всяком случае, лишь немногим меньше...

— Очень хорошо, очень хорошо! Правда, в канцелярии все считают, что по сравнению с другими писарями и муфтиями Анвар изъясняется изящнее других. Таковы плоды ученья... в школе. Да, учиться полезно. Вы сами представитесь мирзе Анвару или мне о вас доложить?

— Не знаю... Впрочем, думаю, лучше скажите вы.

— Что ж, прибегнуть к помощи посредника тоже неплохо. Я спокойно с ним поговорю. Все равно, ведь нужно ему объяснить, чему вы учились, и сказать о том, что вы способный человек,— сказал махдум, помолчав немного и добавил:— Да, в дворцовой канцелярии принято на первых порах работать бесплатно. Наш Анвар тоже вначале не получал жалованья.

— Дело не в жалованьи, ваша милость. Служба в мечети дает мне средства на жизнь.

— Хабба! С этим значит в порядке. Если вы научитесь хорошо и быстро составлять бумаги, то начнете получать жалованье. Кроме того, общение с сильными мира сего принесет немалую пользу — это ведь самое главное,— махдум понизил голос.— Служа в мечети, далеко не уйдешь. Вот здорово вы придумали! Вы мне как сын, а чем ближе наши дети будут ко двору, тем лучше и яам. Будьте спокойны, мулла Абдурахман, вашу просьбу я передам и сам замолвлю за вас словечко. Мирза Анвар несомненно примет вас на работу.

Поблагодарив Салиха-махдума, мулла Абдурахман собрался уходить.

— Когда мне прийти за ответом? К вам, конечно?

— Хабба! Завтра же, после утренней молитвы... Почему уходите? Чаю, хлеба...

— Нет, спасибо, ваша милость.

Махдум проводил муллу Абдурахмана до двора и вернулся к ожидающим мирзу Анвара. Он справился о здоровье каждого из них и спросил, что им нужно от главного писаря. Одетых побогаче он расспрашивал также о том, где учатся их дети, и если оказывалось, что они живут в этой же округе, выражал удивление, почему не учатся в его школе.

Дехканин в заплатанном халате, с мозолистыми руками привлек особое внимание махдума.

— Похоже на то, что вы приехали из кишлака,— обратил он к нему.— Ну-ка, скажите, какая «хворь» у вас?

Дехканин почтительно встал, сложив руки на груди.

— У меня тринадцать тананов земли, господин. А налог,— видно ошиблись,— посчитали с тридцати трех тананов! Хочу подать заявление.

— Хм!— воскликнул махдум.— У вас что, в кишлаке нет старшины?

— Есть... Да не из тех, что выслушают жалобу.

Махдум снова оглядел дехканина с ног до головы.

— А знаешь, братец, чтобы тебе написали заявление, нужны денежки. Без денег не стоит и беспокоиться...

Дехканин похлопал по поясу, как бы показывая, что деньги есть.

— Что вы, что вы, господин, не такая уж у меня дурья голова, чтобы приехать без денег.

Махдум обрадовался, увидев, что деньги есть, но и забеспокоился: он знал, что Анвар «бессребренник» и с бедных дехкан денег не берет. Он даже как то поучал своего воспитанника, упрекая, что тот не знает «вкус золота», но это ни к чему не привело. А хорошо знающий «вкус золота» Салих придумал себе интересное занятие: все время, пока длился у Анвара прием, он сидел в крытом коридоре и каждого выходящего от него спрашивал: писал ли Анвар заявление, или только давал советы, платил ли проситель ему за это? И если выяснялось, что хотел заплатить, но Анвар отказался взять деньги, Салих говорил: «Вы мало дали, предложили бы больше, он бы взял. Ну ничего, оставьте сколько у вас есть, я, пожалуй, уговорю его принять». И забирал у просителя все деньги.

Он умудрялся брать даже с тех, кто заходил к Анвару просто перекинуться словечком. При этом еще объяснял: «Даром даже кошка не выйдет на солнце погреться! Он постеснялся сказать вам о деньгах, дайте мне — я передам, скажу, что вы не знали, как предложить. Хабба, это пригодится на тот случай, если вам нужно будет снова к нему обратиться».

Таким образом, пользуясь именем Анвара, бесплатно писавшего заявления и дававшего советы, махдум уже несколько недель занимался «новым ремеслом» — накапливал деньги. Когда просители расходились, он, позванивая в карманах серебром, шел в ичкари и считал свою выручку, раскладывая отдельно копейки, отдельно пятаки и особо отбирая серебро. При этом он весело посмеи-

вался, думая: «Э, дела важнее слов, только простофили этого не понимают».

Конечно, свое «ремесло» он скрывал от всех и особенно боялся, что узнает о нем Анвар...

В этот день Салих-махдум ушел на предзакатную молитву, когда Анвар уже вернулся из дворца. Это так беспокоило махдума, что он покинул мечеть, не дочитав молитвы до конца. Однако многим посчастливилось завершить свои дела с Анваром до прихода махдума. Злясь на суфи, который запоздал с призывом на молитву, махдум прошел в крытый коридор; он заметил, что еще не все просители разошлись, остановился в коридоре, словно кого-то поджидая. И действительно, вскоре из михманханы вышел человек, по виду похожий на имама. Махдум взглянул на него недружелюбно, но тут же выражение его лица изменилось и он воскликнул:

— Здравствуйте, ваша милость! Изволили прийти...

— Здравствуйте, как поживаете, Салих-махдум? У меня дельце есть к мирзе Анвару. Дай бог ему долгой жизни. Добрый, чуткий юноша. Я попросил его написать небольшое заявление. Но, скажите, как ваше здоровье, махдум?

Махдум старался быть очень приветливым, но о заявлении не расспрашивал, потому что этот человек был ишаном¹ и требовать у него деньги — все равно что у нищего просить подавание... А за разговором с ним он может потерять следующего просителя. Поэтому он старался поскорее закончить разговор с ишаном.

— Хорошо, хорошо, ваша милость благодарю вас, очень просим, приходите!

— Приду, приду... Мирзу Анвара нужно поздравить, помолиться за него. Сами вы, махдум, и не подумаете угостить меня и получить мое благословение. Я уж так и сказал мирзе Анвару: вы одной услугой не отделаетесь, должны угостить. Мирза — щедрый человек, он мне в ответ: «Только приходите — за угощением дело не станет». Слышал я, что вы, махдум, хотите поженить детей. Спросил у мирзы, а он смеется... Так и не сказал ничего толком. А дело хорошее, не медлите с ним. Когда же свадьба?

Взгляд махдума выражал крайнее нетерпение: из-за

¹ Ишан — духовный руководитель.

долгого бессмысленного разговора он мог упустить выгодную встречу.

— Да вот, думаем, весной!

— Долго, долго ждать. Ну, что же, всему свое время. Большой, должно быть, устройте пир? Созовете гостей со всех концов города. Наверное, вас посетят и жены самого хана. Жених ведь не маленький человек. Потребуется чуть ли не тысяча халатов, чтобы одарить всех. Ну, конечно, и гости придут на свадьбу не с пустыми руками. Жены хана принесут вашей дочери, наверное, подарков на сотню золотых, а может еще и рабыню в придачу. Каков расход, таков и приход, говорят.

В эту минуту махдум услышал, что кто-то выходит из михманханы. Он, как беспокойный конь, начал топтаться на месте. А ишан все заливался соловьем.

— Ничего не бойтесь. Святому делу, как говорится, сам бог помогает. Конечно, этот ваш свадебный пир превзойдет все что мы видели доселе. Но открывайте объятия пошире. Я сам, бог даст, приду вам помогать. Трудно ведь справиться с приемом стольких гостей тому, кто к этому не привык. Но такие, как мы, за один день могут принять и пять тысяч человек гостей.

Из михманханы вышла женщина и быстро проскользнула мимо них. Махдум растерянно смотрел то на нее, то на ишана.

— Пусть не беспокоятся ваши женщины. Мои все понаторели на свадьбах. Если дадите знать за неделю, я с превеликим удовольствием пришлю их в подмогу... Да что-то вы рассеянны, махдум?! Может быть, вы себя плохо чувствуете?

У махдума и впрямь был беспокойный взгляд, так как со стороны михманханы опять послышались шаги. Это вышел от Анвара давешний дехканин.

— Нет, что вы?

— Ну вот, значит, не беспокойтесь о приеме гостей. А еще до свадьбы встретимся у вас и поговорим обо всем с мирзой Анваром.

Дехканин тем временем поклонился, проходя мимо столь уважаемых особ, и прошел к воротам. Обеспокоенный махдум бросил ишана и окликнул дехканина:

— Постойте, братец!

Дехканин остановился. А ишан все говорил:

— Если вы смогли бы, то я на этой неделе свобо-

ден, и у мирзы Анвара всегда найдется время. Не нужно особых приготовлений. Немного самсы¹ или манты, все равно, лишь бы вкусно было... Когда надумаете, пришлите кого-нибудь из учеников предупредить меня...

— Слушаюсь, ваша милость.

— Вот и договорились! А если сами придете за мной, и того лучше. Своим ногам платить не приходится. До свидания, мулла Салих, до свидания, да будет над вами божие благословение.

— До свидания, ваша милость, до свидания!

Махдум даже не пошел проводить ишана до ворот, так он стал ему противен, и подошел к дехканину.

— Что, брат,— спросил он его,— вы просили написать вам заявление?

— Нет, ваша милость, их превосходительство написали бумагу, вот она, которую нужно показать землемеру.

— Очень хорошо!— сказал махдум.— А вы заплатили за нее?

— Нет. Я давал деньги, а они не взяли.

— Значит мало да...

Махдум хотел сказать — «значит мало дали». Но прикусил язык: из михманханы вышел Анвар и поклонился ему.

Махдум поспешил сказать:

— Здравст... Я так... из мечети!

Затем он кивнул дехканину, изумленно посмотревшему на него, и буркнул:

— Проходите, если закончили дела!

34. ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Дехканин, так и не поняв, что значили слова «мало да...» в недоумении вышел из крытого коридора. А растерянный махдум пошел вместе с Анваром в ичкари. Пройдя молча несколько шагов, он бросил осторожный взгляд на приемного сына и сказал:

— У вас был Гази-ишан. Пустой человек! Чуть ли не целый час болтал про «угощение». Только время отнял! Сущий дармоед да и жадина к тому же. Вам он, наверное, тоже намекал на угощение?

Анвар кивнул головой и улыбнулся. Махдум продолжал жаловаться:

— Жадность — большой порок. Не зря арабы говорят.

¹ С а м с а — пирожок с мясом.

«Скромного уважают, жадного презирают...» Таков был и его покойный отец. «Собаку вырвало тем, что сама съела» — сын еще хуже. В их роду один хуже другого. Написали тебе из милости заявление, ну и уходи. Нет, еще и угощения требует!

Анвар, посмеиваясь, следовал за махдумом, а тот все ворчал:

— «Не нужно, говорит, особых приготовлений. Манты, самса... Лишь бы вкусно приготовлено и достаточно». А если вам шашлык подать, вы что, ишан, откажетесь? Заявляет, что возглавит свадебный той, — он будто бы умеет хорошо гостей принимать. Я еще с ума не сошел — поручить такому жадному устройству свадьбу!.. Он, видно, хочет прийти нечетом, а уйти четом. Скряга!

С этими словами махдум вошел в ичкари. Во дворе стояла Рано, держа на руках ребенка. Анвар, следовавший за махдумом, подошел к ней и взял мальчика у нее из рук. Рано заметила, что отец чем-то рассержен, и вопрошающе посмотрела на Анвара; тот подмигнул, давая понять, что нет ничего серьезного.

Махдум поднялся на айван и сел, выдохнув: «Господи, прости». Он уже из мечети вышел в дурном настроении, а сейчас оно испортилось до предела. Шутка ли, благодаря этому болтуну ишану, у него лопнул весь сегодняшний «заработок». А дехканин не только увильнул от уплаты денег, он еще чуть не опозорил его. И во всем виноват этот скареда, этот негодяй ишан! Махдум не стеснялся в выражениях, думая о нем.

Анвар, делая вид, что забавляет ребенка, на самом деле разговаривал с Рано. Нигор-айм готовила ужин, и махдум, справившись, когда подадут, позвал к себе Анвара.

— Идите сюда, Анвар, можно и здесь поужинать... А ты, Рано, присмотри за братьями... Мансур, кажется, все еще на улице. Заодно и ворота закрой на цепь, дочь моя!

Рано пошла на мужскую половину. Анвар, держа ребенка на руках, присел на край айвана. Ребенок вырывался и что-то лепетал на своем языке.

Махдума это забавляло. Он протянул к нему руки, приговаривая:

— Мам-мам, мам-мам, мам... Ах ты, негодник! Ну и шалун!

Ребенок тоже тянулся к махдumu, сжимая и разжимая свои ладошки.

— Иди ко мне, молодец, иди ко мне. Ну, да он совсем еще несмышленый! Вот если бы переболел корью... Ду-ду-ду!

Рано вернулась с братишками. Махдум оставил малыша и начал осыпать мальчишек попреками.

— Вот дураки! Не позови вас, сами не додумаетесь явиться домой. Поглядите-ка на их платье! Ты что, в пыли валялся? Ишак! Оттряхнись! Разденься и встряхни! Ой, ой, как жаль, такая хорошая одежда! Что с ними сделаешь, Анвар?

Посмотрев на испуганных детей, Анвар улыбнулся и сказал:

— Поумнеют.

— На том свете? Ну и задам же я им взбучку! Рано, расстели брату курпачу, возьми у него ребенка да спроси у матери, распарился ли плов? Пусть тогда подает.

Рано расстелила на айване курпачу, забрала мальчика и пошла узнать насчет плова.

— Анвар, пожалуйте на курпачу! А вы, ишаки, помыте руки!

Ребята побежали к арыку. Анвар пошел вслед за ними. Вода в арыке была очень мутная, Анвар привел детей обратно и полил им на руки чистой водой из кувшина. Затем стал мыться сам. Махдум закричал с айвана:

— Рано, слей на руки брату.

Но Анвар не дождался ее; когда она подошла, он уже помылся.

— Какая ты медлительная,—рассердился махдум.— Если человек подавится толокном и пошлет тебя за водой, то задохнется, пока ты ее принесешь.

Анвар и Рано засмеялись, да и махдум улыбнулся, видимо, довольный своей шуткой.

— Верно ведь говорят, Анвар, что лучше быть быстрогоногим нищим, чем медленноруким ремесленником.

Молодые люди снова рассмеялись, а махдум пришел в полный восторг.

Анвар сел на курпачу, и Рано расстелила перед ним скатерть. Нигор-аим принесла плов на глиняном блюде. Все принялись за еду. Плов оказался удачным.

Проглотив первую же горсть, махдум стал хвалить жену.

— Плов у тебя сегодня хороший... Только мяса слишком много!

— Потому и вкусный плов,— сказала Нигор-аим, улыбаясь, и посмотрела на Анвара.

— Во всем нужно соблюдать меру.

— Ну, к мясу, положенному в плов, это отношения не имеет.

Рано открыто засмеялась словам матери, Анвар вернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Слова Хадиса, священной книги мусульман, обязательны для всех!— сказал махдум.— Мы живем сейчас на земле и должны проявлять усердие. Но Хадиса подготавливает нас и к загробной жизни... Нужно молиться, но не слишком в этом усердствовать, ибо чрезмерная молитва лишает сил, человек теряет тогда возможность зарабатывать достаточно, чтобы содержать семью. Это нарушает нормальный образ жизни. Довольно и того, что человек выполняет предписанные религией законы. А что это значит? Это значит, нужно придерживаться золотой середины. Священные законы чудесны и богоугодны, когда они применяются в быту. Например: ты собираешься положить в плов двадцать пайса¹ мяса; однако, придерживаясь золотой середины, ты делишь мясо на две части и откладываешь одну половину. Вот тут-то и происходит чудо: на другой день у тебя опять есть мясо на обед. Золотая середина обеспечила двухдневное питание. А вот еще как бывает: человек привык хорошо питаться, но впал в нужду и не может купить себе мяса, он от этого страдает. К тому же человек, привыкший вкусно поесть и лишенный этого, готов идти на преступление, чтобы достать вкусную еду. Это вполне возможно. Отчего же так вышло! Конечно, из-за излишеств, которые он себе позволял ранее.

Поучая Нигор-аим, махдум стремился убить одним камнем несколько птиц. В то же время этот камень мог попасть в него самого: что бы он ответил, если бы кто-нибудь из сидящих сейчас вместе с ним за пловом, спросил, входит ли в понятие золотой середины его поведение в крытом коридоре сегодня, не говоря уже о прочих днях?

¹ П а й с а — мера веса, примерно 50 граммов.

Не знаем, нашелся бы он что сказать. Впрочем, пройдя науку в медресе, махдум и тут не растерялся бы. Раскрыл бы книгу и, перелистывая ее, нашел страницы, гласящие о необходимости обеспечить семью, и, оправдываясь особыми расходами, какие приходится терпеть, нашел бы указание даже на то, что его корысть угодна богу; еще пристыдил бы тех, которые не знают, что значит «забота о семье».

Но с махдумом никто не спорил, не возражал ему. Возможно, по неопытности, а возможно, и по другим причинам. Лишь молодые люди, сидевшие друг против друга, улыбаясь, многозначительно переглянулись.

Выговорившись, махдум все свое внимание снова обратил на плов. Не поднимая головы, он долго молча ел. За этим делом он забыл о золотой середине: махдум каждую горсть плова уснащал отличным куском мяса, в то время как другие редко-редко брали по кусочку.

Съев почти половину плова, он, наконец, поднял голову и предложил Анвару есть поусерднее. Затем прикрикнул на ребят за то, что насорили, и с упреком обратился к Рано:

— Ты мало ешь, дочь моя! Разве так едят плов?

— По аппетиту у меня «неудовлетворительно»,— сказала Рано.

Анвар и Нигор-аим расхохотались.

— Ты за словом в карман не лезешь, дочка,— рассмеялся и махдум.— Но кто мало и медленно ест, тот плохо работает.

— Значит плов нужно есть на «отлично»?

— Да уж!.. Если не горит рот.

Снова все рассмеялись.

— Кстати,— сказал махдум, перестав смеяться,— у меня есть просьба к главному писарю, чуть было не забыл. Э... э... тут давеча приходил... э... э... мулла Абдурахман. Я ему обещал... он хотел... с вами повидаться. Кажется, ему бы тоже хотелось получить работу писаря, я сказал, что поговорю с мирзой Анваром, думаю, что он возьмет его к себе. Он, кажется, грамотный этот мулла и хорошей души человек...

Анвар призадумался.

— Никак не могу вспомнить, кто это мулла Абдурахман?

— Да ну же, наш мулла Абдурахман? Он еще приходил благословлять вас, когда вы получили должность писаря, молодой имам!

Анвар покачал головой.

— Ничего не помню.

— Ладно,— сказал махдум, прищуриив правый глаз.— В тот день приходил также вас поздравить ваш почитатель ткач. Помните его?

— Помню!

— Ну вот, а после него пришел молодой имам. Вспомните теперь?

— А, вспомнил! Он когда-то учился в вашей школе.

— Хабба!— воскликнул махдум и обратился к Нигор-аим:— Ты тоже его знаешь.

— Откуда я его знаю?

— Он учился в Бухаре и засылал несколько раз сватов к Рано.

Нигор-аим утвердительно кивнула и незаметно покосилась на Анвара.

Рано покоробили слова о сватовстве, она бросила есть и, взяв полотенце, стала вытирать руки.

Неизвестно, с каким умыслом сказал о сватовстве махдум, но Анваром овладело ревнивое чувство. Не обращая внимания на махдума, ожидающего от него ответа, он попросил у Рано полотенце.

— Почему уже вытираете руки, Анвар? Вы целый день ничего не ели... Неужели так быстро насытились?

Анвар поблагодарил Нигор-аим, сказал, что он сыт, и кивнул ребенку,—«вот, мол, какие дела»...

— Анвар и Рано сделаны из одного теста,— продолжал махдум, поедая плов (он, видно, не дошел еще до «золотой середины») — оба они едят одинаково мало.

Этой шуткой махдум как бы хотел устранить неловкость, возникшую от разговора о сватовстве. Молодые люди улыбнулись друг другу. Нигор-аим тоже почувствовала облегчение.

— Так как же вы смотрите, Анвар? Возьмете Абдурахмана к себе?— спросил махдум.

— В данное время у нас нет нужды в писарях.

— Думаю все же, такого человека упускать вам нельзя. Подучившись у вас, получив ваш опыт, такие люди работают, не покладая рук. А уж относиться к вам он станет сердечнее, чем чужие. Вот, Анвар, мое мнение.

— Подумаю!..

— Думать, конечно, не плохо. Но я давно уже это обдумал. Мой вывод таков: чем больше рядом с тобой будет работать людей, подобных мирзе Султанали, тем лучше для тебя.

— Может быть, вы и правы...

Анвар пристально разглядывал скатерть. А Рано также внимательно смотрела на Анвара, понимая, что под его нежеланием дать положительный ответ что-то кроется.

Нигор-аим кормила Мансура пловом и прислушивалась к разговору.

Махдум рыгнул и попросил, чтобы ему подали полотенце.

— Я рассудил правильно, Анвар. Не сомневайтесь.

Он собрал со скатерти несколько рисинок и бросил их в рот.

— Возьмите на работу муллу Абдурахмана. Он готов некоторое время поработать даже бесплатно. Ну, согласны?

— Дело не в оплате...

— А в чем?

— Не обидятся ли другие служащие у нас, если я приведу нового писаря. Вот что меня смущает.

— Раз он будет работать бесплатно, так не все ли им равно? Что от них убудет?

— А то, что через месяц у них окажется соперник. Особенно я думаю о нашем муфтии Шаходате... Вам известен его характер.

— Да, это собака, ваш муфтий Шаходат,— воскликнул махдум.— Вот мне и кажется, что для защиты от ему подобных нужен свой человек. Молоды вы еще, мой сын! Неужели вам требуется что-то разрешение, чтобы принять нового писаря?

— Нет.

— Ну вот! «Что стоит карнайчи разок дунуть в свой карнай?..» Завтра я скажу, чтобы он явился к вам.

— С этим успеется... Сначала я кое с кем посоветуюсь.

— Хорошо, можно их уважить, и для виду посоветоваться. А принять на работу его все-таки надо!

Махдум прочел молитву и начал собираться в мечеть — наступал час вечерней молитвы. Выходя на ули-

цу, он вспомнил ишана Гази с его глупой болтовней о предполагаемой свадьбе, о гостях, которые придут на свадьбу, о ханских женах, а главное — о многочисленных подарках от них... Куда их девать? Уже в мечети, когда суфи читал молитву, махдум подумал о служанке, которую могут подарить Рано. Уж лучше бы не дарили — лишний рот в доме.

35. ХАН ХОЧЕТ РАЗВЛЕЧЬСЯ

Шел сентябрь, но погода стояла жаркая. Была пятница. В середине подметенного, политого сада дворца находилась большая супа, покрытая красным ковром с вытканными на нем тюльпанами. На ковре лежала бархатная курпача, а поверх нее брошена шкура льва.

Сейчас эта супа была пуста, отсутствовали и хан и его приближенные. Но все небольшие супы, стоявшие напротив, были заполнены. На них восседали визири, военачальники, верховные судьи, шейхи-уль-ислам¹, судьи, высшее и городское духовенство, ученые-ишаны, придворная знать и низшие чины — курбаши и начальники районов. Духовные лица одеты в халаты из бенаресского шелка, на головах у них белые величественные чалмы; на визирях и военачальниках — бархатные и шелковые халаты, чалмы, а на некоторых — шапки из каракуля.

Сегодня, перед пятничной молитвой, хан намерен развлечься. Потому и собралась здесь вся знать. Устремив взоры к роскошно отделанным внутренним воротам дворца, они ждут выхода его величества.

Немного подалее ханской супы стоит шалаш из камыша. В нем сидят и беседуют несколько человек.

Наконец из ворот дворца вышел Дервиш-худайчи, он сделал знак всем встать, потом подошел к воротам, встал сбоку и застыл в поклоне.

И вот, в тесно облегающем большой живот парчовом халате, низко опустив на лоб белую шелковую чалму, показался Худояр-хан. Вся знать склонилась перед ним. За ханом шел его малолетний сын Урманбек в красных бархатных одеждах. В красное сукно были одеты следовавшие за юным наследником, красивые, как на подбор, вооруженные телохранители. Эти шестна-

¹ Шейх-уль-ислам — высшее духовное лицо.

дцати-семнадцатилетние красавцы шли в десять рядов по четыре в ряд.

Хан подошел к супе.

Вдруг с одной низкой супы раздались звуки музыки. Музыканты заиграли нежную мелодию «Сарбозча». При повторе ее, вся свита хана запела такую песню:

Да будешь ты счастлив во всем, шахиншах!
Врагов твоя слава повергнет во прах!
Пусть на поле выйдет весь вражеский стан,—
Неверных рассеет могучий наш хан.
Ты в жертву получишь, о Шахимардан,
Всех тех, кто святой оскверняет Коран!..
Да будешь ты счастлив во всем, шахиншах!
Врагов твоя слава повергнет во прах!

Хан поднялся по ступеням супы. Урманбек следовал за ним. Юные телохранители, обойдя супу, стали позади сиденья хана и начали выстраиваться по всем правилам для охраны его величества.

Хан сел на львиную шкуру и указал Урманбеку место справа от себя. Присутствовавшие продолжали стоять склонившись. Телохранители окружили хана с трех сторон. Хан сделал знак почтительно склонившимся, разрешавший им поднять головы. Все выпрямились и скрестили руки на груди. Музыка смолкла.

Худайчи взошел на супу и вознес руки на молитву. Этот жест повторили все.

— Да сгинут наши враги, изменники, предатели! Дай, боже, государю нашему и его стране благоденствие и покой!

Помолившись, все провели руками по лицу. Хан сделал знак худайчи, и тот воскликнул:

— Мин баши, кушбеги, оталик¹, шейхи-уль-ислам и другие господа, его величество хан приглашает вас сесть рядом с ним.

Один за другим стали подыматься на супу придворные, которых называл худайчи. Поклонившись низко ха-

¹ Мингбаши, кушбеги, оталик — высокие государственные должности в ханском Туркестане.

ну, они стоя окружили его. Хан снова что-то сказал ху-дайчи.

— Его величество разрешает сесть!

Все, кроме телохранителей, с шумом начали усаживаться. Кое-где слышен был кашель.

И тут худайчи обратился к хану:

— Да благословит аллах его величество и возвеличит его государство... Один из ваших рабов обращается к вам с просьбой. Примете ли вы его?

Хан разрешил позвать просителя. Все взглянули в сторону камышового шалаша. Оттуда вышел человек высокого роста, с черной бородой, на нем был светло-коричневый халат и бязевая чалма, со спущенным на четверть концом. Человек шагал неторопливо и важно. У подножия супы он остановился. Все, начиная с хана, улыгнулись, а он поправил чалму, разгладил усы и бороду, отряхнул халат, плотнее завернулся в него и склонил голову перед ханом.

Хан и вся знать хохотали — они узнали любимого ханского шута Закира, по прозвищу бык.

Закир-бык поднял голову и, словно молясь за упокой чьей-то души, поклонился на обе стороны. Все снова рассмеялись.

Худайчи, стоявший по другую сторону лестницы, заметил шуту:

— Не забывай, в чьем присутствии ты находишься!

Закир стоял неподвижно, сложив на груди руки, и бросил только взгляд на худайчи.

— Сам знаю, не дурак!

— Что же дальше?

— У меня просьба к моему хану.

Снова смех огласил сад¹.

— Если пришел с просьбой, — сказал Худайчи, — то и проси посмелей! Ты ведь стоишь перед его величеством — ханом.

— Я обдумываю. Что, и подумать нельзя?! Не хочешь ли ты, чтобы я, как сумасшедший Джаббар, сказал не то, что полагается, и чтобы меня повесили, как и его.

¹ Выражение «к моему хану» по-узбекски звучит так же, как и к «ханум», то есть к женщине, и получается игра слов.

— За то время, что ты пришел со своей просьбой, можно было уже плов сварить.

— А я и варю в уме свою просьбу. Ведь от недоаренного плова болит живот, не так ли?..

— Почему же ты по дороге сюда не обдумал свою просьбу?

— Он что, с ума сошел?— воскликнул Закир.— Что у меня больше забот нет, как думать об этом по дороге?!

— А о чем же ты думал?

— Идя к хану, я готовился к смерти, думал о своих детях, которые осиротеют, о их матери, которая тут же выскочит замуж.

— Да что ты без толку болтаешь! Его величество и все эти важные господа ждут...

— Ха-ха-ха-ха! — засмеялся Закир. — А если вы каждый день заставляете ждать у дворца тысячи людей, то почему меня не могут немного подождать?! Хи-хи-хи-хи... Ваше величество, у меня к вам просьба!

Хан кивнул головой, что означало «говори!»

— Первая моя просьба к его величеству — убрать вот эту жабую образину! Его кваканье посильнее ваших грозных слов.

Смех.

Худояр-хан сделал знак худайчи — подняться на су-пу. Закир воздел руки на молитву.

— Дай бог его величеству не знать слез, горя и нужды! Пусть будет вечно строен его стан, и да согнутся в три погибели его враги! Да осенит голову юного наследника счастье долгой жизни и процветания на троне его отчизны! И пусть у ханских слуг, тех, кто носит и белые чалмы, и синие чалмы, и светло-коричневые халаты, сердце будет всегда светло и, как их седины, бело! Аминь, аминь! А еще мы молим снизойти к нам, бродягам, заблудившимся в пути, потерявшим разум, к нам, притче во языцах, в горе и печали странствующим по чужим странам.... Слухом полнится земля, что властитель ее, словно Искандер, второй — кладезь всех богатств, мозг и хлеб страны родной. Безграничен он в доброте своей, а разгневают его, то страшнее всех смертей... Он друг и защитник одиноких, вечных странников, бесприютных... Нам, беднякам, ничто не падает с неба — постоянно думаем, где бы раздобыть кусок хлеба. Мы

жадно ищем себе пропитание, а под эту сень пришли показать свое искусство и старание. Может, посчитаете возможным заплатить за него хоть грош?

— Хорошо,— сказал хан под общий смех,— покажите ваше искусство.

36. ШУТЫ

Закир поклонился хану, направился к шалашу и закричал во всю глотку:

— Бахрамбай, эй, Бахрамбай!

Из шалаша вышел человек, без шапки, в грязной распахнутой рубахе, из под которой выглядывало голое тело, одна нога обута, другая босая, одной рукой он держал завязки от штанов, в то время как другой почесывал плечо.

— Что это, ишак заревел?— сказал Бахрам, озираясь по сторонам.— А, чтобы ему пропасть, чтоб сестре его развестись с мужем, всех вшей у меня разогнал,— ворчал он, рассматривая швы своей рубахи.

Все рассмеялись.

— Бахрам, это я тебя зову.

— А, Закир-ака, это ты? Что случилось?

— Я уломал хана.

— Уломал? Я ведь говорил, что хан — тряпка.

Снова смех.

— А где они?— спросил Закир.

— Да там, внутри,— ответил Бахрамбай, кивая из шалаша.

— Что они делают?

— Да брось их, они дожевывают мою кавушу.

Смех становится все громче.

— Когда же ты, наконец, поумнеешь?— гневно воскликнул Закир.— Как же ты теперь выйдешь к хану в одной кавуше?!

Бахрам призадумался, почесывая затылок.

— А вот захочу и выйду. Ведь хан такой же человек, как и я!

Снова взрыв смеха.

— Ну хорошо, будь ты проклят, веди уж их сюда! Да поскорее!

Бахрам снова почесал плечо и, шлепая одной кавушей, вошел в шалаш. Вскоре он появился, ведя за со-

бой еще двоих. Один из его спутников был низенький толстый человек. На его круглом, как ось арбы, теле сидела голова, похожая на большую тыкву, выдолбленную для воды. Под горлом у него вздувался зоб, величиной с добрую дыню. Казалось, что вместо глаз на его лице воткнуты высушенные урючины, вместо рта — кавуша, нос похож на чудовищную лягушку, уши торчат, как лоханки. А борода, усы! А брови! О них уж лучше совсем не говорить, так, несколько торчащих там и сям волосков. К тому же его рябое лицо было щедро усеяно веснушками. Если к этому добавить, что одет он был в короткий заношенный халат из бязи, перепоясан таким же бязевым поясом, обмотанным несколько раз вокруг талии, что на голове его красовалась тесная, потрепанная тубетейка, сползшая на макушку, то портрет будет закончен. Это странное существо неизменно состояло при хане в качестве шута, звали его Бахтиар.

Второй, человек средних лет, по контрасту с ним был очень высокий и худой. Узкое, как облизанная ложка, лицо, косоглазый. Его халат казался длиннее, чем он сам, на голове — высокий дервишский колпак, ноги босые.

Этого шута звали Давлят.

— Эй вы, ублюдки, — встретил их, крича и размахивая рукой, Закир. — Поумерьте ваши аппетиты! Чего вы боитесь, жены с вами разведутся что ли, если вы меньше есть будете? Где его кавуша?

Бахрам стоял, грустно склонив голову и набок.

Давлят и Бахтиар переглядывались, вытирая рты,

— Говори!

— Нет, ты говори!

— А что мне говорить?

— Скажи, что мы ее не ели...

Бахтиар положил обе руки на пояс, выпрямился, закинул назад голову и так застыл.

— Знай, брат, что болтать! Мы ничего не ели.

Закир молча подошел к нему, схватил его за зоб.

— Вот, братец, здесь застрял задник кавуши, — сказал он.

Под общий хохот Закир заговорил совсем другим тоном:

— Сейчас мы пойдем к хану. Хорошо держите себя при нем, будьте вежливы. Как только встанете перед ним,

низко поклонитесь, прочитайте молитву. Слышите? Ну, идите за мной!

Все трое, цепочкой, двинулись за ним. У лестницы Закир остановился, остальные, толкаясь друг о друга и неловко топчась, тоже стали. Но стояли они как попало, а один даже спиной к хану.

Закир, ничего не замечая, торжественно сказал:

— Ваши рабы пришли к вам на поклон.

Раздался смех.

Лишь теперь Закир заметил, как они стоят, и поспешно повернул их лицом к хану.

— Ах вы, бестолковые, ах, невежи!.. Кланяйтесь же, кланяйтесь все разом тому, кто сидит перед вами.

Они поклонились, но это вызвало новый взрыв смеха, потому что они кланялись кому попало, только не хану.

Закир попросил прощения у хана и закричал:

— Кому вы кланялись?

— Тому, кто сидит перед нами.

— Чтобы вы все лопнули, как раздувшаяся бочка! Молитесь же скорее! Молитесь!

Все трое подняли руки, но не произнесли ни слова. Немного погодя они стали подталкивать друг друга локтями, приговаривая:

— Ну же, молись ты!..

Но так ничего и не получалось.

Вокруг все хохотали. А Закир, видя, что дело плохо, сам поднял руки на молитву:

— Говорите «аминь», быки!— сказал он.

Все пробормотали: «аминь, аминь», а Закир продолжал:

— Прими, аллах, нашу молитву... Нам не нужны рабы божьи — Бахтиар, Давлят, Бахрам. Вот и возьми к себе души всех троих, избавь людей от этой нечисти, аминь!

Бахрам, Бахтиар и Давлят молились вместе с ним.

Опять все громко расхохотались.

Помолившись, Закир снова обратился к ним:

— Просите же хана! Что, вы так и будете стоять, вытаращив глаза?!

Все трое снова подтолкнули друг друга, перемолвились о чем-то между собой. Давлят сделал знак и что-то сказал сидящим на супе, а Бахрам громко заговорил:

— Как увидели мы эти чалмы, штыки, сабли, очень испугались... Давлят сказал, что все это людоеды. (Смех.) Очень просим, отпустите нас с миром... (Смех.) У нас прямо душа ушла в пятки. (Смех.) Во имя бога, будьте милосердны и справедливы. (Смех.)

— К черту ваши мольбы!— воскликнул Закир, хлопнув себя по коленям.— Удирайте, не то вас тут съедят!

С криком «спасите» все трое разбежались в разные стороны. Бахтиар споткнулся о ноги Давлята и упал, вызвав громкий смех зрителей. Бахрам и Давлят убежали в шалаш... Закир схватил Бахтиара.

— Ой, братец, отпусти меня, не погуби, у меня дети!— захныкал Бахтиар.

— Да не съедят тебя!

— Съедят, братец, непременно съедят. Глянь в глаза вон тому беку? Ой-ой-ой, что за глаза!.. Отпусти меня!

Смех не умолкал.

— Да я же вам просто так сболтнул, будьте вы прокляты!

— Ты, видно, на меня зуб имеешь, братец! Вон тот домулла — настоящий людоед! Он и не разденет, так съест! А коли хочешь знать правду, я и самому хану не берю.

Хохот.

Бахтиар вырвался из рук Закира и покатился колесом в шалаш. Тот помчался за ним и тоже скрылся в шалаше.

Через некоторое время оттуда вышел Давлят, переодетый, с чалмой на голове, в кожаных кавушах, в руках он держал нечто похожее на молитвенный коврик. Поклонившись хану, он сказал:

— Сюда изволил прибыть шейх-уль-ислам Валихан-тура¹.

Хан посмотрел на Валихана-туру, который сидел рядом с домлой Ниязом.

Шейх-уль-ислам, недоумевая, бросил косой взгляд на Давлята, как бы спрашивая: «Что это вы затеяли?» А Давлят, стоявший подле молитвенного коврика, жестом показал, что ничего не случилось и вернулся в шалаш.

¹ Шейх-уль-ислам Валихан-тура был родом из Чуста, он являлся муэдарином новой медресе имени Хаким-аим.

Тут все поняли, что сейчас будет показан Валихан-тура. Зрители оживились, начали перешептываться, перемигиваться, глаза всех были прикованы к шалашу. И пот, в халате из бенаресского шелка, с посохом в правой руке и с книгой, завернутой в узелок,— в левой, вышел из шалаша сам шейх-уль-ислам Валихан-тура (Закир). Он был согбен, как и настоящий Валихан-тура, шел его походкой. Все то и дело переводили взгляд с одного на другого. А сидящий рядом с ханом настоящий Валихан-тура, покраснев, все время повторял: «Помилуй бог!»

Тем временем новоявленный шейх-уль-ислам оставившись, ткнул во что-то, как бы исследуя, концом посоха отшвырнул в сторону и продолжал свой путь.

Все хохотали, засмеялся и сам Валихан-тура, воскликнув: «Помилуй бог!» Закир был его точной копией. Дойдя до молитвенного коврика, он положил свой посох рядом с посохом Валихана-туры, снял кавуши и ступил на коврик. Затем он сел, положил на колени книгу, что-то прошептал, погладив лицо руками, осмотрелся и крикнул:

— Мирза Хамдам, эй, мирза Хамдам!

Тут уж особенно громко засмеялись муллы, окружавшие шейх-уль-ислама.

— Эй, мирза Хамдам!

Из шалаша вышел Бахрам в одежде муллы.

— Что прикажете?— спросил он, подойдя к шейх-уль-исламу и отвешивая поклон. Тот посмотрел на кавуши, стоящие подле молитвенного коврика.

— Вытри-ка мои кавуши, мирза Хамдам.

Мулла, вынув из кармана носовой платок, начал усердно выполнять приказание.

А между тем, из шалаша вышел Бахтиар, тоже одетый как мулла. Подойдя к шейх-уль-исламу, он отвесил поклон.

— Здравствуйте,— приветствовал его «Валихан-тура», оглядев с ног до головы.— Садитесь, молодой человек, садитесь!

Бахтиар сел.

— Ну, что скажешь, сынок?

— У меня... к вам просьба, господин... Наш хан построил медресе... Я жажду овладеть наукой... Пришел из кишлака. Прошу вас, предоставьте мне келью.

— Хорошо... Хорошо... Вы откуда?
— Из Алтыарыка, господин...
— Жаль, жаль,— посетовал шейх-уль-ислам,— опоздали, все кельи уже заняты учащимися.

— А я и со студентами готов жить,— угодливо сказал Бахтиар.— Я из кишлака, тесноты не боюсь, господин!

— Так, так... Сейчас все кельи забиты студентами, некуда потесниться, просяному семечку некуда упасть... Правду говорю, милый...

Настоящий Валихан-тура понимал в чем дело, даже потом покрылся. Бахтиар-студент грустно прочитал молитву и отошел в сторонку. Так называемый мирза Хамдам поплевал на кавуши, почистил их и потом сел напротив своего господина. С другой стороны в это время к Валихан-туре подошел Давлят.

— Здравствуйте, святой отец,— сказал он, снимая кавуши.— Как поживаете, здоровы ли вы, все ли у вас благополучно?

— Слава богу, слава богу!

Не ожидая приглашения, Давлят сел рядом со «святым отцом».

— Просьба у меня к святому отцу...

— Пожалуйста! Говорите!

— По правде говоря, хочу попросить у вас келью святой отец!

— Вот как! Вы откуда?

— Я из Чуста, господин, ваш земляк.

— Чей сын?

— Мастера Мухаммеда, мыловара...

— Хорошо, хорошо,— сказал «святой отец» и приказал «мирзе Хамдаму»:— Отведи келью этому человеку!

Давлят прочитал молитву и ушел. Играя роль учащегося из Коканда, явился на его место Бахтиар. Он так же, как и тот, что пришел из Алтыарыка, получил отказ: «Мы не лжем, у нас просяному семечку негде упасть». И отправился восновяси. Давлят снова пришел в роли просителя из Чуста, и мирзе Хамдаму было отдано распоряжение— «дать ему келью».

Хан и домуплла Нияз хохотали до слез. А Валихан-тура то и дело вытирал испарину.

Закир поклонился хану и пошел к своим «ученикам». Представление продолжалось.

37. ЗАГОВОРЩИКИ

Суровая зима. Январь. В каждой из двух комнат ханской канцелярии поставили несколько сандалов¹. За каждым из них сидят по четыре писаря. Они составляют и исправляют бумаги.

Анвар вызван к хану. Прошло уже полчаса, а он не выходит оттуда. Сидящие за одним из сандалов — муфтий Шаходат, мулла Абдурахман и мирза Калоншах о чем-то тихо-тихо шепчутся. Но вот появляется Анвар, и они, прервав беседу, принимаются за работу.

— Кх-кх-кх-кх, какой приказ получили, мирза Анвар? — спросил, закашлявшись, Шаходат.

— Ничего особенного, — ответил Анвар, присаживаясь к своему сандалу. — Нужно написать письма правителям Оша и Андижана... Брат мой мулла Абдурахман, сколько вы приготовили копий?

Мулла Абдурахман пересчитал бумаги, лежавшие перед ним.

— Три.

— Сделайте еще одну и хватит. Вы не проставили, надеюсь, имени сборщика налогов?

— Не проставил.

— Очень хорошо, я сам проставлю. Закончите поскорее все дела, — есть для вас еще работа. А к вам, таксыр, вот какая просьба, — обратился Анвар к муфтию Шаходату, — придется написать заявление пансаду² Абдушукуру, который вчера приходил. Он все ходит, что-то бормочет, я ничего не понял из его слов. Вы, видимо, лучше знаете, в чем состоит его претензия.

— Пусть не морочит голову, — огрызнулся муфтий. — Сколько раз ни обращался он ко мне за помощью, ни разу, насколько я припоминаю, не заплатил за труды.

— Теперь я ручаюсь, что заплатит.

— Ну, уж если мне не удалось получить, то вам вряд ли это удастся.

— Если не удастся, то заплачу вам из своих денег. Главное. — избавьте меня от него!

¹ С а н д а л — низкий квадратный столик, который ставится над углублением в земляном полу с горячими угольями и сверху накрывается одеялом. Служит для согревания рук и ног зимой.

² П а н с а д — военный чин.

Муфтий промолчал. Анвар углубился в свои бумаги. Тогда Шаходат тихонько подтолкнул своего соседа Абдурахмана, подмигнул ему, улыбаясь — «вот, мол, какие дела». А в улыбке, сопровождавшей этот взгляд, можно было прочитать: «Как видишь, главный писарь даже заявления без нас не может написать». Мулла Абдурахман, подняв голову от бумаг, тоже улыбнулся. Наблюдавший за ними мирза Калоншах сделал руками такой жест, как будто в них зажат карнай, который он с издевкой направил в сторону Анвара. В эту минуту вошел мирза Султанали и пристально посмотрел на Колоншаха.

— Не плохо кривляетесь, поздравляю!

Анвар оторвался от работы и взглянул на Султанали:

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Султанали, улыбаясь, но глаза его горели гневом. — Я пришел за тем документом...

Анвар порывлся в бумагах и вытащил какое-то заявление.

— Ответьте, как я говорил.

— Хорошо.

Выходя, Султанали еще раз посмотрел на забавлявшихся при его появлении писарей. Теперь все трое прилежно работали. Султанали ушел, а через некоторое время Шаходат поднял голову и посмотрел на углубившегося в работу Анвара, затем переглянулся с Калоншахом, и во взгляде его чувствовалась укоризна: «нехорошо получилось», Шаходат покачал головой. Но Калоншах успокаивающе мигнул: «Ничего, мол...» Только мулла Абдурахман не принимал участия в этой мимической игре. И без того бледный, он еще больше побледнел и весь углубился в работу.

По ходатайству Салиха-махдума Абдурахман в конце концов получил должность во дворце. Вот уже три месяца работает он писарем у Анвара, и со второго начал получать жалованье — пять золотых в месяц. Сначала, находясь, как все думали, под покровительством Анвара, он, казалось, служил добросовестно. Но за это же время он сошелся с Шаходатом, Калоншахом и им подобными. Правда, дружбы между ними еще не было, — они все предполагали, что Абдурахман — человек Анвара, и боялись при нем болтать лишнее. Когда же

через месяц ему назначили жалованье, они еще больше уверились в правильности своего предположения. Но поведение Абдурахмана заставило их призадуматься. Так, например, переписывая составленные Анваром бумаги, он обращал внимание на то, что в них отсутствуют арабские и персидские слова и выражения. При этом он, смеясь, приводил арабскую поговорку: «Непоселенная еда».

Муфтии терялись в догадках — искренни эти насмешки над Анваром или нет? Чувствуя себя обиженными, эти завистники, в свою очередь, ввертывали какую-нибудь ядовитую пословицу, делая вид, что говорят просто так, без намеков на ее переносный смысл. Так, иногда Шаходат, якобы устав от работы, говорил, вздыхая: «Лев умирает в лесу от голода, а собаку кормят дичью». Калоншах подхватывал: «Свинья нежится на тюфяке, в то время как мудрецам приходится спать на земле».

Догадывался ли мулла Абдурахман, или нет, над кем они при этом смеются, но на всякий случай хитро улыбался. Так испытывали они муллу Абдурахмана весь второй месяц его работы. Он также не терял времени: путем намеков, жестов, взглядов давал понять, что он их понимает и сочувствует им. Окончательно убедившись в этом, оба муфтия начали открыто привлекать на свою сторону новичка, хотя и пригласил его на работу ненавистный им человек. Постепенно, уверовав в его дружбу, они сделали его своим соучастником.

Как всегда, бумаги, поступавшие из казы-ханы¹, служили главным источником насмешек. Стоило только Анвару за неимением времени поручить кому-нибудь из них ответить на заявление, как они уже пересмеивались, говоря: «Это не по зубам главному писарю».

Так, под влиянием муфтиев, мулла Абдурахман очень скоро забыл добро, сделанное ему Анваром. К тому же и сам он был не прочь посмеяться над ним и, принижая его, испытывал удовольствие.

Анвар хорошо знал, что муфтии любят прохаживаться на его счет, но он не подозревал об участии Абдурахмана в этих разговорах. Обо всем догадался Султанали. Однажды он сказал Анвару: «От муллы Абдурахмана мало проку нам. Было здесь два бешеных пса, нападав-

¹ К а з ы - х а н а — мусульманский суд.

ших на вас, а теперь третьего вы сами сюда привели!»

Анвар обычно уходил с работы последним. В этот вечер все уже разошлось по домам, но эти два муфтия еще оставались в канцелярии. Султанали, также находившийся там, понял, что они не хотят его оставить с главным писарем наедине. Он попрощался и ушел. Лишь тогда они стали собираться.

На дворе было холодно. Снег толщиной в четыре пальца покрыл улицу. Обычный для Коканда, резкий морозный ветер острыми снежинками больно колот лицо. Люди нахлобучивали меховые шапки, наматывали чалмы на лоб и уши, поднимали до носа край халата. По улице бежали с такой быстротой, словно могли упустить, проворонить что-то. Снег и мороз подарили всем кавуши со скрипом. Уж не отличить было обувь баев и беков от обуви бедняков и ремесленников,— и нарядные сапоги и простые кожаные кавуши скрипели одинаково громко. И даже деревянная обувь — на некоторых была и такая — поскрипывала весьма приятно.

38. ДУША БЕДНЯКА

Анвар не бежал, как все, но и он шел быстрым шагом. У кирпичного моста «Гишт куприк», проложенного над речкой, подле небольшого домика на берегу стоял караульщик, укутанный в тулуп. Увидев Анвара, он приблизился к нему, поклонился и сказал:

— Ваша милость, видно, замерзли... У меня разведен костер.

Анвар высунул нос из под халата, улыбнулся и направился к двери, из которой на улицу шел дым. Сторож прошел вперед, открыл дверь, и Анвар последовал за ним в сторожку. Она вся почернела от копоти. На полу посредине помещения горел костер; пламя его вырывалось в отверстие, сделанное в потолке. У костра сидел Султанали, он палкой поворачивал дрова, поправляя пламя.

— Вы тоже окоченели?— спросил, смеясь, Анвар.

— По словам одной женщины, ее душа — мужчина и огонь... Как видно, огонь так же горяч, как объятия пылкого юноши. Ну, подсаживайтесь!

Покоряясь настойчивым приглашениям Султанали и караульщика, Анвар присел у костра на сложенную вчетверо кошму и протянул руки к огню.

— Садитесь и вы! Почему стоите?— обратился Анвар к караульщику, почтительно стоявшему перед ним.

После этого приглашения сторож присел на корточки и подвинул к огню кумган.

— Крепкий мороз!— воскликнул Анвар, немного согревшись.— А вы вышли из дворца и сразу наткнулись на костер.

— Думал, что совсем окоченею, пока домой дойду.— рассказывал Султанали.— Тут, вижу, дым валит из дымохода у Таира-ака, открыл дверь... Здесь просто благодать! Может, это и назойливо, но все же зашел. Что тут такого?.. А вас Таир-ака сам, видно, пригласил? Пожалуй, еще чаем начнет угощать?

Таир еще ближе поставил кумган к огню.

— Сейчас заварим, ваша милость, сейчас. Вода уже закипает... А у нас есть хороший зеленый чай.

— Ну, если сами собираетесь пить,— сказал Анвар.— Для меня не нужно заваривать, я скоро уйду.

— Куда это? Бросать такой хороший костер!

— Домой... А вдруг меня кто-нибудь ждет.

— Да кто это придет в такой холод? Таир-ака, заваривайте чай, мы не отпустим главного писаря!

— Слушаюсь, ваша милость! Пусть они попьют чая бедняков,— сказал Таир, взяв в углу охапку щепок и подбросив ее в костер. Потом он отодвинул от огня кипящий, переливающийся через край кумган и заварил чай.

— Нельзя уйти от такого костра,— сказал Султанали.— Выпейте одну-две пиалы чаю и выслушайте, что скажет Таир-ака.

Анвар улыбнулся. Таир снял с колышка, вбитого в стену, узелок, вынул из него несколько лепешек, горсть катта-курганского кишмиша и положил все это на подносик.

— Бедность, ваша милость,— сказал он извиняющимся голосом, ставя поднос перед Анваром.— Нет у меня достойного вас угощения...

— Ничего... Я люблю сидеть и пить чай вот в такой темной комнате, прямо у костра,— заверил Таира Анвар.

— В этом есть своя прелесть,— подхватил и Султанали.

— Да, да, что-то поэтическое, дервишское,— сказал Анвар.— В детстве, когда я остался сиротой, я жил в точно такой обстановке у моей сестры. Ее муж бедный ремесленник. Зимой в их доме так же жгли костер и мы, сидя у его огня, пили чай. Все это я бережно храню в своей памяти и вспоминаю с любовью.

Таир-ака протянул Анвару глиняную пиалу с чаем. Догорающие щепки в костре вспыхнули напоследок высоким пламенем. В темной сторожке стало светло от рассыпающихся искр.

— Есть у вас семья, дети, Таир-ака?

— Нет, ваша милость! Здесь я живу один... Молюсь за благоденствие народа.

— Таир-ака похож на вас,— рассмеялся Султанали.— Зачем вы свадьбу отложили на весну? Зиму проведете в одиночестве, так же как он. Нехорошо!

— А мне нравится такая жизнь. Зачем заботы на себя брать, не правда ли, Таир-ака?

Таир-ака ворошил палкой в костре.

— Если средства есть, то не худо иметь семью, ваша милость.

— Зачем?

Все еще вороша угли палкой, Таир-ака помолчал. Потом, стряхнув искры, залетевшие в его бороду и усы, он сказал:

— Если бог пошлет ребенка, то на старости лет он подмогой будет.— Таир-ака снова поправил огонь.— А вот у меня нет никого. Мне уже за пятьдесят, ваша милость. Пока силы есть еще, сам о себе забочусь. Но придет время, сил не станет, кто за мной ухаживать будет?.. Могу заболеть, кто мне тогда подаст хоть ложку воды? А когда наступит срок, придет за мной смерть и бог заберет то, что дал мне на время... закроются мои глаза, я умру в каком-нибудь углу и кто об этом узнает? Никто! А если у человека есть дети, такого не случится.

— Ваша правда!— воскликнул Султанали.— Человек не знает, что его ждет. А если есть дети, то есть и надежда.

Анвар призадумался, помолчал. Выпив чай, он протянул пиалу Таиру и сказал:

— Ну что же, женить вас?

Таир-ака благодарно улыбнулся.

— Э, ваша милость,— сказал он,— уже поздновато.

— Почему это?

— Посмотрите на мою бороду, от нее идет запах тления.

— Это не так. Вы выглядите моложе нас.

— Душа постарела, ваша милость, душа,— сказал Таир-ака, прикладывая руку к сердцу.— Душе больше ничего не надо, только покоя... А когда он наступит, неизвестно.

Разговор на этом прервался. Анвар посмотрел иска на Султанали и тот понимающе кивнул головой.

Таир-ака выбирал угли из золы и бросал обратно в костер. Костер потерял свой недавний пыл, тихо колебалось его пламя, чадая синим дымком. Зола вместе с дымом улетала вверх, догоревшие сучья превращались в уголья...

Собеседники, словно сговорившись, молча смотрели на догоравший костер.

39. «О, МУДРЕЦ, ОСТЕРЕГАЙСЯ!»

— По-видимому, муфтии ушли вслед за мной, мир за Анвар?— спросил Султанали.

Неизвестно, дошли ли до глубоко задумавшегося Анвара эти слова, но он кивнул головой.

— Когда я, распрощавшись с вами, вышел на улицу, ваш друг мулла Абдурахман уже ждал их. Видно, собирались продолжить разговор.

Анвар, отрываясь от своих мыслей, нехотя повернулся к Султанали.

— Какой разговор?

— Ну, собственно, не разговор, а сплетни.

Анвар рассмеялся.

— Вы ненавидите муллу Абдурахмана.

— Да ч есть за что. Он ведет себя неподобающим образом: притворяясь вашим другом, он действует как враг.

— Мы не знаем, что у него на душе.

— Во всяком случае, не доброе. Эта ящерица нам не друг.

— Ну и что же?— улыбнулся снова Анвар.

— Скажите, муфтии нам враги или друзья?

— Может быть, и враги. Но мы им не враги.

— Прекрасно! — воскликнул Султанали. — Человек благодаря вам устроился на работу и затем только то и делает, что перешептывается с вашими врагами, целует их в рот и в нос... Что мы должны думать о таком человеке? Он или враг или дурак. Но мулла Абдурахман не дурак, он видал виды — стрелянный воробей! Значит вывод может быть один — он враг. Если нас не убеждают мои слова, обратимся к мудрости шейха Саади, он говорит: «О, мудрец, остерегайся друга, который общается с твоим врагом!»

— Разве я считаю муллу Абдурахмана хорошим человеком?

— Вы, может быть, и не считаете, однако обращаетесь с ним незаслуженно хорошо. Это дает повод наглотать тем жуликам.

— Как же, по-вашему, нужно себя вести? — спросил Анвар, беря с подноса две изюминки.

— Муллу Абдурахмана надо удалить из дворца, пусть себе священнодействует в мечети. Да и для муфтиев найдутся должности в казы-хана.

Анвар засмеялся, покачав головой. Таир-ака оживил костер и расстелил коврик для вечерней молитвы. Султанали встал на место, какое полагается имаму и все трое начали молиться.

Помолившись, все снова присели у костра.

— Разве их трудно убрать? — спросил Султанали.

— Убрать-то легко, но заслуги в этом мало! — засмеялся Анвар. — Ваши слова напомнили мне об одном человеке. Хороший, честный человек... один из прихожан муллы Абдурахмана. Зовут его... ах да, его зовут Сафар, он ткач. Вчера, вернувшись из дворца, я застал его у себя дома. «Пожалуйста, входите, Сафар-ака», — говорю. А он, взволнованный, рассказывает, будто слышал от какого-то приятеля муллы Абдурахмана, что мулла сказал: «Под мирзу Анвара скоро хлынет вода». «Это что значит? — спрашивает меня ткач, вконец расстроенный, — почему под вас может хлынуть вода?» «Ну, — говорю я, — пока подо мной сухо... А если и хлынет вода, вы научите меня ткать?» Он на этот вопрос не ответил, а все повторял то же, что и вы: «Наш имам, грязный сплетник, его надо прогнать!» Ну — как, Султанали, вам по душе эти слова?

— Да, этот человек ваш искренний друг,— уверенно сказал Султанали.— Я убежден, что этот скорпион-мулла, пожравший ящерицу, таит против вас в сердце бог знает какие черные мысли.

Таир, молча перемешивавший в костре угли, вдруг спросил:

— Сафар-ткач, это не тот ли худой, длинный, сутулый, ваша милость?

— Да, он.

— Это мой друг. Мы с ним каждое лето работали поденщиками. Славный малый!

— Ясно,— отчеканил Султанали.— Все ясно.— Абдурахман в злобе и мстительности не уступает вашим муфтиям. Эх, забыть добро, которое ему сделали!..

— Пословица недаром говорит: «Соверши хорошее дело и брось в реку, если его не оценят рыбы — оценит бог». А что сказано у Физули? «Жизнь.— это базар, где каждый хвалит свой товар». Мы тоже свой товар выносим на базар, но муфтии, порывшись в своем сундуке, ничего лучше грязных сплетен не нашли...

— Это так, мирза Анвар, но все же надо вам обороняться от врагов или нет?

— А что мне враги!— рассмеялся Анвар.— Если они хотят занять место главного писаря, я сам им в этом помогу. Я понимаю, вас возмущает их бессовестное поведение. Я тоже не ангел, не с неба свалился, меня тоже злят сплетни, которыми они стараются меня опутать, задевают мое самолюбие. Я тоже склоняюсь к мысли выгнать их из дворца. Но меня кое-что удерживает от этого: во-первых, я не хочу равняться по ним — это унижительно; во-вторых, как посмотрит народ? «Недавно сел на это место и уже выгоняет людей, проработавших тридцать лет». В народе непременно начнутся такие разговоры. Хорошо еще, если они уйдут тихо, спокойно, ну а вдруг обратятся к хану или шоговулу, и те вернут им должности, во сколько раз тогда увеличится их злоба и мстительность?! Что касается муллы Абдурахмана, я вначале был против приглашения его на работу. Но тут, как я вам уже говорил, вмешался один человек, которому нельзя было отказать... и я был вынужден принять его. Мулла Абдурахман стал на сторону грязных людей, и от него легко будет избавиться... Но, по-моему, все же не следует. Конечно, не стоило брать его, но раз уж так вышло,— а он и

трех месяцев еще не проработал,— как его уволить? Очень неловко! Его грязное прошлое мы не можем уже исправить, в конце концов, каждый ест то, что выбрал.

Насчет муфтия Султанали не нашел возражений, но на увольнении Абдурахмана настаивал.

— Хорошо,— говорил он,— пусть муфтии портят воздух еще какое-то время, но муллу не оставляйте! Увольнение этого червяка послужит хорошим уроком для остальных.

Анвар усмехнулся.

— Вы что-то сильно невзлюбили моего «друга».

— Да, да,— строго сказал Султанали.— Если вы не уберете хотя бы его, то уйду я. Мне противны были рожи муфтиев, теперь же, лицезрея еще третьего подлца, я совсем выхожу из себя.

Султанали не шутил. Анвар понял, что перечить ему уже нельзя.

— Хорошо,— сказал он,— если вы считаете необходимым, то избавимся от него.

— Отлично!— обрадовался Султанали.— И еще одно пожелание: с завтрашнего дня переведите меня к себе. Тогда муфтии не смогут с утра до вечера сплетничать, гримасничать, бездельничать.

— Это тоже можно,— снова рассмеялся Анвар.— Бедные люди! Они в мое отсутствие отводили душу, а вы и этого хотите их лишить. Вот угнетатель!

Султанали оставался по-прежнему серьезным.

— Если они так поступают, то и мы ответим тем же.

Друзья стали собираться. Анвар вынул из кошелька золотой и протянул Таиру. Тот взял было монету, но тотчас вернул ее обратно, говоря:

— Стыдно мне, стыдно брать!

— Это не для вас,— сказал Анвар, отводя руку Таира,— вы купите на эти деньги дров, изюму, а если хватит, то и чаю. Когда мы придем к вам с мирзой Султанали, вы разведете для нас еще больший костер...

— Да у меня и так все, что нужно для вас, найдется.

Анвар денег обратно не взял. Таир-ака бросил вопрошающий взгляд на Султанали, словно советуясь — что делать? Тот мигнул, как бы отвечая: «Возьми и поблагодари!»

Таир-ака прочитал молитву и друзья ушли.

40. МАЛЕНЬКИЙ ЛАЗУТЧИК

Вот уже несколько дней, как Сафар-ткач повеселел. «Это благодаря мне мулле Абдурахмана выгнали с работы,— думал он, посмеиваясь.— Такой надутый, важный человек размяк, как лепешка, упавшая в воду. А теперь пусть-ка по одежке протянет ножки».

Встретив на улице зобатого Самада, он ему сказал: «А под главного писаря и впрямь вода пошла... Ты оказался прав, Самад!»

Дело в том, что насчет воды, которая якобы течет под мирзу Анвара, говорил как-то Сафару Самад. Теперь он смутился, покраснел: «Я не так понял тогда, плохо слышал...»— начал было он и старался обратить все в шутку. А Сафар продолжал: «Как говорится, пока снимут голову барану-вожаку, тысячи овец потеряют свои... Передай это своему имаму».

Самад промолчал.

Как только Сафар узнал о том, что мулла Абдурахман во дворце больше не работает, он решил навестить мирзу Анвара, да никак не мог собраться — работа не пускала. Наконец выдался день посвободней, но он подумал: «Нет, сегодня среда — не стоит. До пятницы, когда я совсем не занят, да и мирза не работает, осталось всего два дня. Вот послезавтра я к нему и пойду».

Сафар-ткач закончил работу незадолго до вечерней молитвы. Несмотря на стужу, он совершил омовение ледяной водой и, закрутив кое-как бязевую чалму на голове, помчался в мечеть. Выйдя из крытого коридора, ведущего во двор мечети, он увидел, как из одной кельи вышли вместе Шаходат, Калоншах и мулла Абдурахман. Сафар твердо знал, что муфтии работают во дворце. Неужели они хотят вернуть туда мулле Абдурахмана? Он почтительно встал у порога, скрестив на груди руки, дал им пройти вперед и последовал за ними. Проходя мимо Сафара, мулла Абдурахман бросил на него такой взгляд, что Сафар подумал: «Видно, и муфтиев прогнали с работы, как мулле Абдурахмана, вот они собрались все вместе позлословить насчет мирзы Анвара...»

Суфи кончил читать молитву, мулла Абдурахман встал перед молящимися. Все почтительно поклонились ему. Но когда мулла произносил слова молитвы, Сафар

вместо того, чтобы стоять, благоговейно склонив голову, смотрел на обоих муфтиев и думал: «Как уродлив тот, с бородой, похожей на кетмень, а по лицу другого видно, что он совсем растерялся... мулла обеспокоен, как птица, у которой вывелись птенцы... Верно, они все трое точат зубы на мирзу Анвара!.. А может, наоборот, пришли, чтобы утешить муллу или помирить его с мирзой?.. Но нет, лучше уж мирзе не мириться с муллой, если он может из-за пустяка долго таить обиду».

За этими мыслями Сафар и не заметил, как молитва окончилась; впрочем, поклоны он отбивал усердно.

После фатыхи народ начал расходиться, но несколько человек, в том числе и Сафар, сохраняя приличие, стояли не двигаясь, пока из мечети не вышло все духовенство. Лишь после того, когда суфи потушил свечи, они двинулись к выходу. Выйдя во двор, Сафар увидел, что одна келья освещена, оттуда вышел мальчик лет одиннадцати с пестрой скатертью.

Сафар прошел в крытый коридор и остановился. Вскоре мальчик из кельи поравнялся с ним. Он пропустил его вперед и пошел вслед за ним. Мальчик шел по правой стороне улицы, дом Сафара стоял на левой, но он продолжал следовать за мальчиком.

— Эй, сын Шукура-суфи! — окликнул Сафар мальчика.

Мальчик остановился. Сафар подошел к нему.

— Ну, идем! Тебя ведь зовут Маматкул, да?

— Да!

— Ты знаешь моего Аскарбая, Маматкул?

Мальчик недоуменно смотрел на Сафара.

— Аскарбай — мой товарищ, разве вы не знаете?

— Да, да! Ты и сам, мне кажется, хороший малый... Что ты делал в мечети?

— Я был в келье у имама, наливал ему чай. К нему гости пришли, важные муллы.

— Да, да! А куда ты теперь идешь?

— Я к имаму домой, принесу оттуда плов гостям.

— Да ты настоящий помощник! Ну принесешь плов, а потом, наверное, снова станешь чай подавать?

— Да. Буду прислуживать, пока гости не уйдут.

— Правильно! А когда пришли важные муллы?

— Вот как отец стал созывать на молитву, они и пришли. А сейчас чай пьют, я подавал.

Шагов десять Сафар прошел молча.

— Ты хороший мальчик, Маматкул... А о чем эти почтенные дядюшки говорили?

— Они еще ни о чем не говорили.

— Маматкул, тот, кто выслушает и запомнит их разговор, прямиком попадет в рай. Ты послушаешь, о чем они говорят?

— Да... Отец тоже сказал, что это богоугодное дело.

— Молодец, Маматкул! Непременно послушай! Если хорошо послушаешь, потом придешь ко мне и расскажешь, о чем они говорили, я дам тебе десять полушек.

Маматкул, пораженный, смотрел на ткача.

— Правда, дядюшка Сафар?

— Конечно, правда, Маматкул, — сказал Сафар, позванивая монетами в кармане бязевого халата. — Слышишь, монеты звенят. Если ты выслушаешь разговор гостей и потом перескажешь его мне, то получишь десять полушек.

— Вечером я боюсь идти к вам.

— Чего ж ты боишься, Маматкул? Твой друг Аскар и ночью не боится.

— Я собак боюсь.

— Дурачок! На нашей улице собак нет. А к тому же можешь дожидаться утра, если уж ты так боишься... Если имам отправит тебя из комнаты, ты выполняй приказание его, но незаметно подойди к окошечку и слушай!

Маматкул улыбнулся каким-то своим мыслям и утвердительно кивнул головой.

— Если наберешься храбрости, то сразу после их ухода приходи ко мне, я буду ткать в мастерской. Тут же и получишь десять полушек, Маматкул. Сделаешь, да? Ты же ничего не теряешь.

— Хорошо, — сказал мальчик, сворачивая в узкую улочку.

Сафар некоторое время постоял, глядя вслед мальчику, потом повернул назад. Он решил на другой же день отправиться к Анвару и принести ему свежие новости. Вероятнее всего, что и муфтии — враги главного писаря и должны быть изгнаны из дворца. Занятый этими мыслями, он пришел наконец домой. Там его осыпала упреками Тухта-биби, так как сваренная ею к ужину лапша перестоялась настолько, что превратилась в кашу.

41. «А ВАШИ МЕДЯКИ НЕ СТЕРТЫЕ?»

Обычно раннюю утреннюю и вечернюю молитвы Сафар ходил читать в мечеть. Остальные — полдневную предзакатную, ночную — за недостатком времени читал дома. Но сегодня он не пошел вечером в мечеть еще и по особым причинам. Маматкул, торопясь получить свои десять полушек и увидев его там, мог выболтать о подслушанном разговоре при посторонних.

После ужина Сафар отправился в свою мастерскую. Он зажег подле станка коптилку, связал оборванные нити основы, разобрал и расчесал спутавшиеся нити, опрыскал их изо рта крахмалом, снова расчесал и начал их обмахивать, чтобы скорее просохли. Наконец основа заправлена в станок: из старой тюбетейки Сафар вынул шпульки с намотанными на них нитками, поднялся на станок и, отодвинув назад бердо, заправил челнок.

Коптилка едва освещала станок. Сафар, с его сутулыми плечами и впалой грудью, словно слился со станком в одно целое. Каждый нажим на подножки станка сопровождался звуком «чич-чац». Под этот напев челнок сновал из стороны в сторону; утök тянул за собой основу, и через определенные промежутки времени станок производил по четыре вершка бязи.

Сафар один раз в сутки заправлял нитки, этим определялось его ночное рабочее время; а коптилка как бы служила часами: масла, налитого вечером, как раз хватало на этот срок.

Сафар намотал готовую ткань на круглый валик и посмотрел, в порядке ли основа; затем он положил под язык насвай и прислушался, не идет ли кто по улице. Он все еще надеялся, что прибежит Маматкул. Ничего не услышав, он заложил в челнок новую шпульку и снова принялся за работу. Тухта-биби сидела в ичкари и веретенем наматывала нитки на шпульки. Намотав кучу шпулек, она наполнила ими широкий рукав платья, принесла их в мастерскую, молча выложила шпульки в тюбетейку и собрала пустые шпульки.

— У меня ноги озябли,— сказал Сафар,— согреться бы...

— Развести огонь?

— Вот спасибо! Хватит нескольких щепочек!

Тухта-биби ушла, а Сафар быстро-быстро, словно рассердившись на что-то, заработал ногами, нажимая на подножки. Челнок так и сновал туда и обратно, туда и обратно...

Минут десять продолжалась напряженная работа. Вдруг челнок сразу остановился, Сафар прислушался. Во дворе скрипнула наружная дверь и послышались легкие шаги. Держа челнок в руках, Сафар усмехнулся. Еще два-три шага — и дверь в мастерскую отворилась.

— Молодец, Маматкул, молодец, молодец! Дверь закрой, ну же!

Маматкул прикрыл за собой дверь, поднес ко рту озябшие руки и начал согревать их своим дыханием.

— Озяб, Маматкул? Сейчас разожжем огонь... А я все храню твои десять полушек, думаю, вот придет Маматкул, и я ему их отдам...

В эту минуту дверь приоткрылась и снова закрылась.

— Заходи, Тухта, заходи, здесь Маматкул.

Тухта вошла с охапкой дров в руках и взглянула на мальчика.

— Это ты, Маматкул! — воскликнула она. — Что ты пришел так поздно? Твоя мать здорова? Все ли у нас благополучно?

Маматкул кивнул ей головой и посмотрел на Сафара.

— У него ко мне дело есть, — сказал Сафар. — А ты разведи огонь поскорее, видишь он озяб.

Тухта-биби бросила дрова в углубление, где разводили костер и разожгла их лучинкой, загоревшейся от копилки.

— Молодец, Маматкул! — сказал Сафар-ткач. — Так ты, сынок, проводил их и пошел ко мне? Молодец! А приходил к ним еще кто-нибудь?

— Нет...

— Вот как... Значит мулла не сказал тебе «уходи!»

— Я еще два раза кипятил чай. А если бы меня не было, кто бы это сделал?.. Я подавал им чай и слушал, о чем они говорят.

— Молодец, молодец! — все повторял, смеясь, Сафар. Он посмотрел на Тухту-биби, говоря: «Джигит должен таким быть, а наш Аскарбай тоже ведь джигит». Ну-ка, Маматкул, подсядем к огню, согреемся и побеседуем.

Они присели на корточки подле костра. Сафар

снял кавуши, чтобы получше согреть ноги.

— Тетушка, Аскарбай спит уже? — спросил Маматкул.

— Спит, — ответила Тухта-биби и, унося пустые шпульки, спросила мужа: — Намотаю эти шпульки, хватит на сегодняшнюю ночь?

— Наматывай, там посмотрим.

Тухта-биби вышла из мастерской. Сафар посмотрел, улыбаясь, на мальчика. Маматкул ответил ему улыбкой, но почему-то тут же вздохнул, взглянув на карман, в котором Сафар держал деньги.

— Ну, умница Маматкул, говори!

Маматкул задумчиво и нерешительно поднял глаза.

— Все слова у них не книжные... Большой мулла читал Коран, но я...

Сафар сообразил, что смущает мальчика, и, смеясь, сказал:

— Ты не понял, жаль! Ну, расскажи хотя бы то, что понял.

Маматкул вздохнул с облегчением и невольно вновь взглянул на карман Сафара.

— Если не расскажу о книжных словах, деньги все равно дадите?

Сафар, смеясь, достал деньги из кармана и раскрыл ладонь.

— Конечно, дам. Вот видишь, из них десять — твои!

— Дядюшка имам... — начал рассказывать Маматкул, а глаза так и впились в монеты, — дядюшка имам сам был главным писарем во дворце. А потом один человек, не мулла, а какой-то неграмотный, сел на его место... Он сказал про дядюшку имама, что тот плохо пишет, и дядюшку имама прогнали... Там есть еще человек по имени Али. Это он говорил плохое про дядюшку имама...

Сафар перебил Маматкула:

— Кому он говорил дурно про муллу?

— Вот тому, неграмотному... После этого они и прогнали имама. А теперь они хотят прогнать и других. Этот неграмотный очень плохой человек, они говорят... Вот муллы и пришли к дядюшке имаму посоветоваться, что делать.

Маматкул говорил, все время поглядывая на деньги в руке Сафара.

— Деньги не стертые, Сафар-ака?— наконец спросил мальчик.

Сафар засмеялся и, отделив пять полушек, протянул их Маматкулу.

— Да вот, посмотри сам.

Маматкул взял деньги и внимательно оглядел их со всех сторон.

— Как будто не стертые... Сафар-ака, а на одну полушку дадут десять пайса халвы?

— Дадут! Ну, деньги положи пока в карман. Остальные получишь, когда кончишь рассказывать. Ну, значит большие муллы пришли советоваться...

— Да! А если я завяжу деньги в поясной платок, они не потеряются!

— Подожди завязывать... Получишь еще пять полушек, и спрячешь все вместе.

Маматкул подбросил деньги, лежавшие у него на ладони, они зазвенели, а он, поживаясь, занял:

— Ноги у меня совсем занемели.

— Не сиди на корточках.

Маматкул сел как следует, поджав ноги под себя, но продолжал хныкать:

— Как иголками колет...

— Оставь ты, потерпи, рассказывай дальше. Сейчас все пройдет.

— Правда?— Маматкул поглаживал свои ноги.— С вами тоже так бывает, Сафар-ака? Так вот, большой мулла взялся за бороду и стал грозиться: «Попадетса он в силок»,— говорит.— Дядюшка имам сидел задумчивый, а потом... Ой, ноги колет, Сафар-ака!..

— Сейчас пройдет. Дальше, дальше...

— Дальше? А, я вспомнил! Дядюшка имам еще говорил, что этой весной он должен жениться.

Сафар-ткач прервал Маматкула:

— Кто это он?

— Ну тот, неграмотный... которого они все ругали... А вы все спрашиваете да спрашиваете... Дядюшка имам сказал, что, по слухам, невеста очень красивая. Вот, говорит, надо постараться, чтобы о ней узнал хан. А другие муллы сказали: «Хорошо придумано! Очень хорошо!»— Маматкул замолчал, видимо что-то припоминая, и добавил:— Они еще сказали, что Гульчин все устроит.

Сафар повторил эти слова:

- Гульчин, говорят, все устроит?
 Маматкул заколебался:
 — Я не совсем расслышал. Гульчин, а может быть, Гульчий?.. Нет?
 — Ну, еще что?
 — Все.
 — Только и всего?
 — Да, все. Ведь когда я выходил во двор, чтобы налить чай, я не слышал, о чем говорят.
 — Ну, ладно. А потом они ушли?
 — Ушли. И мне дядюшка имам велел идти домой... Вы бы дали мне денег, я бы их завязал все вместе.
 Сафар, смеясь, отдал ему остальные пять полушек.
 — Никому не рассказывай, что я тебе дал деньги, хорошо? И о разговоре у имама не рассказывай, богу не нравится этот разговор... Ты не боишься идти домой один?
 Маматкул подумал мгновенье, завязал монеты в пояс и, крепко держа этот узелок, пустился бежать, ничего не ответив Сафару.

42. ХИТРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда Сафар прошел в ворота, из ичкари вышла нарядно одетая женщина. Он впервые видел такую красавицу в таком роскошном наряде, и пока она закрывала лицо, он все глядел на нее и не мог оторваться. Под этим впечатлением он вошел и в михманхану. Анвара там не было, а сидел какой-то чужой человек. Это был Султанали. Сафар поклонился ему, Султанали ответил на поклон и пригласил сесть. Сафар сел и, немного помолчав, спросил, где мирза Анвар. Султанали сказал, что он ушел к одному беку и скоро вернется, затем он осведомился, по какому делу пришел Сафар.

— Особых дел у меня к его милости нет, я только искренне молюсь за его благополучие... и мне захотелось просто повидать мирзу.

Султанали знал, что Анвар по доброте души, многим оказывает благодеяния, и принял Сафара за одного из многочисленных просителей. Однако говорил он с ним приветливо, и Сафар-ткач, видя к себе теплое отношение, почувствовал расположение к Султанали.

Помолчав немного, Сафар опять заговорил:

— Дай бог, чтобы удача всегда сопутствовала мирзе!

Душа-человек, хороший человек! С нами, бедняками, он дружит так же, как и с вами. Ко всем одинаково относится.

Султанали удивился. Как-то не вязались эти притязания на дружбу с мирзой Анваром со скромными словами, сказанными Сафаром раньше.

— Да, так!.. Мирза Анвар со всеми одинаков! А чем вы занимаетесь? — спросил Султанали.

— Я ткач, ваша милость. Но мирза не сторонится меня, хоть я всего лишь только ткач. Это и располагает к нему, ваша милость. А вот старейшина нашей махалли, например, тот никогда с нами не поговорит. Истинная правда, ваша милость.

«Истинная правда», — эти слова рассмешили Султанали.

— Вы правильно рассуждаете. Как вас зовут?

— Я человек маленький, из тех, что живут в укромном уголке, вперед не вылезают... Каков я, таково и мое имя. Я не столь знаменит, как купец Алим-кавок¹, которому достаточно назвать себя, чтобы его все узнали.

Султанали снова засмеялся. Ему очень понравилась «истинная правда» ткача. Он испытывал к нему дружеское чувство.

— А вдруг я узнаю, кто вы, если назоветесь, — в раздумье проговорил Султанали. — Вы — ткач, говорите? Не вы ли это на прошлой неделе кое о чем рассказывали мирзе Анвару?

— Возможно. Ведь когда у меня случается свободная минута, я прихожу к мирзе.

— Вы не из прихожан ли муллы Абдурахмана?

— Вот-вот-вот! Точно так, господин.

— Если не ошибаюсь, вас зовут Сафар?

Ткач даже засмеялся от радости.

— Вот как, значит мирза говорил обо мне?

Султанали, тоже смеясь, сказал:

— Вы прибеднялись, говорили: я не знаменитый купец Алим-кавок, никто меня не знает... А оказывается вас знает и главный дворцовый писарь, и курбаши², и дахбаши³.

¹ Алим-кавок — знаменитый в ту пору купец, привозивший из-за границы товары для Худояр-хана.

² Курбаши — начальник городской охраны.

³ Дахбаши — староста города или района.

— Виноват, виноват я, оказывается, не знал себе цены.

Так смеясь и остря, они все больше и больше сближались. Через некоторое время им показалось, что они уже давние друзья. Султанали стал называть ткача просто по имени. Он спросил его, как себя чувствует в последнее время мулла Абдурахман. А Сафар выразил свою радость по поводу его увольнения и сказал, что мулла ходит позеленевший от злости.

— Раз уж он ни на что не способен, думаю я, стоит ли ему греметь, как пустой чайник, привязанный к хвосту. Кривому пню пристал кривой топор. Правильно поступил с ним мирза.

— Да, — сказал смеясь Султанали. — Что-то он теперь говорит людям? До вас не доходило?

Сафар почесал правый глаз, потом начал рассматривать свои кривые ногти.

— Об этом я ничего не слышал... Но, знаю, что он плохой человек.

— А чем он плохой?

— Чем?.. — Сафар продолжал смотреть на свои ногти. — Да что говорить, он хочет погубить мирзу. Раньше он был просто недругом, а теперь обиженный враг...

Честная, бесхитростная душа Сафара стала постепенно раскрываться все больше, выдавая свои тайны. Слова «обиженный враг» заставили Султанали насторожиться.

— Я работаю с мирзой Анваром, Сафар-ака, и между нами нет никаких тайн. Вспомните, зная вас только понаслышке, я сразу сказал о вашем разговоре с мирзой Анваром...

— Я понял это, господин?

— Если поняли, почему вы боитесь говорить со мной? — сказал Султанали с упреком в голосе.

— Нет, нет, братец вы мой, ей богу...

— Так почему же вы не рассказываете откровенно все, что знаете о мулле Абдурахмане?

— Я же сказал, что он дурной человек.

— Это я и без вас знаю. Но, видно, вы и меня считаете плохим человеком. Ну, ну, хорошо, дождемся мирзу Анвара. Вы ему расскажете, а я тогда пристыжу вас.

Сафар-ткач расхохотался и, шутя погрозив пальцем Султанали, сказал:

— Откровенно вам скажу: хитрый вы человек...

Эта наивная характеристика рассмешила Султанали.

— А вы еще хитрее!— ответил он.

— Я хотел самому мирзе рассказать все, что узнал.

— Вы ему и скажете, но не плохо, если и я об этом узнаю. Так что же намерен предпринять «обиженный враг»?

— Обиженный враг,— рассмеялся Сафар и, подумав, ответил:— Вы работаете во дворце и, наверное, знаете там двух чванливых муфтиев.

— Как же, знаю, есть там такие... Они из тех, кто за плату выдадут справку от имени бога в том, что дохлый ишак вполне свеж и съедобен. Да, они из тех... Ну и что же?

— Вот здорово вы сказали! Так оба эти муфтия пришли позавчера в гости к мулле Абдурахману...

Сафар рассказал все, что нам уже известно. Султанали был захвачен этим бесхитростным рассказом о том, как был подслушан разговор муфтиев с муллой Абдурахманом.

— Мальчик, ваша милость, говорил путано. Как видно, мирза Анвар собирается жениться на какой-то девушке. Она красива и пройдохи решили подсунуть ее хзну в гарем. Человек, таящий злобу, готов на любую пакость.

Султанали даже в лице переменился, резче выступили морщины, широко раскрылись глаза.

— Неслыханное дело!.. Ну, продолжайте же.

— Это почти все, что удалось узнать от мальчишки. Да, вот еще что,— сказал Сафар, немного подумав:— Придя к такому решению, они добавили: «Это проделает Гульчин». Я так и не понял, кто это. Может, мальчик что-то напутал или муллы говорили по-таджикски? Я ведь неграмотный, разных там их слов не знаю...

Неизвестно, чем поразили Султанали слова Сафара, но только он вдруг глубоко задумался. Сафара это взволновало, он стал почесывать лоб и, прищуриив глаза, старался по выражению лица Султанали понять, что именно его обеспокоило.

— Когда все это было?— спросил, наконец, Султанали.

— Позавчера, ваша милость.

— Значит прошел только один день, четверг?

— Да, да.

Сокрушенно покачав головой, Султанали рассказал

Сафару о том, что мирза Анвар собирается весной жениться на дочери хозяина этого дома и враги, видимо, хотят унижить его и опозорить.

— Спасибо вам, Сафар-ака, — сказал Султанали, — за то, что вы рассказали о кознях, которые задумали враги мирзы Анвара. Я его друг и очень вам благодарен. Но прошу вас пока ничего не говорить об этом самому мирзе. Пусть это останется между нами, ведь, если он узнает, это его сильно огорчит. Очень прошу вас!.. Сначала нужно расстроить замыслы этих подлецов, а потом уже сказать ему. И действовать нужно быстро, чтобы они не успели нанести ему удар... После этого, пожалуй, можно и ему все рассказать. А сейчас я еще до прихода мирзы Анвара кое-куда схожу по этому делу... Впрочем, могу даже сказать, куда собираюсь пойти. Дело в том, что мальчик неправильно расслышал слово «Гульчин». Они сказали: «Это проделает Гульшан». А Гульшан — это имя женщины, гаремной сводни... Она разыскивает красивых девушек для хана. Они хотят прибегнуть к помощи этой женщины, чтобы побольней отомстить Анвару. Нельзя терять ни минуты, я должен немедленно пойти к этой женщине. Теперь вы поняли, как обстоит дело, Сафар-ака?

— Понял, дорогой, понял!

— Значит договорились — ни слова мирзе Анвару, пока все не закончим, — настойчиво повторил Султанали, вставая с места. — Ну, я пойду пока не пришел мирза, а то он меня задержит. Если он спросит у вас, где я, скажите, что меня кто-то вызвал, хорошо?

— Хорошо. Но не лучше ли и мне уйти?

— Нет, оставайтесь! Объясните ему, почему я ушел, как мы договорились. А в следующую пятницу непременно приходите сюда же. Я вам расскажу, чего удалось добиться, и мы вместе с мирзой все обсудим. Идет?

— Идет!

Султанали распрощался с Сафаром и быстро вышел из михманханы.

43. ХРОМАЯ ПТИЦА

Махдум на айване наворачивал чалму вокруг головы. Вдруг он увидел, что в крытом коридоре появилась ка-

кая-то женщина и сказал Рано, сидевшей с вышиваньем у сандала:

— В коридор вошла женщина, узнай, дитя мое, что ей нужно.

Рано подошла к женщине, которая стояла к ней боком.

— Здравствуйте...

Женщина ответила Рано на приветствие, отошла подалее в конец коридора и поманила девушку за собой. Рано обратила внимание на богатую шубу женщины. Подойдя к ней, она снова поздоровалась.

— Скажите мне, милая, это дом Насиббека?

— Нет, — улыбнулась Рано, — мы его соседи.

Женщина окинула Рано взглядом с ног до головы.

— Ох, беда! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — Ошиблась я и вас понапрасну обеспокоила. Но уж раз так случилось, не худо бы познакомиться. Чей это дом?

— Салиха-махдума.

— Ах, как неловко получилось! И надо же было мне ошибиться! Значит я попала в дом почтенного махдума? А вы кем ему приходитесь?

— Я... дочь его.

— Да благословит вас бог. А как зовут?

— Рано... Да вы зайдите, пожалуйста, в дом.

— Спасибо, Рано-хон... Дом Насиббека справа или слева от вас? Где его дверь?

— Первые ворота слева.

— Спасибо, Рано-хон!

Женщина все стояла, пристально глядя на девушку. Рано смутилась, опустила глаза. Женщина наконец попрощалась, чему-то улыбнулась и двинулась к выходу. На улице ей тут же повстречался Сафар-ткач.

Прощавшись с женщиной, Рано вернулась в ичкари, а махдум, нарядившись в халат, спустился с айвана. Справившись о том, кто приходил, он отдал дочери хозяйственные распоряжения, так как Нигор-аим с утра ушла в гости к родственникам, и в доме осталась одна Рано.

— Мать придет поздно, приготовь обед пораньше!.. Хабба! Готовь только на себя и на Анвара. Я ведь на свадьбу иду, там наемся, да и мать придет неголодная.

Уже уходя, он снова остановился:

— А братца Анвара спроси, что ему приготовить... так-то лучше будет, дочь моя!

Рано кивнула головой. Махдум ушел, а она вернулась на айван и снова занялась вышиванием. Но вскоре свернула работу и сняла с полки книгу. Но и книга ее не развлекла. Почитав немного, отправилась на мужскую половину. Подойдя к двери, ведущей в сад, она услышала голос Анвара, который с кем-то прощался. Рано в ожидании стояла у двери. Вскоре Анвар, как ей послышалось, направился в ичкари. Рано улыбнулась и спряталась за дверь. Не успел он пройти и двух шагов, как раздалось:

— Здравствуйте!

Услышав этот нежный голос, Анвар сделал вид, что очень испугался и стал плевать во все стороны¹.

— Из меня прямо дух вон... Что это все значит, девушка?

— Это значит, что я вас испугала.

— Ах, вот как! А что ты тут делаешь?

— Я хотела спросить, что вам приготовить на обед?

— Спроси у отца.

Рано объяснила, что отец ушел на свадьбу и поручил ей позаботиться обо всем.

— Как приятно, что мы с тобой одни на весь дом,— сказал Анвар улыбаясь.— Пойду-ка закрою ворота.

— Да... запирайте ворота!

— Рассердилась, милая! А ты не думаешь о том, что если я войду в ичкари, то михманхана останется без призора!

Рано сделала вид, что недовольна.

— Я пришла не за тем, чтобы звать вас в ичкари, а спросить, что вы будете есть!

— Я понимаю... Но хочу, чтобы ты не скучала.

— Я и не буду скучать!.. Что вам приготовить?

— Да, в самом деле, что бы такое заказать? — в раздумье сказал Анвар.— Лапшу режешь плохо, плов у тебя слишком разваренный получается, самсу печь не умеешь, лагман² так перевариваешь, что уж лучше прямо есть болтушку, а о мантах и говорить нечего... И ты еще

¹ По узбекскому обычаю, испугавшись, принято отплевываться, чтобы отогнать беду.

² Лагман — суп с лапшой и мясом.

осмеливаешься спрашивать — «что приготовить?» Любопытно!

— Ну, если я такая неспособная, то готовьте себе сами.

— Да и я не умею хорошо готовить, потому и помалкиваю. Но если мы возьмемся за дело вместе, то, может быть, нам и удастся что-нибудь сделать... Ты иди, милая, разведи огонь, а я буду резать морковь и лук, хорошо?

Рано, молча, как будто все еще сердясь, ушла в ичкари. Анвар, улыбаясь, проследовал на мужскую половину дома.

И вот Рано развела огонь и моет котел для плова. Анвар, сидя на маленькой суфе подле очага, режет морковь. Девушка все еще сердится и не отвечает на его вопросы, а когда он говорит что-нибудь смешное, она отворачивается, чтобы он не видел ее улыбку.

— Правду говорят, что, имея дело с женщиной, не трогай ее очаг и прялку... Ты, конечно, еще не женщина, но род твой все же женский... Как резать морковь, мелко или крупно? Правда ли, нет ли, давным-давно жила-была девушка... Попал ей как-то в глаза дым и она горько заплакала. Спросили, почему она плачет, оказывается, потому что дрова сырые... Ух, сердитая была девушка!.. Эй, ты, смеясь, не отворачивайся. Ой, дай тряпку, руку порезал.

Рано кинула быстрый взгляд на его руку и, увидев, что он шутит, продолжала делать свое дело.

— Вот какая девушка: руку порежешь — и то не верит. Осторожно, милая моя, волосы сгорают.

Рано откинула косы за спину, подошла к очагу, налила масла в котел и положила перед Анваром мясо и лук.

Нарезав мясо, Анвар продолжал ее дразнить.

— Эй, скажи-ка, девушка, когда же твоя свадьба? Не нравятся проза — спросу стихами:

— Звукам сладостного пенья,
Дням весеннего цветенья,
Наслажденья, упоенья,—
Им придет черед, Рано?

Рано улыбнулась и посмотрела искоса на Анвара,

потом уставилась глазами в какую-то точку и замерла.

— Ну на прозу не смогла ответить, а на стихи как?.. Впрочем, и смешон же я,— сказал Анвар.

Рано продолжала сидеть молча, не обращая внимания на шутки Анвара. Но вот она повернулась к нему лицом:

— Долго ль слушать мне намеки,
От которых рдеют щеки?..
Домогательства, упреки —
Им конец придет, Мирзо?

Так сказала Рано и тут же добавила:

От знакомого порога
В чужедальнюю дорогу,
Удаляясь понемногу,
От меня уйдет Мирзо?

И снова:

Потирая лоб рукою,
Благовзвучною какою
Поэтической строкою
Удивит вот-вот Мирзо?

Анвар даже растерялся от этого потока стихов..

— Да, вот это девушка — настоящая цыганка!.. — воскликнул он.

Рано, мешая угли в очаге, посмотрела на Анвара снизу вверх и улыбнулась.

— Ответ!

Анвар призадумался.

— Непонятно мне: стыдлива
Иль кокетлива на диво,
Та, что, как звезда, красива?..

Анвар запнулся — никак не мог подыскать рифму к последней строке. Все слова, приходившие ему в голову, были бедны, похожи на те, что уже произнесла Рано.

Как он ни бился, ничего не выходило, тогда он рассмеялся вместе с Рано.

— У вашей птицы есть голова и два крыла, а ног нет,— сказала она.

— Этого довольно! Имея голову и два крыла, птица может летать, а больше ей ничего не нужно.

— О, нет! Птице ноги нужны! Взлетит она в небо, полетает и устанет... Захочет сесть на дерево, а без ног не сможет. Вот и упадет на землю, а там ее кошка съест.

Рано заливалась смехом, даже слезы появились на глазах, длинные ресницы смежились. Лицо ее от смеха и тепла покраснелось и было похоже на румяное яблоко, тонкий носик покрылся капельками пота, похожими на жемчужинки.

Анвар ничуть не огорчился своим поражением. Он готов был сто раз потерпеть такое же, чтобы увидеть Рано, похорошевшую от смеха и от восторга, который ей доставила ее победа.

44. «МЕШОК ПОТЕРЯЛИ?»

Султанали явился в махаллю «Кушбеги» и прошел в ворота одного дома. Миновав темный коридор, он постучал во внутреннюю дверь. Кто-то крикнул «сейчас», и тогда он отошел назад. Вскоре из ичкари вышел человек лет сорока, в наброшенном на плечи бекасамо-вом халате, в рубаше, надетой на голое тело, в кавушах на босу ногу. Поклонившись Султанали издали, он вдел руки в рукава, поплотнее завернулся в халат и подошел здороваться.

— Входите, ваша милость,— сказал он.

Этого человека звали Холбой, он был мужем Гульшан, женщины, умеющей добывать деньги. Этот брак принес ему сытую, спокойную жизнь. День и ночь валялся он, ничего не делая. Все доставляла домой жена, он только готовил обед и подметал двор. В других семьях обычно жены вели хозяйство, а мужья зарабатывали деньги; в семье Холбоя все было наоборот.

Гульшан не оказалось дома, она ушла во дворец. Узнав об этом, Султанали совсем упал духом; он стоял и о чем-то напряженно думал.

— Вы уверены, что она пошла во дворец?— спросил он.

— Сначала ей надо было куда-то зайти. Если обстоятельства там сложились удачно, она оттуда пошла во дворец, если нет — то вернулась бы домой. Поскольку ее до сих пор дома нет, думаю, что она во дворце.

— Вы знаете, куда она собиралась зайти?

— Не разобрал, ваша милость.

Султанали почувствовал такую усталость, словно долго бежал. Пятясь, он сел на лавочку и провел рукой по лбу.

— Приходил к ней кто-нибудь вчера?

— Приходили, но меня в это время дома не было.

Султанали даже в лице изменился, он смотрел в растерянности то на потолок, то вдоль коридора на улицу.

— Когда она вернется, скажите, что я приходил и снова приду. Пусть сидит дома и с места не двигается. У меня к ней важное дело есть. Слышите?

Заручившись обещанием Холбоя, Султанали ушел. Быстро шагая по тем же кривым улицам и переулкам, какими пришел сюда, он оглядывал всех встречных женщин с ног до головы. Дойдя до базара, он услышал призыв на молитву. По направлению к мечети потекли толпы людей в чалмах, только он, позабыв пятничную молитву, мчался куда-то сломя голову... Пройдя улицу, на которой жил Салих-махдум, он вдруг в раздумье остановился и повернул обратно. Ворота дома Салих-махдума были приоткрыты. Михманхана оказалась на замке, значит на мужской половине дома никого не было. Султанали остановился подле калитки, ведущей в сад, и заглянул в щель. Удостоверившись, что женщин в саду нет, он шагнул туда и потихоньку дошел до ичари.

— Мирза Анвар, эй, мирза Анвар,— крикнул он.

Он кликнул Анвара еще несколько раз и лишь тогда услышал, что кто-то подошел к калитке. Он снова позвал Анвара, и женский голос ему ответил:

— Его нет.

— А где он?

— Ушел в мечеть на пятничную молитву.

Султанали вздохнул, казалось, с облегчением и, глядя в землю, спросил:

— Могу ли, не ожидая его, справиться у вас, сестра? Приходила сюда какая-нибудь женщина?

— Нет. Впрочем, была одна, но она попала к нам по ошибке.— ответила Рано (это была она).

У Султанали потемнело в глазах, он нахмурился.

— Зашла по ошибке?

— Да.

— Когда это было? Сколько времени прошло?

— Да-а... утром...

Султанали сокрушенно покачал головой и, поблагодарив Рано, ушел. На улице он, как говорится, не чуя ног под собой, бросился бежать. Полторы версты до дворца он пробежал в пятнадцать минут, так что, несмотря на мороз, он обливался потом. Остановившись подле первых дворцовых ворот и заговорив с привратником, он опустился на маленькую супу, вытирая пот со лба.

— Вы, господин, мешок потеряли, что ли?— спросил, смеясь, один из привратников.

— Похоже на то!.. А что, его величество вышел к пятничной молитве?

— Не выходил.

Султанали, делая вид, что отдыхает, молча посидел на супе.

— Проходила какая-нибудь женщина в гарем?— спросил он, наконец.

— Да не одна. Их пять или десять прошло,— рассмеялся привратник.

Султанали улыбнулся через силу и снова устало опустился на супу. Больше он ничего сделать не мог. Два часа пробегал понапрасну,— с горечью подумал он, поникнув головой, из кожи вон лез, чтобы Абдурахман и компания не достигли своей грязной цели. Как тяжело ему при мысли, что мирза Анвар может быть унижен и опозорен этими людьми! Мучила его также мысль, что он явился причиной увольнения Абдурахмана. «Если бы я не настаивал на удалении его из дворца, не требовал этого от Анвара, они бы не мстили ему». Он был уверен, что Анвар не попрекнет его ни словом, но на душе было от этого не легче. Как смотреть теперь Анвару в глаза? Раздираемый этими мыслями, он открыл калитку в воротах и вошел внутрь. Оставив в сто-

ровне прямую дорогу, начал прогуливаться по заснеженным клумбам прошлогоднего цветника.

Под стенами крепости внутреннего дворца взад и вперед шагали вооруженные часовые.

Долго прохаживался Султанали и, наконец, добрел до левого дворцового крыла. Подойдя к одному из часовых, он поздоровался с ним, поговорил о том о сем и повернул к восточной части дворца. И здесь он перемолвился словечком с беками, охранявшими ворота. На вопрос — «Что делаете вы здесь в пятницу?», он ответил: «Слышал я, что его величество собирается сегодня развлекаться!»

Посидев немного, Султанали отправился к северной части дворца. Там на холме, над недавно выстроенным склепом, который предназначался для ханской семьи и гарема, в окружении черных мальчиков-рабов забавлялся луком и стрелами Урманбек.

Султанали почтительно поклонился юному наследнику хана, присел у склепа и прочел молитву, следя при этом все время за играющими детьми. Окончив молиться, он присел на айван у карыханы¹. Урманбек закладывал лук в стрелы и стрелял. Они взлетали вверх и падали где придется. Мальчики-рабы собирали стрелы и подносили их Урманбеку. Одна из стрел упала к ногам Султанали. Он поднял ее и стал расправлять на ней перья. В это время подбежал один из маленьких черных рабов и молча протянул руку за стрелой. Но Султанали поднял стрелу повыше, так, чтобы тот не мог достать.

— Дайте стрелу, господин, не то его милость рассердится.

Султанали, словно играя с мальчиком, продолжал высоко держать руку.

— Ты знаешь Гульшан-ану?

— А что? Дайте стрелу.

— погоди, пострел! Пришла Гульшан-апа сегодня в гарем?

— А что, если пришла?

— Когда кончится игра, позови мне Гульшан-ану!

Слышишь?

— Хорошо!

¹ Карыхана — келья, где читают заупокойные молитвы.

Протянув кончик стрелы мальчику, Султанали, однако, не выпустил ее из рук и посмотрел на часовых, прохаживавшихся вдоль крепости.

— Так позовешь, сынок, да?

— Сказал, что позову!

— Ты знаешь меня?

— Вас? Знаю, вы писарь, ваша милость.

Султанали отдал стрелу, и маленький раб побежал к своему господину. Глядя на часовых, Султанали подумал, что они еще беспечнее его. Ведь попытка связаться через мальчика с гаремом была чревата опасностями. Если бы об этом кто-нибудь узнал, его подвергли бы серьезному наказанию.

Урманбек еще немного пострелял, а затем, бросив лук и стрелы на землю, прошел в ворота гарема. Маленькие рабы последовали за ним.

Султанали, проводив взглядом детей, снова прочел молитву по умершим и медленно-медленно вышел из дворца.

45. «ФАТЫХА — ПЕЧАТЬ ВСЕВЫШНЕГО»

Махдум знаком остановил учеников, громко читавших вслух, вскочил и побежал во двор, куда вошли в это время два знатных бека. Низко им поклонившись, он открыл дверь в михманхану.

— Пожалуйте, ваши милости, пожалуйте.

Махдум недаром растерялся: беки были из приближенных хана. В михманхане все сели, а махдум, стоя и сложив руки, торжественно сказал:

— Добро пожаловать!

Гости почтительно привстали.

— Да осенит господь вас благодатью, ваши милости. Тысяча вам благодарностей за то, что удостоили своим присутствием нашу скромную обитель.

Беки поблагодарили махдума, и один из них, по имени Абдурауф-тункотар, взглянув на своего спутника, сидящего рядом, начал излагать цель их прихода.

— Нас к вам прислал его величество хан. Он оказывает вам великую честь...

Махдум привстал и поклонился, хотя и был весьма растерян, так как совсем не представлял себе, в чем могла заключаться эта «великая честь».

Тут заговорил второй бек, Мухаммед-Шариф-дастарханчи¹.

— Не всякий бывает удостоен такой чести... Его величество изъявил желание быть вашим зятем, и нам поручено принести эту благую весть.

Махдум снова привстал, но голос ему уже не повиновался и он молчал.

— Его величество узнали, что у вашей милости есть дочь,— сказал Абдурауф-тункотар,— и изволили сказать: «Если человек сумел воспитать такого ученого, как мирза Анвар, он, наверное, вырастил умную, хорошую дочь». Нам поручено сказать, что и ваша дочь будет окружена таким же почетом, какого удостоили мирзу Анвара. Конечно, не приходится объяснять, сколь дорого и ценно подобное расположение хана...

— Спасибо, спасибо! Дай бог, чтобы приумножились богатства его величества!— пораздумав, ответил махдум.— И если бы у меня была не одна, а сто дочерей, то и тех бы я счел своим долгом отдать в рабыни его величеству хану... Однако у моей дочери есть пороки и недостатки... Есть и другие обстоятельства, ваша милость!

— Безгрешен только бог,— сказал тункотар,— раб божий всегда грешен, но и всегда его можно простить за это.

Махдум кивнул головой и помолчал, опустив глаза.

— Передайте мою нижайшую просьбу его величеству, пусть он простит меня, но, во-первых, я ничтожный, слабый, бедный раб его величества, не достоин оказанной мне чести, во-вторых, может ли моя простенькая неученая дочь разделить ложе его величества?! Рабыня, она недостойна этого, она не может быть равной великому хану. Мы не имеем права воспользоваться теми милостями, которыми осыпает нас высокий покровитель, мы того не стоим!

— Его величество глубоко уважает людей науки, это и равняет вас с ним, ваша милость.

Бек начал пространно говорить о высоких благах, которые принесет расположение хана. Махдум молчал и только согласно кивал головой.

¹ Тункотар, дастарханчи — высокие должности при ханском дворе.

— Да, конечно, да, конечно... — бормотал он. — Я верный раб его величества! Однако есть еще одно обстоятельство, которое очень смущает меня, несчастного. Я уже обещал отдать свою дочь... мирзе Анвару. Вот это и заботит меня больше всего!

Услышав это, Абдурауф-тункотар посмотрел на второго бека, а тот рассмеялся и махнул рукой:

— Это пустяки! Мирза Анвар свой человек, он предан его величеству. Узнав обо всем этом, он только обрадуется.

— Дай-то бог!

— Мы сейчас пойдем и доложим его величеству о том, что вы возносите за него свои молитвы и что вы согласны... И, несомненно, это весьма обрадует его величество! — сказал Мухаммад-Шариф-дастарханчи, отрезая все возможности возразить что-либо, и продолжал: — Ну, конечно, назначить день свадьбы мы предоставим самому хану. А теперь прочтем фатыху. Фатыха — это печать всевышнего.

Абдурауф-тункотар воздел руки к небу, и махдум, вконец растерянный, последовал его примеру. После фатыхи оба «свата» встали и тут же собрались уходить. От всего происшедшего с такой стремительностью у махдума закружилась голова, он даже забыл, что еще хотел сказать посланцам хана. А это и было самое главное. Но как ни напрягал он свою память, провожая беков до ворот, он ничего не мог вспомнить. И только уже прощаясь с ними, он вдруг воскликнул: «Хабба!» Да, это действительно было важно: он хотел, чтобы о сватовстве рассказали Анвару сами сваты. Они охотно согласились, заверив махдума, что проведут все дело деликатнейшим образом и его имя не будет затронуто.

Проводив высоких гостей, махдум вернулся в михманхану. Голова его уже не варила, он никак не мог разобраться, хорошо ли, плохо ли то, что сейчас произошло. Но на душе было скверно: он не то жалел Анвара, не то просто стыдно было перед ним. Мысли путались: то он думал, что лучше было бы раньше устроить свадьбу, то вспоминал, что ему предстоит сделаться тестем хана, а это — немаловажная честь. Так все время, думая то об Анваре, то о хане, он никак не мог обрести спокойного состояния духа и закрыл михманхану.

Увидев махдума в дверях школы, дети начали повторять урок. Но махдума сейчас раздражал шум, ему нужна была тишина, чтобы со всех сторон обдумать неожиданное дело. Войдя в комнату для занятий, он сел на свое место и приказал ученикам замолчать. А когда все затихли, он сказал: «Вы свободны». Детям не пришлось повторять это дважды: они поклонились учителю и мигом исчезли.

Махдум сидел неподвижно и думал, думал... От мыслей об Анваре по-прежнему свербило на душе, но его уже окрыляли мечты. Стать тестем хана совсем неплохо. Можно получить большой калым¹. А если бог пошлет внука, возможно, что именно он станет наследником хана. Сама судьба вмешалась в это дело, потому что и была отложена свадьба Анвара и Рано. Это судьба предназначала Рано стать женой хана. И все же радужные надежды и мечты не могли прогнать предчувствия какой-то беды, которое овладело его душой. Это было мучительно, и махдум вдруг разозлился на Анвара: «Кто ему велел отложить свадьбу до весны! Он и вообще-то вечно медлит. А теперь, когда хан посватался, кто посмеет отказать хану!» — думал он. Наконец, немного успокоившись, махдум представил себе кубышку золота — калым, уважение и почет со стороны народа и... А вдруг он еще встанет рядом с управителем страны, молодым престолонаследником-внуком, — подумал махдум и улыбнулся.

Он постепенно приходил в себя, все больше и больше радуясь свалившемуся, словно с неба, счастью. Видя во всем происшедшем доброе предзнаменование, он отгонял от себя тревожные мысли об Анваре. Его уже не беспокоило мнение домашних относительно неожиданного предложения хана. Он сообщил им об этом со счастливым видом. Нигор-айм восприняла эту весть трагически и пролила немало слез, а Рано, читавшая в это время рубайи Хайяма, упала без чувств.

— Бедный Анвар уже свыше десяти лет кормит и одевает нас, и вот какова наша благодарность! — воскликнула сквозь слезы Нигор-айм. — А бедняжка Рано будет сто первой женой, окруженной сотней соперниц!

¹ К а л ы м — выкуп за невесту.

Рано застыла в полном отчаянии. И лишь махдум, обзвав жену и дочь дурами, ушел, весьма довольный самим собой.

46. НАСТОЯЩИЙ ДЖИГИТ

Напомним, что накануне Султанали поручил мальчику-рабу вызвать Гульшан, а сам вышел из дворца. До вечера, поджидая ее, бродил он вокруг дворцовых стен. Вскоре после предзакатной молитвы из дворца вышло несколько женщин, среди них была и Гульшан.

Султанали поздоровался со всеми — он знал всех женщин, бывавших во дворце — и отвел в сторону Гульшан. Из разговора с ней он выяснил, что все потеряно; к тому же враги усугубили свое грязное дело: мулла Абдурахман, придя к Гульшан, сказал, что его к ней направил Салих-махдум, даже денег ей прислал, чтобы она получше выхваливала его дочь перед ханом.

— Я уже несколько месяцев не выискиваю девушек для хана, — сказала Гульшан, — но тут решила помочь человеку. Чтобы не попасть впросак, я сначала решила взглянуть на девушку. Она мне понравилась, и я пошла к хану. Не очень-то мне этого хотелось... Но, Султанали, откуда же я могла знать, что она просватана за мирзу Анвара, что кто-то хочет мстить ему! Только во сне могло присниться! Теперь все кончено, не могу же я пойти к хану и очернить девушку, которую я вчера только ему хвалила. Если мирза Анвар хочет жениться, то я знаю немало красивых девушек... Я виновата перед ним и постараюсь найти ему хорошую невесту.

Как говорится, арбуз выпал из рук Султанали. С ненавистью думая о мулле Абдурахмане и его друзьях, он попрощался с Гульшан и ушел. Целый день он носился как угорелый, но он не чувствовал усталости, им владело лишь одно чувство — гнев на то, что победа досталась подлецам. Он не мог без боли думать о том, какое страшное впечатление произведет на Анвара с его тонкой и нежной душой эта вражеская месть. Он боялся, что Анвар, возмущенный предательством хана, не умеющего ценить людей, бросит службу во дворце.

Но, как говорит Гульшан, дело сделано. Теперь неминуемо хан станет зятем Салиха-махдума, ничего не поделаешь! Да и все равно теперь, сообщать или нет

эту новость Анвару, он так или иначе узнает. Но от кого? Долго думал об этом Султанали и, наконец, пришел к заключению, что должен сам сообщить это Анвару. Был все же один шанс из ста за то, что трагедии можно избежать. Возможно, если он поставит в известность Анвара, тот найдет выход из положения. А, может быть, все это вообще не имеет для него большого значения. Наконец, если и сильно его заденет, то благодаря предупредению удар потеряет свою силу, и он легче перенесет его.

Встав утром, сотворив намаз и не позавтракав с семьей, Султанали отправился в дом Салиха-махдума.

Анвар только было собрался идти во дворец.

— Ну, как же так можно! Почему вы ушли вчера, не дождавшись меня?—спросил он обиженно, когда Султанали вошел в михманхану.

— Меня вызвали... Но ведь остался Сафар-ака.

Анвар, все еще с обиженной миной, спросил, завтракал ли Султанали. Тот ответил, что будто бы ночевал неподалеку у родственников, напился у них чаю и вот по пути зашел к Анвару.

Друзья вышли вместе. Пройдя шагов двадцать по улице, Анвар, улыбаясь, посмотрел на Султанали.

— Когда вы вторично зашли к нам вчера, о ком вы спрашивали?

Султанали почесал лоб.

— А вы были дома, когда я вас звал?

— Я был дома,— рассмеялся Анвар и молча прошел несколько шагов.— А если и не был, то вас все равно узнали. Когда мне рассказали о вашем приходе, я очень удивился и вот с тех пор недоумеваю: кто же эта женщина, которой вы интересовались? В чем тут дело?

— Да пустяки...

— Ну все же!

Султанали шел некоторое время молча. Он был доволен, что разговор складывался благоприятно.

— Такая история... Может, вас она немного и касается, но в общем, пустяки... Так что же, рассказать?

— Конечно, расскажите! Я очень был обеспокоен вашим неожиданным посещением.

— Вам просто ничего сказать нельзя,— рассмеялся Султанали.— Иглу вы принимаете за верблюда, а соломинку за бревно.

— Это я-то?! Хорошо же, пусть будет даже всемирный потоп, скажу, что вода мне по щиколотку... Рассказывайте же!

Султанали старался говорить в полушутливом тоне, начал он с того, о чем рассказал ему Сафар-ткач. В головах, мол, у бедняги Абдурахмана и у муфтиев только низкие мысли, они вынашивают замысел мести Анвару.

Теперь Анвар понял, почему у него в последние дни беспокойно на душе. Его предчувствия подтвердились. Слушая о том, как Сафар с помощью мальчика узнал о заговоре, Анвар посмеялся над Абдурахманом, чем немного облегчил Султанали его трудную задачу. Но когда дело дошло до разговора с Гульшан, Анвар изменился в лице, веки его затрепетали. Впрочем, он скоро овладел собой и выглядел совсем спокойным.

— Ничего страшного,— сказал он, махнув рукой.— Я не представлял себе, что они могут пойти на такую подлость, но мести от них ожидал... Ничего особенного Султанали-ака!

Султанали, видно, не придавал значения особым интонациям в голосе Анвара и продолжал говорить в том же полушутливом тоне.

— Эти ишаки в чалмах скачут, пока не дорвутся до хлева. Просватанную девушку они хотят подсунуть хану, и этим думают отомстить мирзе Анвару. Глупцы! Они надеются, что мирза Анвар не найдет себе жены! Да ведь все девушки страны расчесывают свои косы для мирзы Анвара. Если вы хотите, то разве не сможете стать зятем главного казия, шоговула или других таких же высокопоставленных лиц! Смешно смотреть на этих глупцов, которые хотят камнем убить льва.

— Ничего страшного!..

— Молодец, Анвар! Я часто сердился на вас, на ваше хладнокровие... Теперь я вижу, что это хорошая черта. Не поймите меня превратно, Анвар! Низость и злоба этих муфтиев и копейки не стоит. А девушка?.. Девушка — это такая вещь, которая для вас всегда найдется.

— Конечно!

Удивительно держал себя Анвар. На его лице не было и следа волнения. Султанали всячески старался его утешить, и Анвар коротко отвечал ему, кивал головой, как бы соглашаясь со всем, что он говорил.

Вместе вошли они в ханскую канцелярию. Несколько

писарей уже сидели за работой. Анвар поздоровался с ними и, как ни в чем не бывало, приветствуя Шаходата, спросил его о здоровье. Султанали не мог без отвращения даже глядеть на муфтиев. Он поразился выдержке Анвара, сказав про себя: «Настоящий джигит!»

Это была правда: сердце Анвара умело не только любить, у него были и другие достоинства.

Султанали работал теперь в одной комнате с Анваром, сидел рядом с Шаходатом. Анвар разобрал пришедшие сегодня бумаги, заявления передал худайчи, а остальные поделил между писарями. Каждый занялся своим делом, и наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом камышовых перьев да шелестом бумаг. Так продолжалось около часа. Затем начались разговоры. Шаходат подсел ближе к сандалу и положил рядом бумагу и перья.

— Мулла Навруз, оказывается, низкий человек, — начал он, — его дело так поразило меня, что я со вчерашнего дня не могу успокоиться.

— Низкий, низкий, — подтвердил Колоншах.

Султанали бросил взгляд на Анвара, но тот углубился в работу.

— Не откликнуться на просьбу столько людей — только негодяй мог так поступить! Пришел час, твой сын скончался, какое же отношение имеешь ты к нещам невестки, спрашивается?! Нет, это бесчеловечно.

— А как может негодяй быть человечным?

Султанали улыбнулся, поглядев на муфтиев.

— К нему пришли люди от обеих сторон, объяснили ему, а он ничего и слышать не хотел, так они без толку и проторчали... Хоть бы угостил их чем-нибудь, не разорился бы, жадюга! Позор на его голову!

— Я тоже никак не подозревал, что мулла Навруз таков! — подхватил Колоншах. — Он поправил все человеческие чувства.

Султанали побледнел, веки его затрепетали.

— Интересные разговоры ведете, господа, — неожиданно сказал он. — Разве в наш век еще есть человеческие чувства? Если поразмыслить, то придем к выводу, что все мы начисто отвергли их! Оставим других в покое, можем ли мы в себе найти хоть каплю человечности, господа!

Муфтии были поражены нетерпеливо-нервным тоном Султанали, прервавшего их «приятный» разговор. Анвар посмотрел на своего друга, но не встретился с ним взглядом, так как глаза Султанали уже снова были прикованы к бумагам.

— Странный вы человек, Султанали,— сказал Шаходат.— Мы говорим об одном, а вы кипятитесь совсем по другому поводу.

— Я, как и вы, говорил о человечности. Что-то ее у нас не видно! Вот я и жаловался на это!

— Интересно! Вы где-нибудь наблюдали бесчеловечность с нашей стороны? Вы, видно, голову потеряли!

Анвар пытался поймать взгляд Султанали, но тот повернулся теперь лицом к муфтиям.

— Конечно, с вашей бесчеловечностью я еще не сталкивался,— язвительно сказал он.— Однако, проверяя самого себя, я увидел, что даже в течение одной этой недели я несколько раз готов был совершить преступление. Этим и объясняются мои слова. А до других мне дела нет, господа!

Муфтии побледнели и вместе, разом, словно сговорившись, посмотрели на Анвара, покачивая неодобрительно головами, как бы жалуясь на Султанали.

— Султанали-ака,— сказал Анвар просительным тоном,— видно, вы и впрямь потеряли голову, как говорят эти господа. К чему эти разговоры?! Делайте, ради бога, свое дело и успокойтесь.

Потом Анвар посмотрел, улыбаясь, на муфтиев, как бы предлагая им не обращать внимания на Султанали.

Шаходат, пробормотав что-то под нос, принялся за работу. Султанали, подчиняясь Анвару, тоже улыбнулся и начал писать. Все работали, и снова воцарилась тишина.

Вечером, как обычно, писари разошлись; сначала ушел Султанали, а за ним последовали и муфтии. Анвар ушел позже всех. Перед самым выходом он встретил Абдурауфа-тункотара. Тот шутливо взял его за руку и повел за собой во внутренние покои, в самую дальнюю комнату.

— Чем могу служить вашей милости?— спросил Анвар.

— Дело в том, что мы сегодня допустили некоторые вольности по отношению к вам.

— Хорошо... Могу я узнать в чем дело?

— Его величество послал сегодня нас в качестве сватов к вашему учителю, Салиху-махдumu. Придя к нему, мы узнали, что его дочь просватана за вас. Но мы надеемся, что для нашего благодетеля хана вы уступите...

Анвару эти слова терзали сердце, но он собрался с силами и сказал:

— Только и всего?

— Да, вот именно это, мирза Анвар.

— Пустяки! Можно было меня и не спрашивать.

— Благодарю, Анвар. Я доложу о вашей преданной покорности его величеству!

— Нет, нет!— запротестовал Анвар, покачав головой.— Ни в коем случае не говорите! Ни в коем случае!

— Почему же? Пусть его величество знает, как вы ему преданы.

Анвар неопределенно усмехнулся.

— Не говорите, я не хочу, чтобы вы ему это сказали,— подчеркнул он.

Вместе вышли они из канцелярии.

Небо было сплошь покрыто черными тучами. Знаменитый кокандский ветер распустил крылья. Пониже туч проносились вороны, даже не взмахивая крыльями. Временами накрапывал дождь.

Тем временем Анвар дошел до моста и стал беспокойно обдумывать, где бы ему провести эту ночь...

47. ПИСЬМО

Махдум вернулся домой после вечерней молитвы и увидел, что дверь в михманхану открыта. Поняв, что Анвар там, он прошел прямо в ичкари.

Нигор-айм тем временем принесла в михманхану чашку плова. Голова опущена, ресницы слиплись от слез — Нигор-айм пребывала в глубокой печали. Анвар вставил в эту минуту зажженную свечу в подсвечник. Нигор-айм расстелила скатерть, поставила плов перед Анваром и разрыдалась. Анвара это нисколько не удивило, он знал причину ее слез.

— Не плачьте! Можно ли идти наперекор судьбе? Не нужно печалиться. Вы ведь не хотели того, что произошло?

Нигор-аим ничего не ответила и, плача, поспешила выйти из михманханы. Анвар, сидя подле сандала, поел немного плова, вытер руки, натянул на себя одеяло и глубоко вздохнул.

Огонь свечи дрожал, как сердце несчастного влюбленного, и едва освещал михманхану. По лицу Анвара пробегали дрожащие тени, и потому казалось, что и лицо его тоже дрожит. Кругом стояла тишина, и только редкая дробь дождя за окном, да ветер, бившийся по временам о ставню, да кошачье мяуканье, доносившееся иногда с соседней крыши, нарушали ее.

Порыв ветра, проникший через щели ставни, едва не погасил свечу. На мгновенье михманхана погрузилась в темноту, и в ту же минуту из ичкари послышались чьи-то шаги. Анвар вышел из задумчивости, открыл глаза, потянулся к чашке, стоявшей на сандале и прислушался к шагам. Кто-то проходил мимо михманханы. Анвар сообразил, что это махдум направляется в мечеть к ночной молитве. Не вставая с места, он поставил чашку в нишу за своей спиной. Вскоре из ичкари снова послышались шаги; вот они все ближе, ближе... И наконец появилась Рано, с чайником в руках. Смятенное лицо, глаза красные от слез, веки опухли.

Опустив глаза, она поставила подле Анвара чайник, взяла из ниши пиалу, сполоснула ее чаем, вытерла, снова сполоснула, подала Анвару и вдруг зарыдала, упав головой на сандал.

— Рано, Рано!— взволнованно сказал Анвар.— Ты ведь не ребенок! Еще ничего не произошло.

Рано всхлипывала, не поднимая головы. Анвар утешал ее, успокаивал.

— Ну, что ты плачешь, Рано? Разве слезы чему-нибудь могут помочь? Ты и меня заставишь плакать. А ведь если вдуматься, я и должен лить слезы, а не ты. Но я не плачу. А почему? Да потому, что слезы — самое последнее дело... Я не люблю плакс... Встань, душа моя, встань!

Анвар погладил Рано по голове, потом взял ее лицо в обе руки и поцеловал.

— Если хочешь, чтобы я тебя разлюбил, тогда плачь! Ты вся умылась слезами, Рано! Дай-ка, я вытру твое лицо. Очнись, соберись с мыслями, будь умницей и послушай, что я тебе скажу!

Рано отвернулась, вытерла слезы головным платком и глубоко вздохнула.

— Слезами горю не поможешь! Никогда! Опять у тебя слезы на глазах... Ну хорошо, ты плачь, а я помолчу, Рано!

Девушка снова вытерла лицо.

— На, Рано, выпей,— сказал Анвар, налив ей чаю в пиалу.

Рано покачала головой — не хочу, мол, но Анвар заставил ее взять пиалу.

— Хоть немного отпей!

По настоянию Анвара Рано сделала два-три глотка. Анвар вышел в переднюю и вернулся с тазиком и кувшином, наполненным водой.

— Вымой лицо, Рано,— сказал он, подойдя к ней.

Он полил ей на руки, она умылась. Потом Анвар подал Рано полотенце, сняв его с колышка, вбитого в стену, и она вытерла им лицо.

— Вот и хорошо! Теперь поговорим как следует. А к чему слезы?

Рано вздохнула с некоторым облегчением. Даже улыбнулась Анвару, смотревшему на нее с полуулыбкой.

— Ну, улыбнись еще разок, Рано!

Но она вдруг резко ответила:

— Сейчас не до смеха...

— Если сейчас не до смеха, то и слезам еще не время!

Анвар сел, продолжая говорить:

— У тебя есть чудесный ларчик, это твое маленькое сердце. Он полон драгоценностей, но сегодня злая судьба забросила туда грубый камень, твое сердце не выдержало этой тяжести, и ты расплакалась. Я тоже был потрясен, но, как видишь, не плачу. Ты спросишь, почему? Да потому, что ничто не вытеснит из моего сердца драгоценного бриллианта, которым оно владеет. Не так ли у тебя, Рано? Теперь разберемся в происшедшем. Все это исходит не прямо от самого хана. Хан большая скотина, он способен на любую мерзость. А вокруг него копошится всякая мелкая нечисть, всегда готовая совершить пакость. Однако руки у них коротки, чтобы самим на это решиться. Но так как они одержимы вечным беспокойством, то щекочут эту скотину — подстрекают хана совершать подлости... Может быть,

ты помнишь муллу Абдурахмана, который к тебе сватался, так вот, говоря словами поэта:

Со мной расстался, не добившись толку,
Но на своем стоит, надеясь втихомолку.

Как ты знаешь, по настоянию твоего отца я взял Абдурахмана на работу. А он спелся с моими врагами и начал действовать против меня. Я его удалил из дворца, и он принялся за свои козни. Но разве они смогут разлучить нас?! Никогда! Что значит физическая разлука перед нашей духовной связью! Ее порвать не удастся подлецам! Так стоит ли плакать, Рано? Люди думают, что настоящая любовь, ее вершина — в соединении любящих. Но это не так: истинная любовь проверяется в разлуке. Соединение влюбленных гасит пламя их любви, а разлука всегда раздувает его, доводит чувство до совершенства. Что из этого выберешь ты, Рано?

Опустив глаза, Рано крутила бахрому от скатерти. Анвар повторил свой вопрос.

— Я выбираю второе... Но я не лягу на грязную постель хана!

Анвар сидел молча, ответ Рано потряс его.

— Этого и я не хочу!.. Но подлецы отрезали все пути. Рано... есть еще время подумать... Если ты найдешь выход, я склоню перед тобой голову. Не допущу, чтобы ты лила слезы... стала жертвой этого животного! И не плачь, будь умницей, действуй, а я...

Анвар оборвал на полуслове, в дверях михманханы появился махдум:

— Рано, иди в ичкари! Что ты тут делаешь в такой поздний час?

Анвар вздрогнул. Он сделал Рано знак, — «иди», но Рано не тронулась с места.

Махдум промолчал и ушел. Анвару стало очень тяжело. Как бестактно поступил махдум! Неужели он не понимает, как это обидно для Анвара? Своим повелительным окриком он налагал запрет на обычные вечерние встречи молодых людей. К тому же он явно избегал встречи с Анваром и подчеркнуто не зашел в михманхану. Это тоже наводило на размышления.

Печальное лицо Рано выразило вдруг гнев и отвращение.

— Совесть у него нет!— воскликнула она.

— Не печалься, не сердись,— сказал Анвар.— Ну, пока, кажется, все обговорили...

Рано посидела еще немного, помолчала, потом ушла. На глазах ее снова заблестели слезы.

Когда утром Нигор-аим принесла в михманхану чай, Анвара там не оказалось. И на сандале лежало развернутое письмо:

«Дорогая тетя!

Вы заботились обо мне с самого детства. Немало трудностей доставил я и его милости — махдуму. За все это я не смог вам отплатить как следует. По известным вам причинам я вынужден отказаться в дальнейшем от ваших добрых забот обо мне. Все мое достояние, как, например, золотые, находящиеся у вас на хранении, я отдаю вашей семье. Я копил их на свадьбу вашей дочери и прошу истратить их по назначению, на ее свадьбу.

Если кто-нибудь станет меня искать, скажите, что я во дворце.

Надеюсь, что вы, по своей доброте, простите все мои прегрешения.

Анвар».

48. НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

Сваты от хана пришли вторично, чтобы назначить день свадьбы. Решено было отпраздновать ее в будущую пятницу в доме махдума. После свадебного обряда Рано должна была переселиться во дворец.

На следующий день после договоренности о дне свадьбы хан прислал подарки: триста золотых и роскошные одежды для невесты, стоимостью в ту же сумму. Махдуму была пожалована должность управителя всеми школами страны.

Купаясь в ханских милостях, махдум ни разу не вспомнил об Анваре, исчезнувшем три дня назад. Что-то пробурчав насчет «глупости и неблагодарности» Анвара, он на этом и успокоился. Успокоилась немного и Нигор-аим. Иногда при мысли об Анваре что-то сверлило сердце, но в предсвадебной суматохе и она поневоле забывала о нем.

Рано! Вот чье горе было поистине велико. Приблизжалась трагическая развязка. К тому же вот уже три дня, как ничего не известно об Анваре! Он сказал: «Соединение любящих убивает любовь, разлука доводит ее до совершенства»... Неужели он совсем покинул ее? А, может быть, его оскорбило поведение махдума? Все равно он не должен был так поступить! Ведь она так сильно нуждается в утешении, в помощи, больше, чем когда-либо. Он всегда был ее мудрым, добрым советником и вдруг, именно теперь, в эти тяжкие дни, он поступил так жестоко. Рано совсем высохла от горя, даже в прекрасных ее глазах не было уже и слезинки.

И вот во вторник, за два дня до свадьбы, назначенной, как нам известно, в пятницу, Рано сидела у сандала и думала о том, что до этой страшной пятницы осталось всего два дня. Только два дня! Ни о чем другом она не могла думать. Она словно стояла на краю пропасти и пятилась, пятилась назад в ужасе перед надвигающимся четвергом — кануном пятницы, а там... Потом врывалась мысль об Анваре и сердце ее наполнилось обидой на него: покинул ее в такие трудные дни! О, если бы он вдруг появился, она нашла бы для него слова упрека: «Все ваши обещания были ложны! Вы боитесь потерять должность главного писаря, иначе... Неужели, прожив в нашем доме десять лет, вы не знали характера отца? А я то вас ставила выше всех на свете. Что же вы пришли теперь, когда все потеряно?!»

Но мысленно произнося все эти слова, Рано не отдавала себе отчета в том, что было бы в действительности, если бы Анвар пришел и спросил: «А что, собственно, потеряно? Почему ты думаешь, что я пришел слишком поздно?» Вряд ли она смогла бы на это ответить. Ведь она сама никакого выхода не придумала, даже не думала о нем. Все ее помыслы были устремлены к Анвару, только он мог ее выручить. А он исчез и нанес еще одну рану ее и без того раненому сердцу.

Нигор-аим забегалась по делам, уже давно плакал Масуд, которому надоело лежать в люльке. Рано очнувшись от тяжелых дум, глубоко вздохнула и, встав с места, подошла к нему. Она сердито покачала люльку, но мальчик продолжал плакать. Тогда вышла во двор

и раздраженно крикнула матери, которая что-то делала на айване.

— Покормите его!

Затем Рано прошла в крытый коридор.

В саду Махмуд и Мансур играли с соседскими детьми, они стреляли из лука. Все вокруг было покрыто талым снегом. Края супы, стоявшей под виноградником, размыло дождями, а верх ее прорезали трещины.

Рано остановилась подле супы и кликнула Махмуда.

— Махмуд, где отец?

— Отец на базаре.

— Есть кто-нибудь на мужской половине?

— Нет.

Больше ни о чем не спрашивая, Рано подошла к средней двери. Махмуд сказал правду: на мужской половине никого не было. В связи со свадьбой школьников освободили на несколько дней от учения.

Неизвестно, для чего, Рано, увидев, что михманхана закрыта, прошла к комнате для занятий. Сняв с двери цепь, она вошла туда и, бросив взгляд на потрепанные диванки, стала ходить по комнате и что-то искать в нишах. Затем взяла в одной из них голубую чернильницу и заглянула внутрь. Увидев там лишь остатки засохшей туши, она бросила чернильницу на пол и вышла.

— Махмуд!

Мальчик в это время закладывал стрелу в лук.

— Поди сюда!

Махмуд нехотя подошел к ней.

— Что такое?

Она поманила мальчика за собой и вернулась обратно в комнату. Целясь на ходу то в одну, то в другую сторону, Махмуд последовал за сестрой. Там они о чем-то поговорили.

И вот Рано сидит в комнате и что-то пишет. Вдруг она услышала, что мать во дворе с кем-то здороваётся. Вскоре она увидела, как к айвану подошла полная, невысокого роста, беременная женщина. Рано перестала писать, потому что женщина заметила ее, и нужно было выйти и поздороваться. Рано так и сделала.

Нигор-аим пригласила незнакомку присесть у сандала.

— Сюда, милая, пожалуйста!

Женщина не заставила долго себя упрашивать, прошла и села за сандал. Потом, пристально глядя на Рано, прочитала фатыху и поправила на голове платок.

— Вы, милые, наверное думаете: а что нужно от нас этой незнакомой женщине?— сказала она, доставая из кармана письмо.— Вот уже два дня, как мирза Анвар находится у нас... Вы, может быть, знаете, я жена мирзы Султанали... Мне, говорит мирза Анвар, скучно без книг. Книги, говорит, у меня дома... И вот дал эту записку.

Нигор-аим, услышав это, пришла в смятение, а Рано, стоявшая несколько поодаль, подошла и ревниво выхватила из рук женщины записку, чтобы опередить свою мать.

— Нам очень стыдно перед мирзой,— сказала Нигор-аим.— Эти три дня я просто не нахожу себе покоя, все думаю: где-то он скитается?.. Да, против судьбы не пойдешь. А ведь мы думали породниться с ним.

— Да, милая, судьба!— подхватила женщина.— А какой человек мирза!.. Если в стране есть двое умных, то один из них он. А вам он за все благодарен. Но после того, что случилось, он, по-моему, просто счел неудобным прийти.

Пока женщины вели этот разговор, Рано прошла в комнаты.

«Тетя и Рано! Посылаю вам бесчисленные мои поклоны. Молюсь за вас. Не обижайтесь на меня, другого выхода нет. Передайте подательнице сего сборник шейха Слади. В свободное время буду читать. А тебе, Рано, уже не нужна тетрадь с моими стихотворными опытами, да и небезопасно ее хранить. Не обижайся на меня и тетрадь передай тоже. Напишите, как поживаете, здоровы ли?»

Преданный вам Анвар».

Как ни коротко было письмо, оно доставило Рано большую радость. Прочитав его, она почему-то разорвала бумагу, на которой что-то писала до появления женщины и, пользуясь тем, что гостя продолжает разговаривать с Нигор-аим на айване, начала писать Анвару ответ.

49. ЗАГАДОЧНЫЙ НАМЕК

Султанали вернулся домой до прихода Анвара и подошел к жене, которая доила корову на айване перед хлевом.

— Ты ходила, Рузван?

— Ходила,— ответила она, продолжая доить. Молоко со звуком «пов-пов» струилось в посуду.— Ходила, принесла.

— Ты уже развела огонь в михманхане?

Рузван кивнула головой.

Султанали пошел в дом, снял халат, чалму и вернулся к жене.

— Отвяжите, милый, телку, пустите ее к корове!

Султанали отвязал телку, которая была привязана к столбу. Телка приникла к материнскому вымени.

Рузван понесла в комнатку горшок с молоком. Султанали последовал за женой.

— Ну, Рузван, о чем же там говорили?

— Я пришла, отдала письмо,— начала Рузван, разливая молоко по чашкам,— они вскипятили чай, мы посидели, поговорили, потом я взяла книгу и вернулась домой.

— Кто там был?

— Жена учителя и ее дочь.

— Как она выглядит?

Рузван словно с сожалением покачала головой и причмокнула языком.

— Я так и думала, что девушка красива, когда вы сказали, что главный писарь очень расстроен. Но такой красоты я еще не видела. Прямо картинка! Может ли быть такое совершенство!

— Да, да!

— И, видно, влюблены они друг в друга... И что это хан-людоед ввязался! Бедная девушка совсем убита горем! Света белого не видит!

— Да, да... А как мать?

— Тоже, бедняга, не знает, что делать. Говорит: «Канула в вечность счастливая жизнь моих детей».

Султанали горестно покачал головой.

— Где книга?

— В михманхане... Да, кстати, в нее вложено письмо.

Распорядившись об ужине, Султанали вышел из ич-кари.

Михманхана была открыта. Сидя у сандала и опираясь на локоть, Анвар перелистывал книгу Саади. Увидев вошедшего Султанали, Анвар закрыл книгу и, делая над собой усилие, улыбнулся.

— Спасибо за книгу.

— Там и письмо есть. Наверное, уже нашли его.

Но, оказывается, Анвар его не заметил. Он снова раскрыл книгу и увидел под ее переплетом вчетверо сложенный листок.

Султанали, заметив, что Анвар при виде письма смутился, сослался на какое-то дело и ушел. И тогда Анвар развернул письмо.

«Здравствуйте, уважаемый Анвар-ака! Мы живы и здоровы. Очень обрадовались, получив ваше письмо и узнав, что вы тоже живы и здоровы. Дай бог вам здоровья и впредь. Вы хотите знать о нас. Могу сообщить, что, слава богу, все спокойно и благополучно. Посылаю книгу, которую вы просите. Кланяется вам мама. Остальное прочтете у шейха Саади, на этом заканчиваю свое письмо.»

Рано».

Анвар замер с письмом в руках. Через некоторое время он перечитал его, вдумываясь в каждую фразу. «Очень обрадовались... узнав, что вы живы и здоровы»... Это означает: «вы ушли и успокоились»... В следующей фразе: «дай вам бог здоровья и впредь»... здесь тоже он услышал упрек, подтверждающий его мысль. Такой же упрек чувствуется в словах: «у нас, слава богу, все спокойно и благополучно». Но вот последняя фраза показалась Анвару неясной: «Остальное прочтете у шейха Саади, на этом заканчиваю свое письмо». Анвар понял это так: «Теперь нет подле вас Рано, и вы в свободное время читайте Саади»...

Анвар сложил письмо, вложил его в книгу и с грустью вздохнул. Письмо огорчило его, все эти дни ему было очень тяжело, а тут стало еще тяжелее. Рано в безвыходном положении! Она просит о помощи, она упрекает! Что делать? Как избежать трагической развязки? Есть только один путь, крайняя мера: признаться Худояру в своей любви к Рано, упасть к ногам хана, просить, умолять... Нет, на такое унижение Анвар не способен. Да и разве можно рассчитывать на милость хана? А если Анвар и пойдет на такой позор, его могут обвинить в бесстыдстве, в дерзости, и его же еще подвергнут наказанию.

Вконец измученный, Анвар даже не пытался скрыть своего состояния перед вошедшим в михманхану Султан-

али. С помутившимся взглядом, чуть не теряя сознание, он охватил голову руками и склонился к сандалу. Султанали понял, что на него так сильно подействовало полученное письмо. Чтобы не смущать Анвара, он сделал вид, что что-то ищет на полках в нише.

Анвар выпрямился, глубоко вздохнув и жестом пригласил Султанали присесть. Тот сел.

— Что с вами, Анвар?

Анвар через силу улыбнулся.

— Меня письмо расстроило,— сказал он и замолк.— От вас у меня тайн нет,— продолжал Анвар,— а с той, которая его писала, у меня, можно сказать, уже давно установились довольно близкие отношения. Когда произошли известные вам события, я ушел от нее, решил порвать всякую связь и перебрался к вам. Теперь с вашей посланницей она передала мне письмо, в котором выражает свою обиду, упрекает меня в том, что я бросил ее. Что тут скажешь, молода еще, глупа... Поневоле расстроишься. Вот прочтите, с начала и до конца — одни упреки.

Султанали, чувствуя себя неловко, улыбнулся и покраснел. Читая письмо, он особенно внимательно остановился на одной фразе.

— Интересно, что она хочет сказать этой фразой: «Остальное прочтите у шейха Саади, на этом кончаю письмо»?

— Да и это упрек,— воскликнул Анвар.— «Теперь обо мне не беспокойтесь и в свободное время читайте шейха Саади». — Вот смысл фразы, по-моему.

— А, может быть... — сомневающимся тоном начал было Султанали.

Этот тон заставил и Анвара призадуматься.

— Что же еще, по вашему мнению?

— Я... я теперь готов согласиться с вами, а то было я иначе понял.

— Как же?

— Я подумал, что это означает: «В книге есть другое письмо, остальное прочтете в нем...»

— Возможно, вы правы,— сказал, опешив, Анвар.— Уж не поискать ли от нечего делать.

Султанали засмеялся.

— Прекрасно... А я пойду и, если готово, принесу вам поесть...

Султанали вышел, а Анвар стал лихорадочно перелистывать страницы. Сначала ничего не находилось, но он прилежно перелистывал. Наконец, дойдя примерно до тридцатой страницы, он обнаружил исписанный листочек и стал его читать.

«Из предосторожности я это письмо вкладываю отдельно в эту же книгу. В трудные дни, Анвар-ака, тот истинный друг, кто остается рядом с вами. Кто же покидает вас... Впрочем, предоставляю вам самому решить, как это называется. Дать обещание легко, выполнить его трудно. Запомните и это. Нельзя поверить, что такой благородный человек, как вы, мог обидеться из-за пустяков, да еще в такую тяжелую минуту! Я не виню вас в том, что вы не смогли вызволить несчастную девушку. Но когда бедная Рано совсем потеряла голову в ожидании своей тяжелой участи, которая не сегодня-завтра ее постигнет, верный друг, вместо того, чтобы помочь, покидает ее! Этому нельзя верить. Этого даже в страшных сказках не прочтешь! Вы с грустью говорите, что на вашей душе много грехов, Анвар-ака,— не печальтесь об этом. А если хотите получить отпущение грехов, приходите завтра, в среду, вечером повидаться со мной в последний раз. Хотите открыто, хотите тайно, но приходите. Ведь там, где вы были когда-то счастливы, Рано пребывает в ожидании своей гибели!»

Анвар, лихорадочно перескакивая через строку, прочитал письмо, вложил обратно в книгу и поспешно хлопнул ее. В прихожей уже появился Султанали, неся блюдо с манты.

— Ну что, есть?— спросил он, ставя блюдо на сандал.— Впрочем, я, кажется, ошибся, и правы вы.

Анвар кивнул головой, словно подтверждая эти слова, положил книгу и пошел мыть руки.

50. В ПЛЕНУ У ЛЮБИМОЙ

Второе письмо Рано огорчило Анвара еще больше, чем первое. Он не видел смысла в их свидании; только вскрыются раны, и сильнее вспыхнет огонь, и без того сжигающий сердце. Он уже сожалел о том, что послал за книгой, раскрыв свое местопребывание, дал волю чувствам, не подумав при этом о последствиях. Ведь все

равно ничем помочь уже нельзя. И что даст встреча с любимой? Она будет плакать, надрывать ему сердце, а предпринять он ничего не сможет. И все же его тянуло к Рано, ведь они так любили друг друга...

Есю ночь он не мог заснуть, все обдумывал эту встречу, а когда забывался на короткий миг, ему снилась Рано. Как ни старался он посмотреть трезво на вещи, он не мог отказаться от этой встречи. Пусть она бессмысленна, но фраза в письме Рано — «там, где вы были счастливы, Рано пребывает в ожидании гибели» — решила все. Бессовестно, недостойно чести джигита не откликнуться на этот призыв.

Днем, на работе, Анвар окончательно принял решение пойти к Рано. Но теперь его занимал вопрос: явиться открыто или тайком? Если он придет открыто, то подозрительный махдум может увести Рано, или станет за ними следить, что оскорбительно для Анвара и будет только их обоих раздражать. Если же встретиться тайно... Но ведь у них нет никаких тайных мыслей, между ними — никакого заговора, зачем же им скрываться? Ну, допустим, они все же встретятся тайно, а махдум вдруг увидит... Да, трудно было Анвару решить этот вопрос.

Вечером он вернулся домой вместе с Султанали. Тот, как всегда, накормил его хорошим ужином. После вечерней молитвы Анвар сказал, что уходит на несколько часов навестить племянников.

В последние дни зимы стояла сухая морозная погода. Десятидневная луна, похожая на желтый поднос, в котором словно зачернили края, сияла над городом. От дома к дому ходили дети, распевая:

Вот пришел барат¹. Повсюду
Моют, чистят всю посуду,
А у вас?

Анвар пришел в квартал, где стоял дом махдума, когда наступила уже такая тьма, что в узких улочках нельзя было разглядеть лицо человека. Еще темнее было на сердце Анвара, оно билось все сильнее и сильнее. Он шел, оглядываясь, как вор. Лишь неделю назад он был

¹ Барат — месяц, предшествующий месяцу поста — рамазану. Народ, готовясь к нему, приводит в порядок посуду.

здесь так счастлив! А теперь?.. Кругом темно, и лишь луна немного рассеивала тьму его сердца. Но и ее, эту луну с черным пятном в середине, злая судьба тащит в сторону двorca.

Подойдя к закрытым воротам, Анвар тихонько толкнул их. Но они были на запоре, и Анвар очень заволновался. Постояв немного у этих ворот, он прошел шагов двадцать дальше и толкнулся в соседние ворота; они оказались не заперты. Анвар прошел в крытый коридор. Здесь он хотел выждать, пока махдум пойдет в мечеть к ночной молитве. Если и тогда первые ворота будут закрыты, ему не останется ничего больше, как уйти. Ждать пришлось недолго, в мечети прокричали призыв на молитву, и вскоре после этого со скрипом открылись ворота в доме Рано. Кто-то вышел и шаги приближались к тому дому, за воротами которого стоял Анвар. С бьющимся сердцем посмотрел он через щель в створках на улицу. Человек шел прямо по дороге к мечети, но в это же время послышались шаги в крытом коридоре, где стоял Анвар. Молодой человек еще больше заволновался; прождав несколько мгновений, пока махдум пройдет дальше, Анвар вышел из коридора. Стараясь шагать бесшумно, он подошел к заветным воротам. Шаги за его спиной становились все глуше, и он спокойно вошел в дом махдума. Оглядевшись, постоял немного подле михманханы и подошел к комнате, где проводились занятия со школьниками. Открыв дверь, он еще раз оглянулся на ворота.

Ставни в комнате были закрыты и в ней было темно, как в сердце у завистливых людей. А когда он и дверь закрыл, стало темно, как в могиле. В этой тьме Анвар потерял чувство пространства он сделал несколько осторожных шагов, наступал циновку и присел на корточки, охватив руками колени. Сквозь щели в ставнях проникал бледный свет, но при таком освещении все равно ничего нельзя было разглядеть.

Стояла мертвая тишина, ее нарушал лишь какой-то неясный шорох поблизости, да плач ребенка где-то вдали. Так прошло несколько минут. Вдруг раздался какой-то непонятный стук о землю. По мере приближения он становился похожим на стук шагов. Анвар напряг слух. Кто-то от ичкари прошел не то в михманхану, не то в крытый коридор. Анвар слушал, затаив дыхание. Вот открылась дверь михманханы, вот она снова закры-

лась. И опять кто-то прошел по двору. Теперь шаги приближались к комнате, где находился Анвар, и он ждал все нетерпеливее. Как только открылась дверь, он вскочил...

— Анвар-ака!

— Я...

Это была Рано. Войдя в комнату, она сразу остановилась, взгляделась в Анвара, глубоко вздохнула и тут же повернула назад. Ничего не понимая, Анвар все же не решился остановить ее. Но через минуту Рано появилась опять, подошла к нему и положила рядом с ним какой-то предмет.

— Я принесла вам курпачу,— сказала она шепотом.— К нам пришли в гости мои тети, я уложу их спать и приду...

Рано ушла, закрыв за собой дверь. Узнав, наконец, что происходит в доме, Анвар облегченно вздохнул, расстелил курпачу и, облокотившись, прилег на бок. Хоть он и был уверен теперь, что Рано непременно придет, он не знал, когда это будет, может, не ранее первых петухов...

Через некоторое время он услышал, как открылись и снова закрылись ворота. Напряженно слушая, он даже присел на своей курпаче. Шаги приблизились к помещению, где он находился, потом стали глуше и наконец замерли совсем.

Время тянулось чрезвычайно медленно. Анвару становилось все более не по себе. Он вздрагивал от каждого шороха, каждого стука. Уже давно пропели первые петухи, а Рано все не приходила. Анвар то садился, то вставал, то ложился вновь. Ноги, обутые в ичиги, совсем замерзли, он уж и не знал, как их согреть. В таких мучениях прошло еще немало времени. Да, он попал в плен к своей любимой, но сколько же придется еще ждать ее! Это невыносимо!

Все тело у него болело; пытаясь согреть ноги, он снова встал и надел кавуши, потом начал ходить по комнате, чтобы размяться. Потом снова сел... Луна почти зашла, ее лучи не проникали уже в щели ставень, комнату окутала тьма. Где-то загрохотали барабаны ночных сторожей, и в это же время пропели вторые петухи. Полежав еще немного, Анвар встал, надел кавуши, подошел

к двери, открыл ее и протер глаза. В небе сверкали звезды, чуть освещали крышу лучи заходящей луны. Анвар вдыхал полной грудью свежий воздух.

— Что, надоело ждать?

51. ХРАБРАЯ ДЕВУШКА

Слова эти, произнесенные над самым ухом Анвара, испугали его. Рядом с ним стояла Рано, держа что-то в руках.

— Я не могла уйти, пока все не улеглось. Зайдем в комнату, Анвар-ака.

Он последовал за Рано, сердце так и колотилось в его груди. Они сели рядом на курпаче.

— Я боялась, что вы не догадаетесь поискать в книге письмо,— тихо сказала Рано.— А если бы не догадались...

— Ведь ты прекрасно все понимаешь, Рано! Откуда же столько желчи в твоём письме?

— Если бы я так не написала, вы бы не пришли,— с дрожью в голосе сказала девушка.— Вы... вы очень любите свою должность главного писаря?

Анвар удивил этот заданный не к месту вопрос.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— Я спрашиваю, любите ли вы должность главного писаря?

— Я думаю вскоре отказаться от нее, Рано!

— Что же вы станете тогда делать?

— Уеду из Коканда, буду путешествовать.

— А меня... Меня с собой возьмете?

Ничего не понимая, Анвар долго вглядывался в ее лицо.

— Тебя! Возможно ли это, Рано?

— Возможно,— горячо и порывисто сказала она.— Если вы сейчас же откажетесь от своей службы, то все возможно...

Анвар был в смятении.

— Что ты говоришь, Рано?

Рано от волнения не сразу смогла ответить.

— Если вы говорите правду, то я поеду с вами... Но, конечно, если я не буду для вас обузой.

Анвар молчал. Что ответить на ее слова, которые не могли ему даже присниться.

— Если я не буду обузой,— повторила Рано.

«Храбрая девушка», — подумал Анвар. Разве кто-либо из женщин осмеливался когда-нибудь восстать против насильника Худояра, против его скотских желаний?! Рано — первая. Что бы ни ждало Анвара впереди, какие бы превратности ни уготовила ему судьба, он должен с радостью принять смелое предложение любимой девушки. Не только любовь заставляет его так поступить, но и честь джигита. Он дотронулся до узла, лежащего перед ним.

— Что здесь, Рано?

— Здесь... ваша старая одежда.

— Для чего она?

— Если вы захотите...

Сначала Анвар подумал, что это паранджа, но теперь он совсем терялся в догадках.

— Хорошо, ради тебя согласен... Но зачем понадобилась моя старая одежда? — спросил он тихо.

Вместо ответа, Рано глубоко вздохнула, начала развязывать узел.

— Почему ты не взяла паранджу?

— Сейчас... — сказала она, возясь с чем-то в темноте.

«Наверное, там есть и паранджа», — подумал Анвар и перестал спрашивать.

Рано между тем подняла с пола какое-то длинное одеяние, похожее на паранджу и в то же время что-то упало со стуком.

— Поднимите, — сказала она.

— Что это?

— То, что вы дали матери на хранение.

Анвар догадался, что речь идет о золотых. Его сердце залила волна теплого чувства. Милая Рано, она заботится о их будущем.

— Нашли?

— Нашел.

— Ну, теперь пойдем.

Анвар и Рано вышли во двор, и он увидел, что рядом с ним идет не девушка в парандже, а юноша в халате и тельпаке.

— Что это значит, Рано?

Рано молча направилась к воротам. Выйдя на улицу, Анвар с удовлетворением подумал о том, что Рано, переодевшись в мужское платье, облегчила задачу: идти по улице в неурочное время с женщиной в парандже небез-

опасно, это может возбудить подозрение у сторожей и караульщиков. Анвару это уж совсем ни к чему. А так он шел со своим приятелем. Беспечно остановившись на перекрестке, он поджидал своего спутника, который шаг за шагом на десять отстал. Красная предзакатная луна уже почти зашла, но она еще освещала угол улицы, на котором стоял Анвар, поджидая Рано. Наконец Рано оказалась рядом и, как бы спрашивая «куда пойдём», смотрела то на него, то на дорогу.

С косами, убранными под тельяк, в длинном, до щиколоток, халате, она показалась Анвару еще красивее. Ну и джигит!

Анвар немного подтянул ее халат и подобрал прядь волос, выбившуюся из-под тельяка. Затем он сделал знак идти направо.

Итак, они двинулись в путь, Рано — на два шага впереди Анвара. Легкие ичиги с кожаными кавушами красовались на ее маленьких ножках; она шла легко и быстро, словно летела. Стараясь не отставать, за ней торопливо шагала Анвар. Так они шли довольно долго. Вдруг впереди, шагах в пятидесяти от себя, увидели костер; вокруг костра сидело несколько человек. Рано остановилась.

— Не останавливайся, — сказал Анвар. — Пройди спокойно мимо. Не обращай никакого внимания. А если я с ними заговорю, подожди где-нибудь подальше.

— Кажется, в неурочное время миршабы¹ не пропускают?

— Со мной пропустят. Не бойся, иди!

Рано робко двинулась вперед. За десять шагов от костра один из сидевших там закричал:

— Стой!

Рано тревожно посмотрела на Анвара. Он знаком приказал ей идти вперед, а сам быстро подошел к сидевшим у костра.

Миршабы и стражники узнали Анвара, встали и поклонились.

— Садитесь, — сказал Анвар, греясь у костра. — А тут и дахбаши².

С этим шутливым прозвищем Анвар обратился к тол-

¹ Миршаба — полицейский

² Дахбаши — в данном случае десятник.

стенькому, смешному на вид человеку, который в действительности был простым миршабом по имени Коринбай.

— Что это ваша милость идет в неурочное время по улице с каким-то мальчишкой-танцором?! Вон вы какой гуляка, оказывается...

А, значит, дахбаши заметил Рано. Он бросил взгляд на «мальчишку», стоявшего поодаль.

— На пиру были, дахбаши.

— Ха-ха, вот оно что! Но вы миновали свой дом. Куда же вы идете, ваша милость?

Анвар еще ближе подошел к костру и протянул к нему руки.

— Разве вы не знаете? Я купил дом... на улице Раис.

— А, поздравляю, поздравляю!

Анвар, поблагодарив, попрощался со всеми. В знак уважения миршабы встали.

Отойдя от костра шагов пятьдесят, Рано остановилась и спросила догнавшего ее Анвара:

— Что он такое говорил, негодник?!

Анвар усмехнулся, хлопнул ее по плечу и сказал:

— Иди не мешкай, молодой человек! Правду сказал негодник.

— Куда мы идем, скоро ли будем на месте?

— Теперь уже скоро, мы идем к той женщине, что вчера к тебе приходила.

Рано пошла вперед. После длительного молчания она обернулась и спросила:

— Хорошие они люди?

— Очень хорошие,— ответил Анвар и, помолчав, добавил:— Ты не закрывайся перед хозяином дома, он как брат мне... Хорошо, Рано?

— Хорошо!

Вскоре они свернули в узкую улочку и до самых ворот дома Султанали не проронили больше ни слова.

52. «ЧУДЕСА» ДРУЖБЫ

Близился час утреннего выхода хана из гарема. Несколько человек, его приближенных, собрались, чтобы приветствовать своего повелителя. Вдруг в дверях показался взволнованный Султанали. Поманив пальцем к себе Абдурауфа-тункотара, он отошел назад. Крайне

удивленный Абдурауф-тункотар двинулся к нему, всем своим видом выражая недоумение. Султанали продолжал его манить, и Абдурауф, в одних ичигах, без кавушей, подошел к нему совсем близко.

— Что случилось?

Султанали горестно покачал головой и прикусил губу.

— А то, что с нашего главного писаря сошла позолота.

— Что? Что?

Султанали пригнулся к самому уху Абдурауфа и тихо сказал:

— Мирза Анвар поступил бесчестно по отношению к его величеству!

Абдурауф-тункотар потупился и посмотрел искоса на Султанали.

— А что он сделал?

— С недавних пор мирза Анвар поселился у меня и прожил несколько дней,— начал Султанали, оглядываясь по сторонам.— Видно, он совершил неблагоприятный поступок в доме своего учителя. Не оценив забот такого человека, этот негодяй не постеснялся затем плюнуть в лицо самому хану. Он сбил с пути дочь своего учителя, которая предназначалась в жены хану, увел ее сегодня ночью из дому и явился с ней ко мне. Хоть он мне давний друг и гость в моем доме, я возмущен его бессовестным поступком. Он забыл хлеб-соль его величества, благодаяния, которыми был осыпан! У меня прямо волосы встали дыбом от ужаса и негодования. Перед ним я сделал вид, что одобряю его мужество, но в глубине души я проклинал этого гнусного человека и помчался сюда, чтобы оповестить его величество!

У Абдурауфа прямо глаза вылезли на лоб, он схватил свою бороду, поднес ко рту и раза два куснул ее кончик.

— А, проклятье! Он сейчас находится у вас?

— Да, да! И девушка тоже дома. Мы не можем знать, какова будет воля его величества, но, по-моему, не надо терять времени! Его нужно схватить сейчас же!

— Ну конечно!— воскликнул Абдурауф-тункотар, дернув плечами.— Я сейчас доложу. А вам спасибо!

Тункотар послешил в покои его величества. А Султанали, разоблачив Анвара, пренебрегшего, по его словам,

хлебом-солью хана, спокойно пошел в свою канцелярию. Вот какие «чудеса дружбы» проявил самый близкий Анвару человек!..

Через некоторое время к окну канцелярии подошел тункотар и, сделав Султанали знак выйти, сам прошел дальше.

— Ну, что?— взволнованно спросил Султанали, догнав тункотара.

— Дан приказ схватить!

— Правильно! Конечно, обоих?

— Непременно.

Султанали, захватив четырех ясовулов, отправился в путь. Тункотар, отвязав одного из коней, стоящих у ворот, последовал за ним. Он быстро перегнал пешеходов, а им, чтобы не отстать от него, пришлось, задыхаясь, бежать во всю прыть. Так бежали они в ряд с конем; стоило им немного отстать, как тункотар подгонял их. Добежав до поворота, Султанали махнул рукой, пошел тише, окликнул Абдурауфа-тункотара, ехавшего впереди, и показал, что надо свернуть направо, в узкую улочку. Быстрым шагом они в три минуты дошли почти до ворот дома Султанали. Тут он остановился, говоря:

— Вот, ваша милость, те ворота, но я думаю, что мне неудобно идти вместе с вами.

Тункотар, снова обогнавший его, натянул повод.

— Почему?

— Ведь я считаюсь его другом... Не лучше ли мне остаться в стороне?

— Да, хорошо!

— Благодарю... Сразу, как войдете в ворота, увидите михманхану, он должен быть там. А девушка сидела в ичкари.

Султанали притаился за воротами одного из ближайших домов. Тункотар двинулся с ясовулами к воротам. Обе створки их были открыты, изнутри слышались голоса — женский и мужской. Тункотар сошел с коня, бросив повод одному из ясовулов.

— Стой здесь с козем и никого не выпускай! Ни мужчин, ни женщин,— сказал он.— А вы, джигиты, пойдете со мной. Как только увидите Анвара, хватайте его и вяжите ему руки.

Ясовулы выразили полную готовность. Тункотар по-

дошел к ичкари и прислушался у входа в коридор. Там раздавались голоса мужчины и женщины.

— Я опозорен, опозорен!

«Опозорен? Мало сказать»,— прошептал тункотар.

— О, горе мне!— прозвучал голос.

«Конечно, ослица, горе тебе!»— подхватил тункотар.

Он сделал ясовулам знак следовать за ним и выско-чил во двор. Посреди двора стоял махдум, держа в ру-ках какую-то бумажку. Рядом с ним стояли двое муж-чин, а еще ближе — три женщины в паранджах. Все они вздрогнули, услышав шаги приближающихся ясовулов во главе с тункотаром. Махдум, всплеснув руками, про-стонал:

— Опозорен, я опозорен!

К нему, переваливаясь с боку на бок, подошел тун-котар.

— Что случилось?

Махдум стукнул себя по лбу и заплакал:

— Нет слов, чтобы выразить. Я бесконечно виноват перед его величеством и должен понести наказание. Про-снулись мы все утром и видим, что негодница дочь ис-чезла. Пока мы бегали да искали, пришли от Султанали и сообщили, что дочь наша находится у него. Мы тут же прибежали с женщинами...

— Ну и что же?

— Этот мерзавец Анвар увел ее уже и отсюда. Сколь-ко ни искали, ничего, кроме этого письма, не нашли. О, горе мне!

Одна из женщин заплакала в голос. Тункотар вы-рвал у махдума письмо.

«Брат мой, уважаемый мирза Султанали!

Да будет вам известно: обдумавши наше положение, мы решили, что оставаться в вашем доме опасно. Хотя вы считаетесь нашим другом, но некоторые ваши по-ступки показались нам подозрительными. Особенно обес-покоило нас отношение вашей жены к Рано, как к рас-путной девушке. Мы были вынуждены придумать повод, чтобы отправить вас во дворец, а сами тем временем по-кинули ваш дом. Оказывается, на этом свете трудно най-ти верного друга. Сколько я ни доказывал вам, что не хотел изменить хану, и это произошло потому, что меня и Рано связывает большая любовь, вы все твердили, что я забыл, по молодости лет, доброе отношение ко мне ха-

на, упрекали меня в неблагодарности. Вы даже не подумали о том, что из любви к этой девушке я отказываюсь от должности главного писаря. Я не в обиде на вас. Но меня очень огорчила ваша грубость и ваша жестокость в ответ на мое дружественное доверие к вам. Бедной девушке в ичкари не дали даже подушки, чтобы голову приклонить. «Спасибо» вам и вашей жене за такое «человеческое» отношение.

Ваш верный друг Анвар».

— Еще рассуждает о человечности... А, чтоб тебя, неблагодарный! — воскликнул тункотар, злорадно усмехаясь, и спрятал письмо в карман. — Позовите-ка из ичкари жену Султанали!

Одна из женщин бросилась выполнять приказание. Рузван, должно быть, стояла в крытом коридоре, и женщина окликнула ее, приблизившись к внутренней двери.

Тункотар подошел к ней.

— Вы здесь, сестра?

— Да, уважаемый!

— Что вы можете рассказать об этом деле?

Рузван, стоя за дверью, помолчала, потом кашлянула и начала говорить.

— Дня три у нас в михманхане жил молодой человек, по имени Анвар, уважаемый... Сегодня ночью он привел какую-то девушку. Я очень удивилась, спросила мужа, а тут вон какое дело, оказывается... Очень нам было неприятно, но прогнать как-то неловко, позвать кого-нибудь и выдать их — время неурочное, уважаемый. Посоветовались мы с мужем и решили дать им приют до утра, а утром сообщить кому надлежит... Пусть уж те с ними справляются! Дождались рассвета, мирза Анвар тут и говорит мужу: «Останемся здесь еще на день, вы пока спрячьте нас». Муж поспешил после этого во двор, а я все никак не могла успокоиться и послала к родителям девушки соседского мальчика. Вдруг, уважаемый, девушка, сидевшая вместе со мной у сандала, вышла из комнаты. Я думала — по нужде и была совершенно спокойна. А она так и не вернулась, уважаемый. Тут я забеспокоилась, пошла во двор, ее нет. Решила поискать на мужской половине. Только зашла в коридор, как появились родители девушки... Вот все, что я могу сказать, уважаемый.

Тункотар был крайне раздосадован случившимся. Он подошел к мужчинам, стоявшим рядом с махдумом.

— А вы что здесь делаете?

— Мы... соседи мирзы Султанали...

— Так, так... Зачем явились сюда?

Грубый тон тункотара смутил их.

— Я был на улице,— испуганно сказал один из них,— и увидел учителя, с ним шли женщины и плакали... Я и подумал: «что-то случилось в доме у мирзы»...

— Значит, просто болтаешься на улице, глазеешь... А ты?— обратился он ко второму человеку.

— Я тоже сосед Султанали,— этот говорил посмелее.— Слушая все это, я несколько удивился...

— Чему ты удивился?

— Да, если судить по рассказу соседки, Анвар должен был уйти с женщиной в парандже... А я видел, когда он выходил из ворот... Никакой женщины с ним не было.

— Он шел один?

— Нет, но с ним был хорошенький мальчик.

Абдурауф-тункотар в недоумении пожал плечами.

— Совершенно верно, Карим-ака, — отозвалась из своего прикрытия Рузван.— Девушка и ночью пришла в мужской одежде.

— Ох, проклятие!— воскликнул тункотар.

Махдум, казалось, был раздавлен горем, он рыдал.

— Что свершилось, то свершилось, — сказал тункотар.— Они, конечно, будут пойманы и понесут наказание! Но чести его величества нанесен большой удар. Поэтому все здесь услышанное должно оставаться в тайне. Вы обязаны хранить молчание!

— Конечно, конечно,— воскликнули все присутствующие.

Тункотар подошел к махдуму.

— Вы не виноваты, но дочь свою плохо воспитали!

— Господи, мы твои рабы,— пробормотал махдум и заплакал.— Опозорила она меня — умереть ей молодой! В глаза никому не смею теперь смотреть!

Одна из женщин в парандже всхлипнула и заплакала. Это была Нигор-айм.

Абдурауф-тункотар, у которого, как говорится, арбуз выпал из рук, то есть, сорвалось дело, стуча сапогами, пошел к выходу в сопровождении своих ясовулов.

Там, с помощью одного из них, он сел на коня и отпустил повод. Поравнявшись с воротами, за которыми притаился Султанали, он окликнул его.

— Мирза Султанали, выходите! Сбежали, проклятые! Султанали, изумленный, вышел на улицу.

— Ну? Неужели?

— Сбежали! — повторил тункотар, протягивая ему письмо. — Прочтите и верните, нужно показать его величеству.

...На следующий день Султанали пожал плоды своей верной, преданной службы хану: он получил должность главного писаря.

53. ТОРЖЕСТВО СКОРПИОНА

В этот вечер в келье при мечети — снова люди. На полке в нише горит свеча; в сандале потрескивает древесный уголь, два хмурых муфтия сидят у сандала и греют руки над огнем. В одной из ниш лежат книги в толстых переплетах. Это «Толкование муллы Джами», «Догматы и каноны», «Родник мудрости», «Мусульманское право», «О благородных нравах». В нише у западной стены висит бумага, на которой вязью, в форме цветка, начертаны слова молитвы. На одном из пестро разрисованных колышков, вбитых в стену, висит чья-то чалма, большая, как котелок многодетной вдовы.

Муфтий Шаходат помешал кочергой огонь и вздохнул всей грудью.

— Страшна болезнь, от которой нет лекарства.

Калоншах кивнул.

— «Если полюбил такую, как ты, что же ждет меня впереди?» — продолжал Шаходат словами пословицы. — Трудно приходится, когда хан не умеет оценить по заслугам. Работать под начальством этого негодяя! Да лучше уйти из ханской канцелярии!

— Потерпите, почтенный, потерпите! Бог ценит терпеливых.

— Разумеется... Но чем гнуть спину перед такими глупцами, как Султанали, лучше получать в день по десяти палок!

После ночной молитвы, снова совершив омовение, в келью вошел мулла Абдурахман. Высокая, мелко вышитая белая тибетейка на маленькой вытянутой голо-

ве и длинная черная борода делали его похожим на индусского купца. Он снял с колышка чалму и надел ее поверх тюбетейки.

— Поскольку ваши милости не пожелали обедать, я и не велел готовить.

— Не надо, мы уже дома поедем.

Подсев к сандалу, мулла Абдурахман усмехнулся и посмотрел исподлобья на Шаходата.

— Значит, упустили мирзу Анвара и девушку?

— Упустили, мулла Абдурахман. И еще попали из огня да в полымя.

— Знаю, слышал.

— День ото дня все хуже... Вот уже сколько времени, как в сердце одна желчь... Вчера вы приходили навестить... К сожалению, меня не было, я пришел после вашего ухода и очень огорчился. Вот я и решил сегодня явиться вместе с Калоншахом, надеясь, что удастся побеседовать...

— Спасибо, господин муфтий, спасибо! — сказал мулла Абдурахман, почтительно привстав. — Я только вчера от муллы Боиса услышал о том, что произошло между Анваром и Султанали. Вот и хотел узнать подробности. За этим и обратился к вам. Что это за история?

— История? Ну-ка расскажите вы, Калоншах!

Калоншах жестом предложил рассказывать о происшедшем Шаходату, и тот, полузакрыв глаза, начал открывать страницы этой истории.

— А дело в том, что вы оказались совершенно правы и даже более того: наш гордец-молокосос увел девушку и скрылся...

Мулла Абдурахман мудро улыбался, а Шаходат-муфтий продолжал:

— Насколько мне известно, мирза Анвар, считая, что Султанали ему друг, привел девушку к нему ночью домой. Тот надавал ему кучу пустых обещаний, а утром, когда все еще спали, побежал во дворец, рассказал все Абдурауфу-тункотару, а тот в свою очередь доложил хану. Хан приказал поймать беглецов, но когда тункотар в сопровождении ясовулов явился в дом Султанали, влюбленных там не оказалось... Одно лишь оскорбительное письмо на имя Султанали. Очевидно, Султанали глупо вел себя и заронил подозрение в Анваре... Особенно тем, что ушел из дома, когда они еще спали. Султан-

али хоть и упустил Анвара и девушку, но своим поступком внушил хану доверие и получил должность главного писаря. Вот и вся история.

Выслушав этот рассказ, мулла Абдурахман некоторое время хранил молчание. Потом он поправил огонь в сандале и снова усмехнулся, многозначительно поглядев на муфтиев.

— Мирза Бонс дал такое же объяснение, — наконец сказал он. — Может быть, вы, господа, и правы, но я несколько сомневаюсь в этом...

— А что же вы думаете?

Абдурахман сделал неопределенный жест рукой; губы его полуоткрылись и он медленно заговорил.

— Я думаю, — сказал он, — что все это — игра, которую придумали Анвар и Султанали. Есть все основания считать так. Вам, господа, конечно, известно, как были дружны Анвар и Султанали. Так же, как и мы с вами. А ворон ворону глаза не выклюет!.. Что вы, господа, об этом думаете?

Шаходат посмотрел на Калоншаха, но Калоншах как будто не придавал особого значения словам Абдурахмана. На некоторое время воцарилось молчание.

— Султанали мог поступиться дружбой, чтобы занять должность главного писаря, — сказал наконец Шаходат. — Впрочем, и ваше мнение может оказаться близким к истине.

— Султанали мог, и не нарушая дружбы с Анваром, затеять всю эту игру, — рассмеялся Абдурахман. — Ведь Анвар, уговорив девушку бежать с ним, все равно уже не мог оставаться на своей должности. А сам Султанали, как друг преступного Анвара, тоже подвергался опасности... Вот они и придумали все это, прежде всего, чтобы обезопасить Султанали. Вот на какие доводы должно опираться наше заключение.

Шаходат встал со своего места, подошел к Абдурахману и похлопал дружески по спине.

— Спасибо, сын мой, спасибо! Да будет благословение бога над тобой.

Абдурахман улыбнулся, опустив глаза, а Шаходат, продолжая расточать ему похвалы, бросил под язык насвай и сел на прежнее место.

— Мулла Калоншах, а ведь нам это и в голову не пришло.

Калоншах не разделял восторгов своего друга и спокойно грел руки над огнем. Немного погодя он высказался следующим образом:

— Я и сам думал об этом, но не мог поверить, да и теперь не верю.

— Почему?

— Да потому, что, если бы Султанали и не донес на Анвара, ему ничто не угрожало бы. Нет, он предал его с таким усердием, чтобы выслужиться перед ханом.

Калоншах любил спорить, и как бы ни были убедительны чьи-нибудь доводы, он все равно не соглашался с ними. Зная хорошо его характер, Шаходат укоризненно покачал головой.

— А я думаю, что ошиблись мы.

Калоншах продолжал настаивать:

— Почему ошиблись? Пусть и мулла Абдурахман поразмыслит. Все поступки Султанали обдуманно, ему бы ничего не грозило, если бы он помог бежать Анвару... Но он предал дружбу, чтобы занять высокую должность. Именно так!

Абдурахман сидел в раздумье. Его, видимо, несколько не задело, что его мнение оспаривали: он улыбнулся и поднял голову.

— О неразрывной дружбе между Султанали и Анваром всем при дворе известно, мулла. Султанали должен был скрыть причастность к делам Анвара. Иначе в каком бы виде он предстал перед народом? Да и вы сами, господа, что бы о нем подумали? Нет, по слабому моему разумению, я понимаю, что эти ловкие люди одной стрелой убили несколько птиц. Султанали привел его величеству доказательства своей преданности, с легкостью получил должность главного писаря и к тому же втер очки народу.

— Как бы то ни было, как бы то ни было... На мой взгляд, если бы он и не выступил против Анвара, никто не мог его ни в чем обвинить!

— Почему?

— Никаких «почему, зачем», — распалился Калоншах. — Для того, чтобы обвинить человека по всем правилам шариата, надо доказать свое обвинение... А то... бах-бах-бах — ты с обвиняемым таким-то был в дружбе! Ну и что? Ведь, предъявляя ему обвинение, вы не може-

те сказать, что присутствовали при их сговоре. Вы только предполагаете, что он был. По шариату подобные заявления не стоят и полушки, брат мой!

Калоншах совсем разгорячился. Абдурахман же, обиженный его словами, что «по шариату ваше заявление не стоит и полушки», побледнел.

— Я, ваша милость, высказал лишь свое предположение, а это по законам шариата не требует доказательств. Ясно лишь одно: Султанали доверять нельзя, он только с виду заинтересован в должности главного писаря.

— Ну и вашим словам доверять нельзя.

— А я говорю!..

Тут Шаходат увидел, что дело принимает серьезный оборот — вот-вот произойдет скандал, — и поспешил вмешаться в разговор.

— Зачем спорить? Оба вы правы. Однако сейчас самое главное не в том, кто из вас более прав, а в том, как поскорее убрать Султанали с его должности.

Шаходат, как сказано было выше, хорошо изучил характер Калоншаха, его слова подействовали на спорщика, и он немного поостыл.

— Вот это другое дело, — сказал он. — Правильно, нет ли судит Абдурахман, мы можем руководствоваться его предположением по необходимости, но считать истинной было бы ошибкой.

Шаходат поторопился перевести разговор на другое — он видел, что если Абдурахман скажет насмешливо еще хоть одно слово, то Калоншаху нельзя уже будет закрыть рот.

— С этим, конечно, хватит! — отрезал он. — Мне казалось, что все обстоит благополучно, но кто же мог предполагать нечто подобное. Объяснение муллы Абдурахмана позволит нам быстрее и легче избавиться от Султанали.

Спокойный, ровный тон Шаходата подействовал на Калоншаха, он успокоился и уже мирно спросил:

— А как избавиться?

— Очень просто, — ответил Шаходат, — мы, как предлагал мулла Абдурахман, напишем хану, что мы думаем по этому поводу — и все!

Муллу Абдурахман вызывающе посмотрел на Калоншаха и почесал правой рукой лоб.

Но Калоншах не был удовлетворен. Он покачал головой, говоря:

— Хан убежден теперь в верности Султанали, он не поверит нашим словам.

— А, бросьте, хан верит только самому себе,— сказал Шаходат.— Если же он и доверяет Султанали, то мы все равно напишем наше мнение, может он тогда в нем разуберется и прогонит из дворца. А если даже не поверит нам, то вреда от этого не будет. Как вы думаете, мулла Абдурахман?

Абдурахман кивнул головой.

— А я думаю,— сказал Калоншах,— что, если наше письмо возымеет действие, все обойдется благополучно. Если нет — нас прогонят из дворца.

— Почему?— удивился Шаходат.

— Ведь станет известно, кто писал.

— Нет,— возразил Шаходат,— мы не подпишемся.

— Письма без подписи не рассматриваются.

— Э, рассматриваются, нет ли — не имеет значения. Важно, чтобы этот слух дошел до ушей хана.

— А кто писать будет?

— Пусть вас это не беспокоит, Калоншах! Будет сделано как надо!

Калоншах в конце концов согласился. Решили писать тут же, у муллы Абдурахмана, и муфтий принялся сочинять донос.

54. ВЕРНОСТЬ ВЕРНОСТИ РОЗНЬ

Ночью пошел сильный дождь. На углу темной, узенькой, в размах руки, улочки, показалась чья-то тень. Укрываясь от дождя, человек вплотную приник к небольшой двери дома и начал изо всех сил в нее стучать.

— Кто там?

— Откройте, это я.

— Сафар, что ли?

— Да, да!

Раздался звон откинутой цепи. Сафар, весь промокший, вошел в узкий коридор и закрыл за собой дверь на цепь.

— Все в порядке?

— В порядке,— откликнулась старуха, открывшая дверь.— Почему так поздно, Сафар?

— Не видите, что ли, как льет?

Говоря на ходу со старухой, Сафар вошел в тесный дворик, в котором всего на четверть от земли возвышался маленький айван, величиной с четыре циновки. В нише чадила коптилка. По одну сторону сандала сидел, очищая коробочки хлопка, слепой старик. Услыхав, что во дворе кто-то разговаривает, он прислушался и так и застыл, зажав в руке пустую коробочку и вынутый из нее пучок ваты.

По другую сторону сандала, закрыв лицо платком, сидела какая-то женщина. Тут же поблизости стоял прибор для очистки хлопка от семян, а рядом с ним лежала куча очищенной ваты.

— Эта славная девушка нас очень смущает, Сафар, — сказала старуха. — Как мы ни протестовали, с утра до ночи сидит тут со стариком и чистит хлопок.

— Сестричке, должно быть, скучно, — заметил Сафар и обратился к старику: — Здравствуйте, дядюшка! Как себя чувствуете, здоровы ли вы?

Слепой старик, напряженно вслушиваясь, еще выше поднял голову:

— Здравствуй... Что же ты умолк, Сафар? Верно, вымок до нитки. Зайди к нашему ученому гостю.

Стараясь не смотреть на женщину с закрытым лицом. Сафар подошел к дверям комнатки, выходящим на айван.

— Вы, дядюшка, не даете скучать сестрице, рассказываете ей старые сказки?

— А дочка, оказывается, сама мастерица рассказывать, — ответил слепой. — То я ей рассказываю, то она мне. О нас не беспокойся.

— Вот и хорошо! Молодец!

С этими словами Сафар открыл дверь и вошел в комнату. Там у сандала сидел Анвар и при свете коптилки читал книгу. Увидев входящего, он поднялся с места.

— Что вы, что вы, дорогой мирза! Сидите, пожалуйста! Как ваше здоровье? Не скучаете? Я на три дня запоздал. Вы, наверное, сердитесь... Но ответа все не было оттуда, да к тому еще жена недомогала...

— Ничего, ничего! Напрасно и сегодня пришли, Сафар-ака!.. Вы здорово промокли...

— Пустяки... Вот сниму халат — и все в порядке,

дорогой мирза,— сказал Сафар, стаскивая с себя промокшую одежду.— А вы сидите, прошу вас... В городе никаких волнений... Друзья шлют вам приветы, друг ваш работает спокойно главным писарем... И я, слава богу, ни на что не жалуюсь. Хвала вам!

Анвар улыбнулся, а Сафар-ткач, присев к сандалу, достал из-за голенища сапога записку и передал ее Анвару. Тот положил ее на сандал, потом встал, снял с колышка халат и накинул его на Сафара, сидевшего в одной нижней рубахе.

— Простудитесь, Сафар-ака, завернитесь поплотнее в халат!

— Вечно вы заботитесь обо мне, дорогой мирза...

Халат был бекасамовый, Сафар осмотрел подкладку и смущенно добавил:

— Эх, не надел я чистую рубаху, жаль на эту надевать такой халат.

Анвар дружески махнул рукой и открыл письмо.

«Глубокоуважаемый брат мой, мирза Анвар!

Друзья радуются, враги грустят, близится счастливый день. Колесо судьбы, вертясь вкривь и вкось, приносит порой хорошим, разумным людям всяческие неприятности и несчастья. Но на тысячу несчастливых дней приходится все же какая-то доля счастливых. Не только горе уготовано человеку, случаются и радости. Спасаясь от неверных, пророк Мухаммед спрятался в пещеру, и с тех пор это стало правилом поведения для каждого мусульманина.

Я, ваш истинный друг и покорный слуга, спешу вас уведомить в том, что предпринятые нами меры, как волшебство, подействовали на неистового хана и всех его приспешников. Предположения, о которых я писал вам ранее, сбываются: с меня спали все подозрения, расположение ко мне хана растет. Несколько дней все эти дела хранились втайне, хотя при дворе уже кое-кто догадался об этом, но вслух говорить не осмеливаются. Все же дан тайный приказ разыскать вас. В помощь привратникам всех городских ворот посланы лазутчики. Прошу вас, будьте очень осторожны, пока не прекратится слежка. Отъезд в Ташкент надо отложить на несколько недель. Это письмо я тоже немного задержал и доверил его Сафарбаю с опаской, потому что

знаю, как за вами следят. А в характере Сафарбия, к вашему сведению, есть черты, которые могут повредить нашему делу,— он неосторожен и слишком самоуверен. Думаю, не лучше ли в дальнейшем держать связь через его жену? Женщина, проходя по улице, даже днем вызовет меньше подозрений, чем мужчина. Но, заклинаю вас, принимайте все меры предосторожности! Ни на секунду не предавайтесь спокойствию, остерегайтесь соседей, все время будьте начеку.

Есть для вас интересная новость. Вчера, по возвращении домой, со службы, я застал трех посетителей, они ждали меня во дворе. Я решил, что это какие-то приезжие, так как они были одеты не в наше ферганское платье. Я думал, что они явились с просьбой написать им заявление, и пригласил их в михманхану. Там спросил, что их привело ко мне, и один из джигитов, удостоверившись, что я и есть хозяин дома, с горячим сочувствием рассказал мне вашу историю. Весьма удивленный, я подумал, не лазутчики ли они. «От кого вы узнали все это и какое отношение имеете к мирзе Анвару?»—спросил я. «Я брат мирзы Анвара,— сказал он,— рассказала мне об этом наша сестра». А я и не знал, что у вас есть брат, и очень удивился. Тогда я сказал ему то же, что и вашей сестре (помните, я писал вам в прошлый раз), то есть приврал немного, чтобы отвести от себя подозрение, рассказал не совсем так, как было в действительности.

Брат ваш очень сожалеет, что ни разу за десять лет не побывал в Коканде. Он рассказал, что служит в Бухаре у одного военачальника, отправился в Самарканд повидаться с родными, не нашел там старшего брата и приехал в Коканд, и здесь его тоже постигла неудача — он не смог вас найти. Этот рассказ немного рассеял мои подозрения относительно него. Я даже постарался его успокоить. Спутники джигита, назвавшегося вашим братом (кстати, зовут его Кобилбай), тоже нездешние, они приехали вместе с ним, чтобы посмотреть Коканд. Назвавшийся вашим братом хоть и похож на вас, но крупнее, выглядит прямо богатырем, да и все они такие же сильные, статные. Я их просил остаться у меня поужинать, но так и не смог уговорить.

Вы все беспокоитесь, как видно из вашего последнего письма, чтобы Абдурахман и муфтии не напакостили мне

за то, что мне дали должность главного писаря. Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что есть такая опасность. Но ведь моя верность хану доказана: ясно как день, что нет во дворце более подходящего человека на эту должность, вот и возложили на меня обязанности главного писаря. От этой ханской «милости» я не имел возможности отказаться, как уже писал вам в предыдущем письме. Если бы я отказался, не поверили бы в искренность моего поведения, когда я выдал вас. Ибо «преданность» хану в представлении всех этих людей основана лишь на стремлении извлечь из этого пользу, а именно: предать друга для того, чтобы занять его место. И, конечно, не займи я его, на меня пали бы подозрения. Все эти соображения и заставили меня занять должность главного писаря. Но вы не беспокойтесь о возможных для меня осложнениях. Такова, значит, судьба, и изменить ничего нельзя. Что бы ни пришлось мне снести, пусть даже лишиться жизни, я прежде всего хочу до конца сохранить верность другу, никогда не терять способности быть верным. Передайте привет сестрице Рано. Ее родителям ничего не грозит, только отобрали у них подарки хана. Главное, помните о том, что нужно соблюдать все предосторожности. Непременно, непременно будьте бдительны и готовы ко всему.

Ваш Султанали. ✓

Анвар прочитал письмо и тут же сжег его на коптилке.

- Итак, Сафар-ака, нужно быть настороже!
- Непременно, дорогой мирза, непременно!
- Вы заночуете здесь или уйдете?
- Никак не могу остаться, брат. Попадет мне от

Султанали.

Анвар рассмеялся.

— Значит я должен сейчас же ответить на письмо,— сказал он, беря из ниши чернила и перо.— Немного отошли, согрелись, Сафар-ака?

- Да, да... Совсем ожил, дорогой мирза!

...В главе пятьдесят первой мы оставили Анвара и Рано у ворот дома Султанали. Затем перешли к главе

пятьдесят второй, не осветив некоторые события, без рассказа о которых поведение Султанали останется непонятным уважаемым читателям.

Итак, увидев, что Анвар привел к нему в дом Рано, Султанали от неожиданности очень растерялся. Теперь он до конца понял, как крепка их любовь друг к другу. Верный друг, готовый отдать жизнь за друга, он, несмотря на опасности, грозившие счастьем молодых людей, восхитился этим поступком и горячо поздравил их. Правда, судьба Анвара и Рано еще не была решена, они могли завоевать свое счастье, но могли и потерпеть полное поражение. Однако Анвар был озабочен не только своим положением, его беспокоила не менее участь Султанали, которого могли запутать в это дело. Он, как и мулла Абдурахман, прекрасно понимал, что, бежав с Рано, он подвергал своего друга большой опасности. У Султанали была связь с домом махдума: через его жену Рузванбиби была переслана Анвару книга. А ведь мулла Абдурахман и муфтии только и ждали удобной минуты, чтобы отомстить... Этим Анвар поделился с другом, советовался с ним, как быть, но получил невразумительный ответ. Султанали стремился лишь к одному — как бы ни велика была опасность, какие бы беды ни пали на его голову, грудью защищать своего друга, стоять непоколебимо. Таковы были извечные законы дружбы, которые Султанали свято соблюдал.

Но Анваром владели такие же чувства, он не допускал и мысли о том, чтобы подвергнуть опасности своего друга. Обдумав все стороны это дело, предусмотрев все обстоятельства, он и предложил поступить так, как уже известно читателю. Султанали согласился. Решено было всю эту игру провести на следующее утро. Жену Султанали предварительно подготовили. В полночь разбудили и соседа Каримбая, за один золотой он согласился дать показание, направлявшее врагов на ложный след, и спрятать на время у себя Анвара и Рано.

Как известно, утром все роли были хорошо разыграны, все прошло без сучка и задоринки, и даже Салихмахдум был обелен. В этот же день Султанали послал Таира к Сафару-ткачу, как к самому надежному своему помощнику. Сафар тут же явился и, узнав в чем дело, быстро придумал место для укрытия беглецов: это был дом его сестры и ее мужа на окраине города. Преду-

предив родных и подготовив все что надо, он в ту же ночь отвел туда Анвара и Рано. Остальное читателю известно: хитроумный план Анвара привел к тому, что приближенные хана поверили Султанали и он был назначен главным писарем.

Итак Анвар, скрипя пером, писал ответ Султанали. Оторвавшись на минутку от письма, он вытер перо о свои волосы и обратился к Сафару:

— В следующий раз вы придете ко мне, возможно, с человеком, которого направит Султанали. Это мой брат. Хорошо?

— Хорошо, мой мирза, конечно. Но вы напишите об этом вашему другу.

— Вот я и пишу.

Анвар снова принялся за письмо, а Сафар поплотнее завернулся в одеяло, покрывающее сандал. Дождь постепенно затихал, лишь отдельные капли со стуком ударялись о крышу. Поднялся сильный ветер: врываясь сквозь щели ставен, он колебал пламя в коптилке. Старуха на айване очищала хлопок от семян и звук чигирика¹, напоминающий кошачье мяуканье, доносился в комнату.

55. ЗАЛОЖНИК

Солнце стояло уже высоко. На Чарсу былолюдно и шумно, что не мешало трем джигитам спать богатырским сном в одной из пустых лавок. Казалось, что шум и гам действует на них убаюкивающе. Они лежали на тощих курпачах, положив под голову такую же тощую, грязную подушку, укрывшись халатом, и храпели во всю мочь. По виду они не походили на местных жителей.

В это время подле закрытой лавки остановился какой-то человек и крикнул во все горло:

— Эй-й-й, Наврузкул, остановись!

Двое спящих не шелохнулись, но третий, худощавый мужчина, лежавший дальше всех от входа, встре-

¹ Чигирик — кустарная деревянная машина для очистки хлопка от семян.

пенулся, привстал, посмотрел вокруг сонными глазами, зевнул, потягиваясь, и толкнул в бок своего соседа.

— Вставай, Шарийф¹, живее, уже полдень...

Джигит открыл глаза.

— Э, брось, Рахим!

— Да вставай! Вон Кобилбай уже тоже здесь.

Шариф повернулся на другой бок и посмотрел на третьего спящего.

— Когда же он пришел, проклятый?

— А кто знает... Интересно, повидал ли он брат. А ну, разбуди негодник!

Шариф, не меняя положения, протянул руку и потянул Кобилбая за ус. Тот заворчал и проснулся.

— Оставь меня в покое, Шариф!

— Видел брат?

— Видел... Шлет вам поклоны,— ответил Кобилбай и отвернулся.— Оставьте меня в покое, дайте немного поспать.

— Ай-ай!— воскликнул Рахим.— Брось ты спать! Расскажи про брат. К черту сна, если спишь до полдень. Не слышишь, что ли, какой шум на улицах?

— Я поздно вернулся, не болтай, Рахим.

— Набей брюхо, а потом спи себе. У меня в живог гудит от голода. Где мы будем завтракать, Шарийф?

— В чайхана.

— Ну, ты тоже напяливай свой саван, брось валяться. Да что он, кажется, снова заснул, проклятый?!

Рахим и Шариф начали одеваться. Расправляя длинный пояс, Рахим рассыпал деньги.

— Эхе-хе,— сказал он, собирая монеты,— бог и эти деньги хочет у нас отнять. Коканд к нам неласков, работа нет, деньги убегают, видно, ждет нас голод, Шарийф.

— Будь он проклят, этот Коканд, любимый Кобилбая!— воскликнул Шариф.— Даже кузнецы не берут нас в ученик. Если он не найдет нам работа, сядем верхом на сам осел-Кобил.

От их болтовни Кобилбай окончательно проснулся.

— Чирикаете, словно воробьи, таджики!— сказал он.— Если нет здесь работы, поедem в Ташкент.

¹ Джигиты-таджики говорят по-узбекски несправильно, имена произносят с таджикским акцентом.

— Ну и придумал что сказать!— воскликнул Рахим.— Пустый слова говоришь, а где взять деньги, чтобы поехать в Ташкент?

— Деньги найдутся.

— Деньги найдутся?— рассмеялся Рахим. Ты только посмотри, Шарифбай, на этот богач без род, без племени.

— Деньги найдутся,— повторил Кобилбай и сунул руку в карман рубахи.— Эх, сразу видно, что вы низкого происхождения, сын кузнеца и сын мойщика трупов...

— Ох, ох,— заохал Рахим.— Обидели меня, ваша честь! Уж очень вы высокий происхождения, сын красильщик!

Кобилбай, широко зевая, вынул что-то из кармана и бросил к ногам своих спутников:

— Вот деньги, возьмите, если нужны. Таким, как вы, черномазым, на год хватит!

Рахим и Шариф увидели у своих ног два золотых. Они смотрели то на монеты, то на Кобилбая.

— Эге, кого это ты убил?

— В нашем роду нет убийц!

— А, значит, брат дал!— сказал Шариф.— Скажи, наконец, ты встретился с брат?

— Встретился.

— Видно, хороший человек.

— Да, хороший!

— Что же, он так и будет все время спрятан?— сказал Рахим.— Надо придумать, как ему выбраться из беда... Ты не говорил с ним об это?

— Говорил... Придет время — все уедем в Ташкент.

— Здорово!— подхватил Рахим и подмигнул Шарифу.— Значит не случайно этот негодник говорил, что мы поедем в Ташкент. Ну, хорошо, Кобил, по рукам, поедем в Ташкент посмотрим на русских¹.

Шариф поднял золотые и протянул их Кобилу.

— Забирай, спрячь обратно!

Кобил не стал брать.

— Золотые — это вам. Каждому по монете!

— Не сердись, мы ведь шутил.

Кобил рассмеялся и начал спокойно одеваться.

¹ В это время Ташкент уже был в руках у русских.

— Не берешь, негодник?

— Да ведь говорю, что это вам... Брат прислал...

— Он нам ничего не должен был.

— Эх вы, несмышленные! Брат сказал, что не может принять вас как гостей там, где он теперь находится, вот и дал вместо этого деньги. Ну, поняли теперь?

— Ах ты, проклятый, нашими же деньгами швыряешь нам в лицо.

Кобил засмеялся, а они стали выхвалять Анвара и ругать Кобила.

— Ты совсем другой породы, чем он. Если бы ты был один род с ним, знал бы, что такое гостеприимство. Мирза Анвар и незнакомых гостей своих осыпает золотом, а ты, негодник, запер нас в пустая лавка. Если бы не твой брат, мы подняли бы весь твой милый Коканд как комок глины и бросили тебе в рот, чтобы мозги через нос вытекли!

Кобил что-то проворчал.

— Не ворчи, не ворчи, негодник! Нам не деньги — друзья, нам человек — друг... А ты? Да если вывести тебя на базар, никто даже в рот тебе не заглянет — зубы проверять... Тебя все равно и за грош не купят.

Так они шуточно переругивались с Кобилбаем, как вдруг, покрывая шум и гомон, на Чарсу раздался оглушительный крик. На базаре все стихло, замолкли, прислушиваясь, и наши джигиты.

Э-э-эй!

Слушайте меня, о люди, слуги шаха своего!

Слушайте, запоминайте все слова до одного!

Имя писаря Анвара вам известно с давних пор.

При дворе он был мирзою, нынче он — беглец и вор!

Провинясь пред падишахом, он скрывается в бегах.

На мирзу в великом гневе наш властитель-падишах.

А пока мирзу Анвара слуги шаха не нашли,

За Анвара отвечает друг его — Султанали.

Слушайте меня, о люди!.. И на ус мотайте свой:

За грехи мирзы Анвара друг ответит головой.

Соберись, народ!.. Послушай!.. Слушай голос мой,

народ!..

Погибает неповинный!.. Завтра в полдень он умрет!

Злое дело совершится!.. И кричу я для того,

Чтоб меня Анвар услышал или близкие его,

Чтобы до ушей Анвара все слова мои дошли:
По вине его погибнет друг его — Султанали!..
Кто в огонь бросает друга, сам погибнет в свой черед.
Своего спасенья ради друга друг не предаст!
Кто безвинному поможет, кто Анвара известит —
Груз грехов навеки сложит, бог его благословит!

Глашатай умолк. На базаре снова поднялся шум. Кобилбай, слушавший глашатая сначала безразлично, постепенно стал прислушиваться с напряженным вниманием, а теперь погрузился в глубокое раздумье.

— Что с тобой, Кобил? Почему молчишь? О чем это он тут кричал?

Кобил молча покачал головой.

— Говори! — сказал Шариф. — Он, кажется, сказал, что мирза Анвар виноват в что-то?

Кобил продолжал молчать.

— У тебя язык присох, что ли? Поймали твой брат?

— Нет.

— Так почему же ты молчишь?

— Его собираются поймать...

— Собираются? — зло усмехнулся Рахим. — Ну так они поймают вчерашний день.

— Э, вы не поняли; помните, на днях мы ходили к одному человеку на дом?

— Да!

— Так вот этого человека, как друга Анвара, схватили и держат в качестве заложника! Его казнят, если Анвар не явится до завтра!..

Эти слова привели обоих джигитов в страшное смятение, в их глазах вспыхнули гнев и отвращение.

— Это не хан, это паршивый пес! — закричал Рахим. — Это все равно, что если б я — преступник, а вместо меня казнил Шарифа. Ей-богу, это не хан, это пес!

Кобил прикусил губу и сделал знак молчать. Но взбешенный Рахим продолжал кричать:

— Это не хан, а грязный животное! А, чтоб ему, паскуде!..

— Тише, тише, — испугался Кобил, он даже встал. — Сумасшедший, какая польза от крика!

— А, чтоб ему, паскуде!

Кобил подбежал к дверям лавки и выглянул на улицу.

— Пусть и меня зарежет это продажная тварь! Ах, чтоб ему!..

Рахим был подвержен приступам гнева. Кобил и Шариф хорошо знали это. Он не выносил несправедливости, кого бы она ни касалась, и вот, как сейчас, мгновенно приходил в неистовство. Покричав еще некоторое время, Рахим успокоился.

Кобил тем временем закрыл дверь в лавку и вернулся к друзьям. Все трое некоторое время молчали.

— В этот бранный мир надо сделать хоть одно доброе дело, Кобил,— сказал Рахим, и глаза его вновь загорелись.— Где зиндан¹ этого гнусного хана?

— Зачем тебе зиндан?

— Нас три,— сказал Шариф.— Сегодня же ночью мы или погибнем, или освободим бедняга!

Кобил многозначительно посмотрел на Шарифа, а Шариф, в свою очередь улыбаясь, подмигнул Рахиму.

— Да что с тобой делается?

— Ничего!— ответил Рахим.— С чем уйдем мы с этот свет? Умрем,— что после нас останется? Богатство, что ли, или красotka жена?

— Да ничего от нас не останется!— подхватил, усмехаясь, и Шариф.

— Давайте руки,— сказал Рахим, протягивая обе свои Шарифу и Кобилу.

И оба, улыбаясь, подали ему руки.

— Даете слово?— продолжал Рахим.

— Даем! Верное слово, храбрый Рахим!

— Без шуток!

— Ну конечно!

— Ну, тогда все!— сказал Рахим, отпустив их руки.— Решено!

Друзья замолкли. С базара по-прежнему доносился шум. Где-то пели странствующие монахи, да рядом с лавкой, где сидели джигиты, продавец сбоя восхвалял жирный вареный хасип².

Кобилбай, сидя на подстилке, молча играл прутиком. Наконец он поднял голову и заговорил:

— Мне нужно кое-куда сходить.

¹ Зиндан — тюрьма под землей.

² Хасип — бараньи кишки, начиненные мясным фаршем и рисом.

— Например, куда?

— К ткачу, который вчера заходил за мной, и к брату.

— Зачем?

— Сначала надо выяснить, правда ли, что Султанали арестован. А если это правда, так посоветуемся с братом, как лучше действовать, чтобы не трудиться зря.

Шарифу понравилось решение Кобила и кивком головы он дал понять, что согласен с ним.

— Хорошо, иди! А мы пока будем готовиться точить наши кинжалы. Но не задерживайся надолго, негодник!

Шариф и Кобил усмехнулись: уж очень деловито Рахим все это сказал.

Кобил покинул лавку.

56. «ДО СВИДАНИЯ, РАНО!»

Много есть волевых и храбрых женщин на свете. Иные из них даже храбрее мужчин. И все же, как бы ни была сильна их воля, они остаются в плену своих чувств. Вот хотя бы героиня нашего романа Рано. Ее протест против произвола и тирании хана, вовлечение в эту борьбу растерявшегося Анвара могут служить примером даже для девушек нашего времени.

Однако и эта сильная волей девушка оказалась в плену чувств. Дело в том, что Анвар, посоветовавшись ночью с братом, решил в ближайшие дни бежать из Коканда в Ташкент. Рано тоже не жаль было распрощаться с Кокандом, но вдруг, когда все уже было решено, ее обуял страх. В то же время она задумала одно смелое дело: прибрататься в сопровождении старухи-хозяйки в свою махаллю и, спрятавшись за ворота чужого дома, вызвать туда на свиданье свою мать. Всю ночь продумывала она свой план и утром поделилась им с Анваром, весьма огорчив и обеспокоив его. Так и сидели они у сандала, дуясь друг на друга.

— Ты слишком поддаешься чувствам. Тебя на каждом шагу подстерегают опасности. Между нами говоря, твоей матери тоже нельзя довериться.

— Во-первых,— возражала Рано,— никто не узнает меня под паранджой! Было бы просто чудо, если бы узнали. А во-вторых, почему нельзя доверять маме?

— Ты бежала из дому... ты опозорила свою мать.

— Ничего подобного! Я хорошо знаю маму, она совсем не такая, как вы думаете!

— Ну хорошо, допустим, что тебя по дороге никто не узнает, и старуха сможет провести тайком твою мать, и матери можно довериться,— и все же, неужели ты не можешь ради меня отказаться от этого замысла, Рано! Душа моя, обещаю тебе, что, как только мы приедем в Ташкент, мы сейчас же напишем твоей матери письмо, расскажем о своем житье и попросим прощения.

Рано только заплакала в ответ и плакала долго-долго...

— Может быть, я уже никогда в жизни не увижу маму!

— Эх, Рано, Рано!— старался успокоить ее Анвар.— Ты думаешь, что Худояр проживет сто лет, а мы так и умрем в Ташкенте? Ему, может быть, еще лет пять осталось... А если будет свирепствовать, как сейчас, то и пяти не протянет... Жизнь показала, что, чем больше человек совершает насилий, тем меньше он живет. А если у тебя не хватит терпения ждать его смерти, то что-нибудь придумаем, вызовем маму в Ташкент или через некоторое время, когда обо всем немного забудется, сами вернемся в Коканд.

А Рано все плакала и молчала. Замолк и вконец измученный Анвар.

— Ну хорошо, не плачь! Еще два дня мы должны повременить с отъездом. Сегодня ночью придет мой брат, он должен закупить все, что нужно нам в дорогу. Еще не известно, сможем ли мы выехать послезавтра вечером. Так что можешь не торопиться. Может быть, мы еще что-нибудь придумаем. Но то, что ты хочешь сделать, очень опасно...

Рано облегченно вздохнула, осушила платком лицо, но продолжала молчать. Анвар улыбнулся, хотя выражение обиды еще не сошло с его лица, и шутливо погрозил Рано. В ту же минуту в стену, выходящую на улицу, кто-то постучал несколько раз. Рано и Анвар напряженно вслушались и вопросительно посмотрели друг на друга.

— Это кто-то свой,— сказал Анвар, немного выждав.— Я договорился с Сафаром-ака, чтобы днем он стучался в стену... Пойди скажи старухе, пусть откроет дверь.

Рано вышла из комнаты, и через несколько минут во дворе послышался шум шагов. У Анвара забилось сердце, что это вдруг Сафар пришел в неурочное время?.. Дверь открылась и вошел Сафар с Кобилом. Анвар, глядя на них, ничего не понимал. У Сафара был беспокойный, взволнованный взгляд, и подозрения, шевелившиеся в душе Анвара и раньше, пробудились вновь.

— Вы, конечно, пришли не случайно в такой час?— тихо спросил он.— О нас узнали?

Сафар озабоченно взглянул на своего спутника и вложил руки в рукава.

— Нет...

— Арестовали Султанали?— так же тихо спросил Анвар и добавил:— Наверное, арестовали!

Сафар переглянулся с Кобилом.

— Да, дорогой, это так! Мы совершенно растеряны. Анвар побледнел и веки его слегка затрепетали.

— Ничего, освободим! Когда это случилось?

— Вчера вечером. Я узнал от жены Султанали... сегодня утром она прибежала ко мне... А в это же время пришел ваш брат...

— А вы, Кобил-ака, от кого узнали?

Кобил рассказал о глашатае и о том, что он и его товарищи решили в связи с этим сделать.

Анвар со своей серьезностью выслушал брата, потом погрузился в длительное молчание.

— Спасибо вам и вашим товарищам за заботу,— сказал он наконец.— Но таким путем трудно освободить Султанали. А пожалуй, и совсем невозможно!

— Если бы только узнать, в каком зиндане он находится, то почему же?.. Вполне возможно, Анвар! Мои товарищи — храбрецы! Уж об этом не беспокойтесь!

— Благодарю! Конечно, на такое дело могут решиться только храбрые люди. Но я не верю в возможность освобождения Султанали, потому что узников, подобных ему, заключают в тюрьму, находящуюся при дворце.

— А туда так трудно проникнуть?

Анвар кивнул головой.

— Невозможно! Пятьдесят человек охраны ходят всю ночь под крепостной стеной.

Кобил с грустью посмотрел на Сафара, тот гневно кусал ус.

— А если он в зиндане, значит можно все же спасти его, ваша милость?— спросил Сафар.

— Возможно... Но вряд ли его будут держать в зиндане, Сафар-ака!

Все умолкли. Кобил то и дело снимал тюрбетейку и почесывал голову. Анвар шевелил пальцами так, словно старался вырвать нитку из одеяла, покрывающего сандал.

— Не плохо бы, Анвар, выяснить — в зиндане ли он!

— Выяснить... можно...

Услышав эти слова, Кобил обратился к Сафару.

— Пошлем кого-нибудь в дом Султанали сказать его жене, чтобы она принесла ему в зиндан передачу. Что вы думаете об этом, Сафар-ака?

— Хорошо, брат, правильно!

— А вы, Анвар?

Анвар кивнул утвердительно.

— А теперь вот о чем мы должны вам сказать,— продолжал Кобил.— Мы по дороге сюда толковали... о том, что, по правде говоря, неплохо было бы вам сейчас уйти из этого дома. Ведь и Султанали только человек. Если жизнь ему покажется дороже, и он выдаст...

Анвар, улыбаясь, покачал головой.

— Султанали не таков, будьте спокойны,— уверенно сказал он и задумался...— Ну, а жена его? Это поопаснее. Женщина, чтобы спасти мужа, может такое натворить!

Сафар сказал, что, находясь у него, она услышала о намерении Кобила с товарищами спасти Султанали и успокоилась.

— Это все правильно сделано, благодарю. Пусть человек, которого вы пошлете к ней, еще раз все растолкует, успокоит, убедит в том, что завтра в полдень муж ее будет на свободе. Если понадобится, даже обманите ее, скажите, что если до утра он не будет освобожден, то Анвар явится сам, чтобы спасти его. Заверьте ее в том, что излишняя торопливость только испортит дело и муж ее может погибнуть.

— Хорошо, дорогой мирза, хорошо!

— А к вам, Сафар-ака,— сказал Анвар,— еще одна просьба.— Сафар слушал с глубоким вниманием.— Уведите Рано... Ей не надо оставаться здесь...

— Хорошо, хорошо!

Тогда Анвар встал и, сказав, что вскоре вернется, вышел из комнаты.

Слепой старик по-прежнему очищал коробочки хлопка, старуха вертела чигирик.

Рано сидела у сандала, уставившись взглядом в одну точку.

Выйдя во двор, Анвар поманил ее к себе. Они отошли в сторону.

— Ты слыхала, Рано?

— Что?

— О чем они говорили?

— Нет!

— Мы в опасности: наше местопребывание может быть раскрыто. Султачали арестован... Боятся, что он выдаст...

Рано широко раскрыла глаза.

— Ах!

— Не бойся. Тебя сейчас уведет отсюда Сафар-ака. Я тоже уйду. Нам придется разлучиться, пока не готовят все к отъезду. Иди оденься.

— Правду ли вы говорите?

— Да! Ничего не бойся, это лишь предосторожность. Сейчас нам ничего не грозит. Вот только Султанали арестован.

— Моя одежда в комнате...

— Ну, так они выйдут, и ты тогда оденешься.

Молодые люди вернулись на айван. Анвар пошел в комнату.

— Она сейчас оденется, — сказал он, входя. — Вместе вам идти будет неудобно, вы пройдете немного вперед, а Рано последует за вами.

— Хорошо!

— После этого, Кобил-ака, вы узнаете, что делается в زندане, и вечером придете ко мне.

Кобил кивнул и вышел вместе с Сафаром. Тогда вошла Рано и начала быстро одеваться. Анвар, расстроенный и огорченный, пристально всматривался в ее милое лицо.

— Куда вы пойдете? — спросила Рано.

— Я... я тут неподалеку... к знакомым!

— А мне... нельзя вместе с вами?

— Нет, это опасно!

Рано вздохнула. Как горька разлука! Она уже совсем оделась и даже паранджу взяла в руки. Анвар отошел в угол комнаты, подозвал к себе Рано, крепко обнял ее и поцеловал.

— Брат будет навещать тебя, сообщать обо мне, помогать, если нужно.

— Уедем, скорее уедем в Ташкент... я больше трех дней не вытерплю...

— Хорошо, Рано! Дай, я еще раз тебя поцелую!

Рано, улыбаясь, подставила ему щеку. Анвар все никак не мог оторваться от ее лица.

— Довольно, меня ждут!

Он отпустил ее, говоря:

— Возьми деньги, Рано! Я рассеян, могу потерять их.

Рано вынула из-под кошмы в углу комнаты кошелек с золотыми.

— Оставить вам пару монет, может быть понадобится?

Анвар покачал головой, говоря, что ему ничего не нужно. Тогда Рано вытащила два золотых и сказала:

— Эти деньги я отдам тетушке и старику, каждому по золотому.

— Дай, дай... Ну, до свидания, Рано!

Она кивнула головой и вышла из комнаты.

Анвар слышал, как Рано простилась на айване со стариками, и его глаза наполнились слезами. Грудь вздрагивала от волнения, страшная тяжесть сковала его тело и он, ослабев, прислонился к стене.

57. ОТЧАЯННАЯ ХРАБРОСТЬ

Кобилбай, выслушав Анвара, не поверил своим ушам и подошел к нему поближе.

— Что, что вы сказали, Анвар, я не понял вас!

Анвар повторил свои слова, Кобилбай отпрянул от него с широко раскрытыми от ужаса глазами и так застыл.

— Неужели, брат мой, вы хотите сделать это? Сами пойдете туда?! Нет, это невысказано! Может быть, хан просто пугает, думает таким образом достигнуть цели? Бросьте даже думать об этом, брат мой!

Анвар сидел, устремив глаза в одну точку. Лицо его

выражало решимость. Он подвинул какую-то бумагу, лежавшую на сандале, в сторону Кобила и сказал:

— А если не пугает? Хан не такой, он шутить не станет, действует всерьез. Итак, вы отдадите завтра это письмо Рано и по мере сил поможете ей!

— Оставьте, брат, это неразумно!

— Нет, это решено,— отрезал Анвар.— Я не изменю своего решения! Мне нужно лишь одно: знать, что вы все для нее сделаете!

Кобилбай вздохнул, взяв письмо, но еще долго молча сидел. Потом вдруг встал и двинулся вон из комнаты.

— Куда вы?

— Ухожу.

— До свидания, простите!

Кобилбай ничего не ответил.

* * *

Полдень. Через час должна совершиться казнь над Султанали. Во дворце жизнь идет своим чередом — тихо, спокойно. То и дело беки деловито входят во дворец в своих парчовых и бархатных халатах. В дворцовой канцелярии царит новый дух: благодаря заступничеству почтенных муфтиев, с ними снова работает уважаемый молодой ученый, привлекательная внешность которого выгодно выделяется среди других писарей.

Лица обоих муфтиев озарены радостью победы, они перебрасываются шутками, при этом глаза молодого мирзы ласково лучатся, и по губам пробегает нежная улыбка.

— Перед ним выбор,— говорит Шаходат.— Он должен выдать Анвара или умереть!

— Да, конечно,— соглашается мулла Абдурахман.— Но даже, если он укажет, где Анвар, все равно понесет наказание... Не забывайте этого.

— Это за что же — наказание?— удивляется Калоншах.

— А за то, что если он найдет Анвара, значит знал, где тот скрывается, и сам же устроил ему побег.

Калоншаха не удовлетворил этот как будто исчерпывающий ответ.

— Значит, если он не может найти Анвара, то он и не виноват. И правда, как ему найти его, если он не

знает, где он?! И в таком случае он будет казнен невинно. Кто же ответит за это? На кого падет его кровь? Вот что меня смущает.

Его собеседникам нечего было возразить, и они умолкли. Оживленная беседа прервалась на этом. Мулла Каловшах, чувствуя себя победителем, с независимым и гордым видом принялся за свои бумаги.

А в этот час Султанали должны были вести на казнь. Во дворце никто не сомневался в том, что он будет казнен: тому, кто осужден самим ханом, нет пощады. Даже если он сознается чистосердечно в своей вине, все равно казнят. Никому в голову не приходило, что Анвар может оказаться таким истинным другом и храбрым, чтобы явиться к хану и спасти тем самым Султанали.

Правда, накануне глашатай во всех концах города зывал к милосердию Анвара, чтобы тот не дал пролиться крови невинного. Но могли ли верить придворные с их растленной совестью, что Анвар совершит такое «безумие»?

А оно свершилось. В этот день, еще до полудня, впервые в жизни они увидели человека с великой совестью, с львиным сердцем, огромным, как гора. Он шел на смерть улыбаясь, и они, пораженные его мужеством, остолбенели. Да, даже эти цепные псы деспота не смогли остаться равнодушными: работавшие в канцелярии бросили свои дела и подошли к двери; идущие по двору останавливались, глядя на храбреца, который шел, хладнокровно с ними здороваясь.

Проходя мимо ханской канцелярии, он сделал общий поклон писарям, выглядывавшим из окон и дверей, уверенно поднялся вверх по лестнице и вошел в ханские покои. Он переступил заповедный порог, прошел мимо охраны и остановился: идти дальше можно было только с разрешения, полученного от хана через худайчи. Худайчи Дарвиш стоял у входа, почтительно сложив руки. Появление Анвара поразило его, и он сразу же пошел доложить о его приходе. Худояр сидел на троне, откинувшись на спинку. Прямо перед ним стояли два палача. Тут же находилось несколько придворных, среди них главный визирь и знатный Турсуи, с которыми хан вел беседу.

— Ваше величество,— обратился к хану худайчи,—

преступник явился добровольно и отдается на вашу милость.

— Какой преступник?

— Мирза Анвар!

Хан вздрогнул от неожиданности, всех поразила эта весть.

— Приведи!

Худайчи склонил голову и, пятась, вышел из зала.

Анвар, вызывая всеобщее изумление, вошел в зал, где восседал Худояр, встал на пороге между обоими палачами и поклонился хану.

У Худояра, увидевшего, как храбр его соперник, задрожали веки, затряслась борода: не находя слов, он то открывал, то закрывал рот.

— Ты нам изменил, собачий сын!— наконец произнес он.

Анвар кивнул головой.

— Сознаюсь!

— Забыл мои милости!

— Да, так!

— Сознаешься, не увиливаешь? Хорошо делаешь!— продолжал хан, злорадно усмехаясь.— Что ж, и умереть готов?

— Да, я пришел не для того, чтобы просить о помиловании,— спокойно сказал Анвар.— Я принимаю смерть, чтобы спасти невинного.

Присутствующие пришли в крайнее изумление.

Худояр язвительно рассмеялся.

— Хочешь поступить, как правоверный мусульманин?

— Именно так! Одни, забыв о том, что они мусульмане, хватают за чужие грехи невинного человека, а я предпочитаю умереть верным мусульманином!

Услышав эти слова, Худояр густо покраснел, на лице выступили капли пота. Он пришел в ярость.

— Ты думаешь, что шариат поощряет твои поступки, негодяй!

— А разве, государь, в шариате сказано, что, имея сто жен, можно отнимать силой невесту бедняка?

— Палач, уведи его!

С криком «наши кинжалы жаждут крови» палачи кинулись к Анвару. Но он покачал головой и усмехнулся.

— Нет, государь, пока я своими глазами не увижу, что невинный получил свободу, меня отсюда не выведут,— сказал Анвар и мощным толчком отбросил от себя палачей, уже тащивших его к выходу.— Где ваша справедливость, государь?!

Громовой окрик Анвара отрезвил Худояра. Он приказал палачам остановиться, а худайчи велел привести Султанали. У Анвара глаза налились кровью, опустив руки, стоял он перед Худояром.

В тронном зале воцарилось молчание. Даже Худояр, в подобных случаях свирепствовавший и ругавшийся непотребными словами, сейчас умолк. Он понимал, что на каждое бранное слово получит от Анвара сокрушительный ответ. Верно сказал Саади, что ни у кого так не развязан язык, как у человека, потерявшего надежду спасти свою жизнь. И действительно, человек бывает способен на подлость ради выгоды или под угрозой смерти. Но человек, пренебрегающий выгодой, идущий на смерть, не боится ни хана, ни ада.

Через некоторое время вошел худайчи, ведя за собой Султанали. Увидев, кто стоит перед ханом, он задрожал. Став неподалеку от Анвара и все еще дрожа, он поклонился хану.

— Вы свободны,— сказал ему хан,— идите в канцелярию и принимайтесь за работу.

Султанали снова поклонился хану.

Анвар искоса, как бы с насмешкой, посмотрел на Султанали.

— Вот вы предали меня, доказали свою верность хану и, несмотря на это, угодили в зиндан... А я, неверный, как вы называли меня, спасаю вас! Не забывайте этого, Султанали-ака!— сказал Анвар и, обратившись к хану, добавил:— Я готов, пусть меня свяжут, выведут и казнят!

Султанали вышел, из глаз его катились слезы. Палач начал связывать Анвару руки за спиной. Тогда встал ученый Мухаммад Нияз и, поклонившись хану, сказал:

— Прошу ради меня простить этого грешника.

Хан отвернулся от Мухаммада Нияза, бросив палачам:

— Ведите его на площадь!

Словно смеясь над ханом и его приближенными,

Анвар сделал прощальный поклон. Палач пошел вперед, вслед за ним, под охраной двух вооруженных стражников, следовал Анвар. Он шел на смерть так же гордо, как входил во дворец. Встречая по дороге знакомых, он одним своим взглядом как бы говорил — «прощайте». Особенно выразительно он посмотрел на Султанали, который, чуть не теряя сознание, стоял у ворот. Султанали понял, что хотел сказать ему Анвар; бледный как смерть он долго смотрел ему вслед, пока Анвар совсем не скрылся из виду, и ему казалось, что сердце его от горя истекало слезами.

На новой площади бурлил народ. Увидев, что туда направляется палач с ножом за поясом и алебардой в руке, а за ним следует узник, толпа ринулась к площади: некоторые, правда, с отвращением сворачивали в сторону. Площадь, где свершались казни, находилась между новыми торговыми рядами и дворцовым садом. На краю, у сада, стояла виселица и тут же была вырыта яма для стока крови.

Народ вплотную окружил это место. Стражники разгоняли толпу, что не мешало людям снова и снова проталкиваться поближе.

Анвару, подведенному под виселицу, развязали руки и подали воду для омовения. На это приговоренные к казни имели право. Под надзором стражников и палача он совершил обряд омовения и расстелил на земле свой халат. Стражники расширили немного круг, и Анвар помолился. Потом он встал, дал связать себе руки и тревожно осмотрелся.

Народ образовал плотную стену, вперед протискался мулла Абдурахман. Анвар поймал его злорадно торжествующий взгляд и вздрогнул. Мулла Абдурахман ухмыльнулся.

— Вы можете смеяться, мулла, — вы отомстили! — громко сказал Анвар.

Все обратили свои взоры на Абдурахмана.

— ...Только вам помогла в этом ваша подлость, а я пожинаю плоды правды. Вы победили благодаря грязной совести, я побежден потому, что совесть моя чиста. Что привело меня на плаху, мулла? Разве не совесть? Что сделало вас, мулла, зрителем моей казни? Разве не подлость?

Храня гробовое молчание, народ с негодованием смотрел на «духовного пастыря».

Анвара подвели к яме под виселицей. Он сам сел подле нее, и когда палач уже подошел к нему с обнаженным кинжалом, он знаком попросил его повременить. Затем, улыбаясь, он обратился к Абдурахману.

— Глядите на меня, мулла, руки мои связаны, над моей головой сверкает нож, а я смеюсь... Почему? Да потому, что совесть моя спокойна, душа чиста, сердце полно любви! Да, я сейчас умру, меня заруют, а на моей могиле расцветут тюльпаны с черной сердцевинкой: это черные раны, которые нанесли моему сердцу вы и подобные вам низкие люди!..

Народ заволновался.

Анвар лег на землю, вытянувшись во весь рост, палач поточив свой кинжал о рукав, нагнулся над Анваром...

В тот же миг кто-то сильно толкнул палача сзади и он свалился в яму вниз головой. В нескольких шагах от него чьи-то сильные руки схватили стражников, вооруженных кинжалами, не давая им шевельнуться. Послышалась звонкая пощечина — и мулла Абдурахман с развешенной чалмой опустился на землю.

Народ пришел в смятение. А в это время, пользуясь суматохой, Кобилбай разрезал веревки на руках Анвара, они оба скрылись в толпе и мгновенно исчезли. Вконец растерявшиеся, обезоруженные стражники хватали кого попало. А палач, весь измазанный чьей-то запекшейся кровью, пытался выкарабкаться из ямы.

Дня через два после этого события, между городскими воротами Бешарыка и Ходжента в полночь у городской стены появились четыре человеческие тени. В этот час только еще всходила двадцатидвухдневная луна, к тому же ее первые лучи загораживала крепостная стена. Люди стали взбираться на стену. Вот один из них уже на ее зубчатой верхушке, он движется ползком, осматривается, на него падает луч луны и теперь видно, что это Сафар-ткач. Перед его глазами голый холм, расположенный по ту сторону крепости... Луна в тумане, вдаль виднеются черные обнаженные сучья деревьев.

Одного за другим поднял наверх своих спутников Сафар. Это были Анвар, Рано в парандже и последним,

с веревкой в руке, появился Султанали. Осторожно подойдя к краю стены, он посмотрел вниз.

— Аршинов, восемь будет,— прошептал он.— Идите сюда; Анвар!

Анвара под мышками обвязали веревкой, Султанали и Сафар обнялись с ним на прощание, он переступил край стены и повис. Султанали и Сафар начали потихоньку спускать веревку.

— Я на месте, тяните!— раздалось снизу.

Веревка стала совсем легкой и ее мигом подняли наверх. Теперь ею обвязали закутанную в паранджу Рано.

— Крепче держите веревку!.. Упирайтесь в стену ногами... осторожно спускайтесь! Будьте здоровы, сестра!

— Передайте привет от меня жене, дядя!

Крутясь и слегка задевая за стену, спускалась Рано на веревке. Примерно на расстоянии аршина от земли ее подхватил Анвар и бережно опустил на землю.

— Пустите!.. Я сама...

— Тут арык, попадешь в грязь.

Анвар пронес Рано несколько шагов и опустил ее по ту сторону арыка Туя-тойди. Рано освободилась от веревки, и веревка тут же ускользнула наверх. Анвар вернулся к подножию стены и позвал:

— Султанали-ака!

Над стеной показалась тень Султанали.

— Будьте осторожны, Султанали-ака. Не задерживайтесь дольше, чем на неделю. И убедительно прошу, нигде не показывайтесь.

— Будьте спокойны, будьте спокойны!

С момента освобождения Анвара исчез и Султанали. Хотя хан ему ничем не угрожал, он решил быть осторожным. Домашние дела еще требовали его присутствия, и уехать он мог лишь через неделю.

Анвар вернулся к Рано, стоящей по ту сторону арыка, и в последний раз попрощался с друзьями.

— До свидания, Султанали-ака, до свидания, Сафар-ака!

— До свидания, дядюшки!

— Бог в помощь, Анвар!

— Счастливо доехать!

На стене кто-то всхлипнул. Анвар пропустил Рано

впереди себя и двинулся за ней к дереву, стоявшему поодаль. Шли, с трудом отрывая ноги от земли, дорога была болотистая, вязкая. Пройдя шагов двадцать, Рано остановилась: кавуша завязла в тине, и девушка никак не могла оторвать ногу от земли. Анвар подошел к ней и поднял на руки.

— Я в сапогах... И пока не выйдем на дорогу, пожалуйста, молчи!

— Пустите, мне стыдно...

Анвар молча шагнул. Пройдя так шагов тридцать, он опустил Рано на землю и махнул рукой друзьям, все еще стоявшим на стене.

Двинулись дальше. Вскоре из-под дерева, к которому они направлялись, выскочили два всадника. Быстро подъехав, один из них спешился и сказал Анвару, протягивая ему повод:

— Скорей садитесь!..

Это был Рахим. Он помог Анвару взобраться на коня. Анвар вынул ногу из стремени, позвал Рано, и она села сзади него; другой конь был предназначен для Рахима с Шарифом.

Анвар снова оглянулся на стену. Наверху все еще маячили две тени. Он махнул им камчой и тронул коня.

В густой тени другого дерева стояла крытая арба. Оттуда навстречу всадникам вышел Кобилбай. Рано и Анвар пересели на арбу, а Рахим взял своего коня. Он и Шариф верхом двинулись по обе стороны арбы, выехавшей на дорогу.

Колеса арбы, обитые железом, ударились о камни. «Шак-шук, шак-шук» — стучали они. Удаляясь дальше и дальше, всадники и арба становились все меньше и вскоре исчезли из виду за широкой грудью степи. Лишь откуда-то издали раздавался затихающий стук колес...

О последующей жизни мирзы Анвара

Историю мирзы Анвара я услышал от своего покойного отца. Бежав из Коканда, мирза Анвар поселился в Ташкенте и прожил несколько лет в знаменитой махалле Эски-джува. В то время там стоял наш дом, и мы были с ним соседями. Вот что рассказал мне отец:

Вокруг шли толки: «Из Коканда приехал какой-то писарь и снял себе квартиру там-то и там-то». Я уже был несколько наслышан о нем, а видеть не видел. Как-то, в один из дней поста, когда после моления все вышли из мечети, суфи сказал нам: «Писарь Худояр-хана приглашает всех на разговорье». И вот мы — а было нас примерно двадцать человек — пошли к нему.

В одной комнате и на айване были разостланы дорогие ковры, разложены курпачи, расставлены вкусные яства... Когда все расселись, в дверях появился красивый джигит. «Добро пожаловать», — приветливо сказал он. Это и был мирза Анвар. Мы отведали угощений и спросили хозяина, как ему у нас живется, здоров ли он? «Да вот захотелось мне стать ташкентцем», — рассмеялся он. Мирза Анвар приготовил любимое блюдо ташкентцев — норин¹, и мы отдали ему должное.

Незадолго до благодарственной молитвы мулла и с ним еще несколько человек вышли из комнаты. Мы удивились, не понимая, что это значит. Но они вскоре вернулись. Когда же убрали все блюда и наступило время фатыхи, перед муллой поставили касу с водой, и он начал совершать обряд венчания. Все были поражены до крайности. Оказывается, венчали мирзу Анвара с какой-то девушкой. Мулла прочел венчальную молитву «нұках»,

¹ Норин — суп из крошеного мяса с кусочками теста.

а затем мы все помолились за счастье молодых супругов и разошлись, не переставая удивляться такому необычному обряду бракосочетания. Вскоре с мирзой познакомились еще некоторые мои друзья. Мы стали приглашать его в гости, и вот на одной из таких встреч он и рассказал свою историю, немало поразив нас. С тех пор все мы еще сердечнее относились к нему.

По словам отца, Анвар жил в Ташкенте совершенно спокойно. Худояр был бессилен схватить его там, так как Ташкент находился в руках у русских. Анвар очень нуждался, работал он писарем у разных баев, но не всегда был обеспечен работой. Года через два он вдруг получил от Худояра грамоту, возвещавшую о том, что хан дарует ему прощение. Устав от вечной нужды, Анвар и Ранс, долго не раздумывая, решили вернуться в Коканд. А месяца через четыре после их возвращения на родину кто-то приехавший из Коканда сообщил, что Анвар казнен.

Отец не знал, за что его казнили: то ли ему припомнили старое, то ли «грамота о прощении» оказалась не более чем очередным коварством муллы Абдурахмана.

Я поехал в Коканд, чтобы собрать материал для этой книги. Говорил со старожилками. Среди них был один старый писарь, который хотя сам и не работал в ханской канцелярии, но знал многих писарей оттуда. По его словам, Анвар не был казнен, он намного пережил Худояра и умер своей смертью.

Так и застряв между двух версий, я вынужден столь неопределенно закончить свой рассказ о том, что же произошло впоследствии с мирзой Анваром.

Абдулла Кадыри (Джукунбай)

Ташкент, 15 февраля 1928 г.

АБДУЛЛА КАДЫРИ

Абдулла Кадыри (Джулкунбай) родился в апреле 1894 года в Гашкенте в семье садовника. Он учился в старометодной начальной школе, а затем в 1910 году поступил в русско-туземное училище, открывшееся в Ташкенте для детей местного населения.

В 1915—1917 гг. Абдулла Кадыри изучал в медресе арабский и персидский языки.

С 1912—1913 гг. Кадыри начинает проявлять интерес к литературе. Он знакомится с русской литературой и литературой народов Востока. В 1915 году выходит из печати его первое произведение — пьеса «Несчастный жених», а затем в 1916 году — рассказ «Развратник».

После Великой Октябрьской социалистической революции Абдулла Кадыри работает в продовольственном комитете, позднее занимается журналистской деятельностью. Начиная с 1923 года писатель активно сотрудничает в журнале «Муштум», публикуя фельетоны, статьи и юмористические рассказы, в которых разоблачает представителей духовенства, ведущих паразитический образ жизни.

В 1924 году Абдулла Кадыри едет в Москву и поступает в Государственный институт журналистики. С 1925 по 1926 год работает литературным сотрудником редакции журнала «Муштум».

Великая Октябрьская революция создала условия для развития таланта писателя. Начиная с 1919 года, Кадыри собирает материал для своего романа «Минувшие дни», первую книгу которого он закончил к 1922 году.

Первый роман А. Кадыри «Минувшие дни» был напечатан в 1922 году в журнале «Икилаб», а в 1926 году вышел отдельной

книгой. В 1929 году читатели познакомились со вторым произведением писателя — «Скорпион из алтаря».

В своих романах А. Кадыри разоблачает реакционное духовенство и показывает тяжелое положение женщин Востока в период феодализма.

Следующее произведение Абдуллы Кадыри повесть «Абид Кетмень» (1935—1936 гг.) была посвящена жизни советских людей. В ней писатель стремился показать процесс коллективизации в Узбекистане.

Абдулла Кадыри был одним из первых узбекских интеллигентов, серьезно изучающих русский язык. В 1927—30 гг. он активно участвовал в составлении русско-узбекского словаря, в переводе на узбекский язык русских учебников. Абдулла Кадыри перевел на узбекский язык пьесы «Женитьба» Н. Гоголя и «Вишневый сад» А. Чехова.

Умер Абдулла Кадыри в 1939 г.

5
12
14
31
32
33
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60

Умер Абдулла Кадыри в 1939 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

О содержании романа	3
1. Будущий хозяин Рано	7
2. Рабыня эмира Умархана	9
3. Женитьба махдума. Салих-махдум открывает школу	12
4. Некоторые особенности характера Салиха-махдума	14
5. В семье и с людьми	15
6. Нигор-ханум	18
7. Рано	20
8. Некто из дворца	23
9. Упреки и шутки	27
10. Доброжелатель	31
11. Угроза махдума	35
12. Бедная семья из махаллы Бехмалбоф	40
13. «Знаешь ли ты эту красивую девочку?»	43
14. Истинный друг	46
15. Махдуму повезло	49
16. Милость хана	54
17. Анвар в раздумье	56
18. Ссора у мечети	59
19. Человек с грязным прошлым	65
20. Осторожность	67
21. Церемония вручения грамоты	71
22. Адрасовый халат и горячие лепешки	76
23. Книжное слово	80
24. Тайна поэта	85
25. Свет жизни	91
26. «Почему ты спустила глаза, Рано?»	97
27. Очаг насилия	101
28. Гарем	104

29. Огача-аим	109
30. Госпожи ханские жены	114
31. Сорок девушек	118
32. Назик	123
33. Новое «ремесло» махдума	129
34. Золотая середина	134
35. Хан хочет развлечься	141
36. Шуты	145
37. Заговорщики	151
38. Душа бедняка	154
39. «О, мудрец, остерегайся!»	157
40. Маленький лазутчик	161
41. «А ваши медяки не стертые?»	164
42. Хитрый человек	163
43. Хромая птица	172
44. «Мешок потеряли?»	177
45. «Фатыха — печать всевышнего»	181
46. Настоящий джигит	185
47. Письмо	193
48. Накануне свадьбы	194
49. Загадочный намек	197
50. В плену у любимой	201
51. Храбрая девушка	205
52. «Чудеса» дружбы	208
53. Торжество скорпиона	214
54. Верность верности рознь	219
55. Заложник	225
56. «До свиданья, Рано!»	231
57. Отчаянная храбрость	236
О последующей жизни мирзы Анвара	245
 Абдулла Кадры (биографическая справка)	 247
 Оглавление	 249
Главы 1—30 перевела Вера Смирнова. Главы 31—57 и эпилог — Лидия Бать	

